



ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 5-6 2019

Литературно-художественный журнал

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА ПАВЛА НИКИТИНА



Портрет народного артиста СССР Олега Табакова
в роли Мальволио



Портрет народного артиста РСФСР Сергея Филиппова
в роли Кисы Воробьянинова



XXI ВЕК

ВОЛГА

5-6 2019

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей

5-6
2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Валентин НЕРВИН. Птица, женщина или звезда...	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Владимир ШАБАЕВ. Но слово было дано...	7
СОВЕТ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ	
Иван АЛЕКСАНДРОВСКИЙ. Непарадный портрет	52
ОТРАЖЕНИЯ	
Светлана ПАНКРАТОВА. Прости нас, Алёша...	56
ПОЭТОГРАД	
Ольга ДАРАНОВА. Болдино	60
СТАТЬИ	
Николай ПОЛОТНЯНКО. «В какие давности и дали сейчас ты смотришь и молчишь!..»	70
К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ПУШКИНА	
Светлана КЛИМЕНКО. «Я к вам пишу...»	73
ГОД ТЕАТРА	
Виктор КРЕСТОВ. «Театр навсегда остался моей самой большой и единственной любовью...»	78
СТАТЬИ	
Эдуард АНАШКИН. Стихия речи дана Диане	87
ОТРАЖЕНИЯ	
Нина ТУРИЦЫНА. Военнопленные	92
ПОЭТОГРАД	
Татьяна ЭЙХМАН. В этом дальнем селе над рекой...	101
Николай МАРЯНИН. Код памяти	104
Шафик ИМАТДИНОВ. Преклоняюсь пред светлой любовью...	106
ОТРАЖЕНИЯ	
Елена САМОГАЕВА. Любшинский родник	109
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТУДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	
Дарья ТАТАРЧУК. Давай угоним лифт...	118
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
От Верхневолжья до Альп	121
В САДАХ ЛИЦЕЯ	
Пётр СВИСТУНОВ. Мне двадцать два...	143
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Евгений НОВИКОВ. «Гениальный скульптор с берегов Волги»... (Окончание)	146
«...Раздаривать себя людям» Интервью с Павлом Никитиным.	171
РЕЦЕНЗИИ	
Елизавета МАРТЫНОВА. Чувство родства	176
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Галина МУРЕНИНА. Неизвестный Чернышевский	178
СТАТЬИ	
Александр ДЕМЧЕНКО, Галина ДЕМЧЕНКО. Очередной юбилей...	182

Архангелы покуда не поют,
но радости кончаются до срока:
мечты не греют,
а друзья не пьют,
и до Христа – как до Владивостока.
Я выступаю в роли чудака,
привыкшего по жизни без оглядки
надеяться на лучшее,
пока
слова любви находятся в остатке.

НОЧНАЯ ПТИЦА

Всю недолгую ночь напролёт
между Южным и Северным полюсом
перелётная птица поёт
о любви человеческим голосом.
И звезда от любви до земли
долетает ночными зигзагами,
и плывут по морям корабли
под красивыми, гордыми флагами.
...Эта жизнь утечёт как вода,
но поёт и поёт непонятная
птица, женщина или звезда –
перелётная,
послезакатная...

...Выпила недорогого вина,
как-то неловко потом пошутила –
и на меня посмотрела она
так, что дыхание перехватило.
Долго ли коротко, жизнь прожита –
я не ищу для себя оправданья.
Но вспоминается женщина та,
и – перехватывает дыханье...

ДЕНЕЖКА

Помнишь: Ялта, сумерки сезона,
квёлые осенние цветы...
Остаться не было резона
по причине полной нищеты.
Накануне сдали стеклотару,
за червонец местному менту
продали хорошую гитару,
и – ту-ту.
Запорожье... Белгород... Воронеж...

Только, по законам естества,
ничего ты, девочка, не помнишь:
умерла за день до Рождества.
В тамбуре последнего вагона
я стою на долгом сквозняке,
денежку для хмурого Харона
зажимая в потном кулаке...

ЗВЕЗДА

К утру холодает.
И чудится, вроде,
костёр догорел, а звезде невдомёк,
что недолговечная ночь на исходе –
кукушка молчит и горчит кофеёк.
Любимая,
нам уходить в одиночку,
но я тривиально доволен судьбой:
есть пара минут на хорошую строчку –
на память,
которая будет с тобой.
Сейчас я достану заветную фляжку –
налей до краёв и звезду не туши:
возможно, судьба предоставит поблажку
на время любви,
на пространство души.

Зарядили дожди бесконечные,
слёзы капают наперебой.
Мы с тобою земные, невечные,
мы из плоти и крови с тобой.
Потускнели пейзажи окрестные,
время года пошло на закат,
регулярные силы небесные
взяли наши сердца напрокат.
Если жизнь – это лишь ожидание
невозможного, то, уходя,
на прощание, как на свидание,
подари мне улыбку дождя.

Вот и осень по жизни пришла,
листья заживо падают в спешке;
у кого ни попросишь тепла –
ни золы тебе, ни головешки.
Что романсы, когда наяву,
сообразно развитию темы,
остаётся посыпать главу
лепестками больной хризантемы.

Выше неба и ниже земли,
о весне поминая некстати,
полетели мои журавли,
догоняя тепло на закате.

В ДОРОГЕ

Природа на золото не мелочилась,
на музыку тоже; да что говорить –
такая прекрасная осень случилась,
и как же за это не благодарить?
Опавшие листья летят за машиной,
а память моя за годами летит,
и чудятся за придорожной крушиной
воздушные замки моих Атлантис.
И музыка в них на закате играет,
и женщины там без печали поют,
а дети гербарий любви собирают –
осенней листве умереть не дают.
Я так благодарен судьбе и природе
за эти недолгие тёплые дни!..
Зима на пороге,
душа на свободе,
а люди в дороге.
Но мы не одни.

УДАЧА

Никого ничем не попрекая,
наконец увидел наяву,
почему судьба моя такая
и благодаря чему живу.
Слава Богу, что не позабыли
феи, серафимы, соловьи,
женщины, которые любили,
и друзья хорошие мои.
Слава Богу, в лучшие мгновенья
честно удаётся заслужить
пониманье и благоволенье
тех, кто жили или будут жить.
Люди!
пожелайте мне удачи
в самом очевидном и простом:
чтобы видеть так, а не иначе –
и на этом свете,
и на том.



**Владимир
ШАБАЕВ**

НО СЛОВО БЫЛО ДАНО...

Часть 1

ПРОВЕРКА «ПАРОВОЗОМ»

Дождь не прекращался ни на минуту. Он шёл вторую неделю, и жители столицы уже смирились с ним и относились к нему с той долей обычного безразличия, с каким все мы относимся к тому, что неизбежно должно произойти. Порою уже не верилось, что когда-нибудь с небосвода вновь улыбнётся солнце и исчезнут и эта слякоть, и этот холод, и этот дождь. Он был такой густой и мелкий, что походил скорее на туман. Из вагона мне было видно, как ветер гнал его в свете фонарей вдоль перрона огромными волнами и пассажирский состав, стоящий на соседнем пути, тонул в облаках водяной пыли. Какой унылый вид! Я задёрнул занавеску.

До отправления поезда оставалось двадцать минут. Я ехал в Саратов по делам фирмы. Багаж мой состоял из пакета с продуктами и небольшой спортивной сумки. В ней вместе с вещами и тетрадь, в которую я заносил свои дорожные впечатления и рассказы попутчиков, в надежде, что они пригодятся мне в дальнейшем на писательском поприще, лежала фляжка с коньяком: был конец сентября, ночи стояли холодные, да и мало ли какая оказия может случиться в дороге.

Я был в купе один. Переговоры в Саратове предстояли сложные, и я в который раз пытался просчитать заранее все возможные варианты. Размышления мои прервал толчок, и я понял, что мы едем. Дверь в купе с шумом открылась, и вошёл мужчина лет шестидесяти, крепкого телосложения. Капюшон его плаща был откинут назад. Высокий лоб и открытый, доброжелательный взгляд придавали его лицу мягкость и благородство. Лицо и усы его были мокрыми от дождя, но в глазах светились радость и молодой задор. Прямая спина и уверенность, с которой он держался, выдавали в нём бывшего военного.

-
- Владимир Ильич Шабаетв родился в 1950 году в Ростовской области. Окончил исторический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. 27 лет отдал службе в армии. Публиковался в журналах «На боевом посту», «Роман-журнал XXI век», «Волга—XXI век», альманахе «Саратов литературный», коллективном сборнике «На страже Родины стоим». Автор поэтических сборников «Казачья кровь» и «В тени дубрав». Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

– Ну и погода! Это же просто сказка! – с восхищением произнёс он, поздоровавшись и поставив на пол чемодан.

Я не разделял его восторга и отвечал, что хуже погоды невозможно себе представить.

– Ну что вы, – улыбнулся он, – после такого дождя обязательно пойдут опять! Вы не любите собирать грибы? А я, знаете, обожаю эту тихую охоту.

Он протянул мне руку.

– Будем знакомы. Алексей Иванович.

Я назвал себя. Пришла проводница с постельным бельём. Мы заказали чай.

– Как вы смотрите на то, чтобы заморить червячка? – спросил мой попутчик и, не дожидаясь ответа, стал выкладывать на столик свои съестные припасы. – Вы знаете, порою сам себе удивляюсь, – продолжал он, – стоит мне оказаться в поезде, я тут же усаживаюсь есть, причём ел я перед этим или нет, не имеет никакого значения. Особенно обожаю копчёную колбасу.

Он назвал один из сортов и стал аппетитно рассказывать о её достоинствах. Я так заслушался, что опомнился лишь тогда, когда содержимое моего пакета оказалось на столике.

– А в купе у нас довольно прохладно, – пожелав мне приятного аппетита, заметил он.

Чтобы согреться, я предложил ему коньяку. Едва мы закусили, он настоял, чтобы я убрал фляжку.

– Вы уж меня извините, я выпил, чтобы согреться, а пить просто так, да ещё в дороге – это баловство, – улыбнулся он.

Что-то по-детски чистое и незащитное промелькнуло в его улыбке.

Мой попутчик ехал в Саратов повидать друга. Мы разговорились.

– Вы – бывший военный, – сказал я, – и закончили службу полковником.

– Подполковником, – без тени самодовольства, что я принял его за полковника, отвечал он.

– А ваш друг?

Он достал фотографию и протянул мне.

– Угадайте.

Это был мужчина примерно одного возраста с ним. Гражданский костюм, сидевший на нём безукоризненно, едва ли мог сбить меня с толку. Умное лицо, внимательный взгляд, твёрдо сжатые губы, волевой подбородок – всё решительно указывало на то, что в прошлом этот человек командовал людьми и имел над ними большую власть.

– Трудно сказать, – произнёс я, возвращая фото. – Но что он был старшим офицером, нет никакого сомнения.

– Вы не ошибаетесь?

– Я за это ручаюсь.

Я действительно был в этом абсолютно уверен.

– Он был старшиной роты и уволился в запас в звании старшего прапорщика, – пряча фотографию, сказал мой попутчик. – К слову сказать, некоторое время он был и моим старшиной.

– Старшина в армии – фигура заметная, – сказал я, вспомнив старшину из сериала «Солдаты», и невольно улыбнулся.

– Это был настоящий старшина, – пропустив мимо ушей моё замечание, продолжал он, – и многие, кто знал его по службе, в том числе и старшие офицеры, почитали за честь быть его другом. Вы служили в армии? Вот то-то и оно... – Он с сожалением посмотрел на меня. – Современная молодёжь, насмотревшись дешёвых сериалов, считает службу в армии в чём-то

схожей с лёгкой прогулкой по жизни с забавными приключениями. А служба в армии – это тяжёлая работа, требующая от человека полной самоотдачи, и клоунады в ней никто не потерпит. Создатели сериалов об армии по части выдумки большие мастера. Это хорошо. Но что за охота так безбожно врать? Жизнь казармы намного проще, прозаичнее, суровее. Если бы в армии были такие старшины, как в сериалах, то, поверьте, подчинённым было бы не до смеха, и я сомневаюсь, что после службы кто-нибудь из них с гордостью вспомнил бы такого старшину.

Что я мог ему на это возразить? Он говорил правду. Мне не раз доводилось бывать в компаниях бывших военных, и, едва разговор заходил об армии, все, словно сговорившись, первым делом вспоминали старшину роты; каждый, горячася и перебивая собеседника, старался доказать, что его старшина был строже и жёстче других.

Вошла проводница, держа в обеих руках по полдюжины стаканов в железных подстаканниках. Мой попутчик поспешил освободить место на столике.

– Ну, кудрявый, – подмигнула она ему, – что смотришь? Принимай стаканы.

Это было хамство. Надо отдать ему должное: ни один мускул не дрогнул на лице его; лишь проступившая на щеках и скулах бледность выдала всё, что творилось в его душе в это время. Он принял стаканы, молча поставил их на столик и сказал подчёркнуто ровным голосом:

– Когда я вас увидел, у меня сложилось впечатление, что вы умный, воспитанный человек, но, возможно, я ошибся.

Она явно не ожидала такого ответа. Краска бросилась ей в лицо.

– Ну вот, уже и пошутить нельзя, – фыркнула она и поспешила уйти.

Я с трудом сдержал свои эмоции. Она даже не нашла нужным извиниться, и я нелестно отозвался о проводницах.

– Проводницы тут ни при чём, – возразил он, – и не надо стричь их всех под одну гребёнку. Как это ни горько признавать (но ведь от правды никуда не денешься), у нас у всех это общая беда: мы сначала говорим и делаем, а потом уже думаем.

– Возможно, но извиниться ей никто не мешал.

– Что вам на это сказать, – вздохнул он, – наверное, вы правы. В жизни, если не хотите, чтобы она стала невыносимой, к таким моментам надо относиться проще. Между прочим, именно благодаря, если так можно выразиться, подобному случаю, я и познакомился с моим другом.

Во мне проснулось любопытство.

– Как же это случилось? – спросил я, в надежде, что он не сможет удержаться от воспоминаний.

Мой попутчик извлёк стакан с чаем из подстаканника и осторожно зажал его в ладонях, грея руки.

– Познакомились мы без малого сорок лет назад, – начал рассказывать он. – Я в то время был сержантом срочной службы. В воскресный день вместе с солдатами и сержантами нашей части я ехал в город на трамвае. Светило солнце, пели птицы, цвела сирень, и на душе у меня было светло и радостно. Народу было немного, и я сел на свободное место напротив дверей. Впервые за полгода оказавшись в увольнении, опьянев от весны и новизны впечатлений, я жадно смотрел в окно, забыв обо всём на свете, и не заметил, как рядом со мной оказался забулдыга.

– Что, начальничек, отдыхаем? – наклонился он ко мне, обдавая меня винным перегаром. – Будь моя воля, я бы перевешал вас всех до одного. Вы у меня вот где сидели все два года! – Он коснулся рукою шеи и стал пере-

числать все обиды, что нанесли ему сержанты, когда он служил срочную службу.

– И что ты к парню пристал? – не выдержал сидевший за мною старик. – Вон сколько мест освободилось, сядь лучше, отдохни.

– Ты, дед, в наши дела не лезь, – огрызнулся тот, – у нас с ним особый разговор. А отдохнуть я успею: мне до моей остановки ещё ехать и ехать.

Тут он начал давать мне такие определения, среди которых «кровосос» было самым безобидным. А я слушаю его и улыбаюсь. Я ещё с детства твёрдо держался правила: ты меня хоть горшком назови, только в печь не сажай. Он видит, что я на его слова ноль внимания, ещё больше злится, но в драку не лезет.

– А если бы полез? – не удержался я.

– Если бы полез, мало бы ему не показалось. Родился и вырос я в казачьей семье на хуторе. Может, слышали: хутор Весёлый Ростовской области? Нет? Ну, да это и неважно. Так вот. Жить на хуторе – всё равно что жить на вулкане: народ кругом горячий, отчаянный и смелый до безрассудства. Драки на хуторе такое же обыденное дело, как зимою насморк, и если постоять за себя не умеешь, то лучше собирай вещи и езжай куда подальше. Помню, дня не проходило, чтобы ты кому-нибудь не навешал или не навешали тебе. Дом наш был недалеко от «Ширака». Так прозвали единственную пивную на хуторе местные шутники. Заглядывали туда частенько и местные ребята. Наберут пива и потягивают его на улице возле входа. Идёшь мимо, кто-нибудь из них обязательно к тебе прицепится.

– Как же так? – не удержался я. – Пивная в казачьем хуторе – и вдруг «Ширак».

– Название, согласен, неожиданное, но очень точное, – улынулся он и на короткое время замолчал. – Казаки – народ наблюдательный – заметили, что в пивную, как правило, все идут с шиком, а оттуда некоторые возвращаются, извините за выражение, раком. В пивной от желающих облегчить голову после вчерашнего уже с утра было не протолкнуться. А пиво без водки, как говорится, деньги на ветер. А после водки некоторых непременно тянет на подвиги. Я всё это рассказываю к тому, что драться я умел и драки не боялся. Я и сейчас за себя могу постоять, а в то время и подавно. Смотрю я на забулдыгу и улыбаюсь, а он от злости, что его слова меня не задевают, чуть из штанов не выпрыгивает. Трамвай перед очередной остановкой стал притормаживать. В это время от группы солдат, стоявших на задней площадке, отделился старший сержант и направился к нам. Я знал, что он из первой роты – в части все сержанты знают друг друга в лицо. Подошёл он к нам, положил свою руку скандалисту на плечо и говорит: «Мужчина, вы так заговорились, что можете проехать свою остановку; вам сейчас выходить». Сказал и слегка, как показалось мне, сжал его плечо. От этого пожатия боевой задор скандалиста как ветром сдуло. Видно было, что такое продолжение стало для него полной неожиданностью.

– Да, да, – делая шаг назад, чтобы освободиться от руки, державшей его, с готовностью произнёс он, – я выхожу...

И едва двери открылись, он по ступенькам вниз – и уже стоит на земле.

– Эй! Куда же ты? – окликнул его старик, предлагавший ему отдохнуть. – Вот чудак-человек, тебе же ещё ехать и ехать. Подымайся обратно!

– Нет уж, спасибо, – отозвался тот и рукою показывает на моего сослуживца, – он мне чуть плечо не сломал; я лучше пешком пойду, чем ехать вместе с этим медведем.

В это время двери закрылись, и мы поехали дальше.

– Ну что, давай знакомиться, – улыбнулся мой «спаситель», – Вершинин Павел. – И протягивает мне свою руку.

Глянул я на неё: обыкновенная аккуратная рука, только пальцы тонкие и длинные, как у пианиста, – и протянул свою... Это была не рука, а стальные клещи, и я невольно вспомнил слова моего обидчика.

– И с того дня вы стали неразлучными друзьями, – сказал я, теряя интерес к его рассказу.

– Ошибаетесь, – пропустив мимо ушей моё замечание, продолжал он, – это произошло значительно позже. У меня служба заканчивалась через полтора года, а ему оставалось служить чуть больше месяца.

Во мне снова проснулось любопытство.

– Значит, он уже тогда решил стать старшиной?

– Ну что вы, он об этом даже не думал, хотя однажды сказал мне, что служба в армии ему нравится. Командование части не раз предлагало ему продолжить службу в качестве прапорщика, но он всякий раз отказывался. Год назад у него умерла мать, которую, со слов Павла, отец его очень любил и после её смерти сильно сдал. Не мог же он оставить отца одного, без поддержки и помощи: Павел был единственным ребёнком в семье. К тому же после возвращения домой он планировал продолжить учёбу в институте. И вот незадолго до своего убытия из части он получает письмо от отца с известием, что тот женился. Можете представить, что творилось у него в душе. Через две недели он уехал в школу прапорщиков.

– Как же в жизни всё интересно складывается, – заметил я, – не сообщи ему отец о своей женитьбе, и он бы со спокойной душой уехал домой.

– Мало того, – подхватил мой попутчик, – армия бы лишилась одного из лучших своих старшин, ну а я бы сейчас не рассказывал вам о своём друге. Вернулся он через полгода, и его назначили старшиной нашей пятой роты. За четыре месяца, что у нас не было старшины, своеволие старослужащих стало до того несносным, что все и головы опустили. Если вы хоть однажды шли по бескрайней, выжженной зноем, раскалённой степи под немилосердным июльским солнцем, когда каждый ваш шаг отдаётся у вас в голове и, чтобы поднять руку и вытереть пот с лица, у вас уже нет сил, вы поймёте, какие чувства владели тогда нами. Весть, что прибыл новый старшина, мгновенно облетела часть, и в наших душах появилась надежда, что его назначат к нам и вся эта вакханалия закончится. Пока ротный находился в казарме, был порядок, но стоило ему уйти из подразделения – наступало безвластие.

Как сейчас помню: ротного в тот день вызвал к себе начальник штаба. Было это двадцать шестого ноября. По случаю моего дня рождения я был освобождён от занятий и находился в казарме. Я решил написать домой, взял бумагу и подсел к окну. В казарме было холодно и неуютно. Несколько раз принимался я за письмо, но мысли мои никак не хотели выстраиваться в нужном направлении. В самом деле, не писать же домой, что батареи у нас в казарме чуть теплее парного молока? В очередной раз скомкав начатое письмо, я стал смотреть в окно.

На улице было холодно и грязно. Погода нас явно баловала: старослужащие говорили, что в прошлом году в это время уже лежал снег. Небо затянуло тучами, ветра не было. Природа словно замерла в ожидании приближающихся настоящих холодов. Вдруг вижу: от штаба идёт наш командир, а рядом с ним Павел. Он был в форме прапорщика, но я его узнал сразу. Если не считать формы, внешне он почти не изменился, только во взгляде появилась твёрдость человека, наделённого действительной властью карать

и миловать. Не успели они с командиром зайти в канцелярию, как ротного вновь вызвали в штаб.

В тот день дневальным по роте был старослужащий рядовой Козорез. Он был из второго взвода, парень нагловатый и хитрый. У меня с ним были свои счёты. В одну из суббот в роте, как всегда, проходила генеральная уборка. Я был дежурным по роте. Козорез в канцелярии протирал от пыли светильник и разбил плафон. «Косарев, скажи ротному, что он сам сорвался с потолка», – сказал он мне. Но я не стал его выгораживать. Вечером после ужина он вызвал меня на улицу «поговорить». За казармой нас уже ждали двое его дружков. Знаете, среди людей всегда есть такая порода двуногих: как шакалы, они всегда боятся остаться один на один с противником. Втроём на одного? Ну, это мы уже проходили. Чтобы не было следов драки, они старались в лицо меня не бить: за избиение командира – а я был командиром отделения – спрос был особый. Два дня я не мог вдохнуть полной грудью. Но и я перед ними в долгу не остался. В драке меня ничто не сдерживало, и я разукрасил их лица, как пасхальные яйца. После этого случая старослужащие не то чтобы стали меня уважать, но связываться со мной опасались. Едва за ротным закрылась входная дверь, в казарме наступила казачья вольница. Смотрю: Козорез прямо в сапогах уже полулежит на кровати, положив себе под голову подушку. Неожиданно в спальном расположении появился Павел и – прямо к нему.

– Встаньте, товарищ солдат, и представьтесь.

– Ещё чего! – нагло отвечает тот. – А впрочем, представиться я могу: я дембель. А ты кто?

– А я старшина.

– Тоже неплохо, – хохотнул Козорез. – Ну что, старшина, – приподнялся он на постели, – давай знакомиться: Коля.

И протягивает Павлу руку.

«Будет сейчас потеха», – подумал я. И точно. Сжал Павел ему руку и говорит:

– А я ваш новый старшина – прапорщик Вершинин Павел Петрович, но вам я разрешаю обращаться ко мне просто: «Товарищ прапорщик». Вам понятно, товарищ солдат?

– Понятно, – отвечает Козорез, а сам уже стоит перед ним на коленях.

– Не слышу, – говорит Павел, а сам продолжает сжимать ему руку.

– Так точно, товарищ прапорщик! – заорал Козорез.

Не успел Павел его отпустить, как тот вскочил на ноги и, словно ужаленный, кинулся в «умывальник», тряся рукою от боли. Я подошёл к Павлу и поздоровался с ним так, как и положено здороваться со старшиной.

– Беда с этими дембелями, – подмигнул он мне, догадавшись, что я всё видел.

В это время из штаба вернулся ротный, Павел ушёл в канцелярию.

Через некоторое время они пошли в кладовую. Пошли – это громко сказано. Двери канцелярии и кладовой находились одна напротив другой. Внешне они походили друг на друга, как близнецы, с одной лишь разницей: дверь кладовой открывалась наружу, а канцелярии – вовнутрь.

Подошло время обеда. Дежурный по роте построил личный состав в казарме и доложил командиру. Все уже знали, что прибыл новый старшина, и с нетерпением ждали, когда его представят роте. Всем хотелось его видеть, и причиной тому были события, произошедшие, когда ротный, оставив Павла в кладовой, ушёл в канцелярию.

Служил у нас в первом взводе рядовой Бычков. Крепкого телосложения, он был сильным, как годовалый бычок. В роте его все так и звали: Бычок. Козорез и Бычков были приятелями, оба числились у ротного в штрафниках. С Козорезом было всё понятно: он только на гауптвахте отсидел суток тридцать, а вот за что ротный грозился уволить Бычкова не раньше 31 декабря, я не знаю. Честно сказать, я и не интересовался этим. Едва Бычков появился в казарме, они с Козорезом отошли в сторону и остановились в проходе, недалеко от расположения моего взвода. Я был за колонной, и видеть меня они не могли.

– Слушай, Макс, – оглядываясь по сторонам, сказал Козорез, – к нам прибыл новый старшина, я его узнал: это бывший старший сержант из первой роты. Не успел прийти в казарму, а уже строит из себя начальника. Нас, дембелей, вообще за людей не считает. Надо бы поставить его на место – он сейчас в кладовой. Может, сходишь потолкуешь с ним?

– Это мы мигом, – согласился Бычков.

– Не верь ему, Бычок, – покинув своё укрытие, сказал я, – врёт он всё.

– Это я в-вру-у? – от негодования Козорез вдруг стал заикаться. – Да он, к-козёл, чуть мне руку не сломал, до сих пор костяшки болят.

– Не надо было при старшине лежать в сапогах на кровати и строить из себя великого и всемогущего. Да и не ломал он тебе руку: так, просто пожал сильнее, чем обычно. Никто тебе не виноват: сам первый полез с ним знакомиться.

Бычков смотрит то на Козореза, то на меня, и по его глазам я вижу, что он мучается и не знает, кому из нас верить. Мне стало жаль его, я знал, что он считает Козореза своим другом. Дружба, кроме всего прочего, предполагает честность между друзьями, даже в мелочах, а тут было простое желание загрести жар чужими руками. Согласитесь, ну какой это друг.

– Если не веришь мне, – сказал я Бычкову, – спроси у дежурного по роте, он тоже видел, как всё было на самом деле. Да и не советовал бы я тебе ходить в кладовую. К чему играть с огнём? Как бы тебе это боком не вышло.

– Ой-ё-ёй, – сделал пальцы веером, покрутил руками Козорез, – только не надо пугать ежа голой задницей! Пойдём, Макс, в бытовую комнату, а то этот балабол не даст нам поговорить.

– Ладно, ладно, – сказал я им вслед, – ещё посмотрим, кто окажется в роли задницы.

Я не знаю, как удалось Козорезу убедить Макса, но через некоторое время тот отправился в кладовую. За время, что у нас отсутствовал старшина, старослужащие привыкли заходить туда, словно к себе домой. Макс потянул ручку на себя и вошёл в кладовую. Я уже говорил, что он был сильный, как годовалый бычок. Прошло, наверное, минут пять, а он всё ещё не выходил. Я стал беспокоиться – не за Павла, конечно. И не зря. Вдруг дверь кладовой с грохотом распахнулась, и Макс, пролетев коридор и головой открыв дверь в канцелярию, растянулся на полу. Ротный ещё не успел сообразить, что произошло, как над Максом уже склонился Павел.

– Ну, что же вы, товарищ солдат! Порожка у дверей не заметил, – пояснил он ротному. – Эх, молодёжь, молодёжь, и что это у вас за привычка шагать, не глядя себе под ноги! Давайте я помогу вам встать.

Но тот, придя в себя, сам вскочил на ноги, глядя на старшину ничего не понимающими глазами. Да и было отчего. Ведь не кого-то, а его, Бычкова, такого большого и сильного, минуту назад, словно щенка, выкинули из кладовой.

– Так и зайкой можно стать. Ты так больше меня не пугай, лётчик-перелётчик, – подойдя, пошутил ротный. – Ты что хотел, Бычков? – уже серьёзно спросил он, закрывая дверь.

Что ответил ему Макс, я не знаю. Соврал, поди, что-нибудь. Через некоторое время он вышел из канцелярии, прикрывая рукою на лбу шишку величиною с грецкий орех. Новость, что Козорез стоял на коленях перед старшиною, а особенно известие о том, что Бычок, войдя в кладовую, чтобы с ним разобраться, головой в полёте открыл две двери, прозвучали для роты как раскаты грома перед освежающей грозой.

Стоя вместе с ротным перед строем, Павел прошёлся взглядом по лицам солдат первой шеренги, а потом по носкам их сапог, и произошло то, что после никто не смог объяснить: строй выровнялся. Командир представил старшину роте. Настало время задавать вопросы.

– А почему вы выбрали нашу роту, а не четвёртую, там ведь тоже нет старшины? – спросил кто-то из солдат.

– Я думаю, это и так понятно, – отвечал Павел. – Кто же не хочет служить в одной из лучших рот части?

Все недовольно зашумели. Это была неправда. Не раз на общем построении командир части в сердцах говорил, что хуже роты, чем наша, у него не было за всю его службу.

– Я не ошибся, – перебивая шум, сказал спокойно Павел. – Да, сейчас назвать её одной из лучших нельзя, но, поверьте мне, через полгода её будут ставить другим в пример.

При этих словах ротный тяжело вздохнул и похлопал Павла по плечу:

– Веди роту на обед, старшина. Я буду в канцелярии.

Он посмотрел на Павла, и я увидел, как в его глазах мелькнули сомнения и затаённая надежда.

Павел остался один. Он был чуть старше нас, но держался с такой уверенностью, словно за его плечами было лет двадцать старшинской службы. Когда я стал офицером и оказался, как и он, впервые один на один с ротой, я в полной мере осознал, как нелегко ему было сохранять душевное равновесие и спокойствие в то время, когда больше сотни солдат фиксировали каждое его движение и оценивали каждое сказанное им слово. Как дети сразу чувствуют, говорите вы правду или нет, утверждая, что любите их, так и подчинённые мгновенно ощущают, что вы за командир, сразу устанавливая по отношению к вам границу, через которую переступать нельзя. Случается, правда, что и первые, и вторые ошибаются. Мы интуитивно чувствовали, что перед нами стоит настоящий старшина, но верх взяло сомнение, и при следовании в столовую рота устроила ему проверку «паровозом».

– Паровозом? – удивился я.

– Да, вы когда-нибудь в детстве играли в паровоз?

– А... – догадался я, – чух-чух-чух...

– Совершенно верно, только в нашем случае этот ритм задавался топотом ног. От нашей казармы шла асфальтовая дорожка, выходившая на прямую как стрела, длинную дорогу, ведущую в солдатскую столовую, глядевшую на неё всеми своими окнами, молча отмечавшую всё, что творилось на ней днём и ночью.

Всё произошло как-то само собою. Стоило одному из старослужащих сделать пару шагов «паровозом» – рота мгновенно его поддержала. Вместе со всеми топал и я. Это смахивало на предательство, но я ничего

не мог с собой поделаться. Какое-то нездоровое любопытство пробудилось в душе моей: мне захотелось посмотреть, как поведёт себя в этой ситуации Павел – по большому счёту, для него это была проверка на соответствие занимаемой должности. Его предшественник подобную проверку не выдержал. Он растерялся, рота стала неуправляемой. Через неделю старшина сам попросил командира части перевести его на должность начальника склада. Жизнь явно играла с нами в поддавки, и нам казалось, что так будет всегда. По сравнению с нами, мальчишками, старшина был взрослым мужчиной, и поэтому мы со свойственной нашему возрасту категоричностью сочли его тряпкой и все как один его осудили. Откуда нам было знать, что всем нам, и не раз, жизнь устроит проверку, наподобие той, что устроили ему мы, и что многие из нас её тоже не выдержат и будут придумывать тысячи причин, лишь бы оправдать своё малодушие.

Мы «ехали на паровозе», прибавляя и прибавляя ход.

– Укатали и этого, – слышал я сзади чей-то сдавленный злорадный шёпот.

Старшина шёл впереди моего взвода, и мне было хорошо видно, как он относится к происходящему. Он был совершенно спокоен – словно то, что происходило, его совершенно не касалось. Мне показалось, что в какой-то момент ему даже стало интересно: надолго ли нас хватит. Наконец он прибавил шаг и, поравнявшись с первым взводом, остановив роту, повернул её к себе. Медленно пошёл он вдоль строя, пристально глядя каждому стоящему в глаза. Встретившись с ним глазами, некоторые отводили их в сторону, большинство же делали вид, что рассматривают носки своих сапог. Когда он посмотрел в глаза мне, я проявил характер и выдержал его взгляд. Я видел, что он понимает: своим «паровозом» рота бросила ему вызов. И он этот вызов принял. Если бы он дал волю эмоциям – на его авторитете можно было смело поставить крест. Но он был абсолютно спокоен.

– Хорошо проехали, – сказал старшина. – На первый раз прощаю, – пропустив мимо ушей чей-то смешок, добавил он. – Второго раза не будет. Если «паровоз» повторится, о походном шаге придётся забыть навсегда. Будете передвигаться только строевым шагом или бегом. Развели мне здесь гадюшник! Я этому змеиному клубку не только зубы вырву, но и голову отверну без всякого сожаления. Я старшина, а не работник ТЕР-Р-РА-РИУМА!

Что-то звериное и страшное, напоминающее рычание тигра, было в том, как произнёс он последнее слово.

– А что же вы? – вырвалось у меня.

Мой попутчик внимательно посмотрел на меня.

– Вам приходилось бывать в зоопарке? – неожиданно спросил он. – А видеть тигра? Я сомневаюсь, – продолжал он, – что после того, как вы услышали, как он рычит, у вас возникло желание войти к нему в клетку и потаскать его за уши.

Мы рассмеялись.

– Тот день запомнился нам надолго, – продолжал он. – Раз за разом делали мы попытки прибыть в столовую на обед. Как только при подходе к столовой мы переходили на строевой шаг, а он из-за отсутствия тренировка, мягко говоря, был у нас неважный, Павел бегом возвращал нас на исходную позицию. Конечно, мы были недовольны. Кому понравятся такие пробежки? Вернув нас в очередной раз к казарме, он перестроил роту в три шеренги.

– Я не могу передать вам словами, какое это отвратительное зрелище – ваш подход к столовой, – сказал Павел. – Вы должны хотя бы двадцать

метров пройти строевым шагом так, чтобы все, кто видел, как идёте вы, не смогли сдержать своих слёз. Но чтобы плакали они не от жалости, видя, какие вы все жалкие и немощные, а от зависти, что у них не получается пройти так же чётко и красиво.

Рота оживилась. Его слова пришлось всем по душе.

– Я убеждён, что пройти строевым шагом так, как идёт пятая рота, самая лучшая рота в части, не дано никому! Рота! – скомандовал он. – Напра-во! Заправиться! Попрошу быть внимательнее к моим командам.

Мы видели: старшина действительно верит, что нам по плечу любая задача, и его уверенность невольно передалась нам.

– Смир-но! – подал он команду метров за двадцать до столовой.

И все мы как один невольно почувствовали в душе гордость за себя и свою роту – таким твёрдым и уверенным был наш строевой шаг. И когда мы подходили к столовой, из окон, не скрывая удивления, смотрели на нас десятки глаз. Да и было чему удивляться: чётким строевым шагом, слаженно и красиво шла рота, считавшаяся самой худшей в части.

– Стой! – резко скомандовал Павел, когда мы подошли к крыльцу. – Замерли! – ещё громче и резче подал он команду, увидев, что один из солдат решил поправить ремень. – Не шевелись! – И, выждав три-четыре секунды, дал команду: – Вольно.

Стоя на крыльце и слушая рапорт старшины о прибытии роты на обед, дежурный по части смотрел то на него, то на нас и улыбался.

– Чудеса, да и только! – дослушав Павла до конца, сказал он, ещё больше расплываясь в улыбке. – Заводи роту, старшина.

С этого дня у нас началась новая жизнь.

Попутчик мой вздохнул, словно вновь пережил давно минувшие события. За мокрым окном вагона замелькали расплывчатые огни фонарей. Поезд подходил к какой-то станции.

– Не желаете размяться? – спросил мой сосед, когда поезд остановился.

Я отказался. В купе у нас заметно потеплело; мне не хотелось идти в тамбур на холод и дышать чадом от печки.

Он ушёл. В коридоре слышались голоса и шаги пассажиров. Я молил Бога, чтобы к нам никого не подсадили. Когда за дверью вновь воцарилась тишина, я вздохнул с облегчением. Я не хотел, чтобы нам мешали: рассказ попутчика меня захватил, и я надеялся услышать его продолжение. Остановка была короткой, и через пять минут поезд тронулся. Мой попутчик всё не возвращался.

– Как погода? – спросил я, когда он открыл дверь. – Дождь кончился?

– И не думает, – потирая ладонями руки, чтобы быстрее согреться, отвечал он.

«Это хорошо, что он был легко одет, – подумал я. – Тот, кто продрог, о сне не думает».

– Удивительный народ эти женщины, – продолжал он, улыбаясь и вновь усаживаясь напротив меня, – я имею в виду проводницу. Ведь вот и извинилась передо мной, а всё же повернула дело так, что это я спровоцировал её на грубость. Ну да ладно, я её давно простил. Честно сказать, я даже стал её уважать.

– Помилуйте, за что же её уважать?

– Да вот хотя бы за то, что у нас в купе стало тепло.

– И мы не будем мёрзнуть, как вы в своё время в казарме, – наводя его на нужную тему, сказал я, чувствуя, что в его рассказе самое интересное ещё впереди.

– Я и сейчас с содроганием вспоминаю те дни, особенно ночи, – ответил он и замолчал.

Тень печали легла на его лицо. Мы сидели и молчали, слушая приглушённый перестук колёс. Я уже потерял надежду услышать продолжение его истории, как вдруг он улыбнулся и в глазах появился прежний блеск.

– Как ни странно прозвучат мои слова, – заговорил он, – но самым скверным в те ночи был не холод, а острое чувство одиночества и ощущение твоей ненужности в этом мире, словно тебя, маленького и беззащитного, намеренно оставили глухой промозглой ночью на перроне вокзала в чужом городе. Холод лишь усиливал это ощущение. Стыдно признаться, но это было так. Я уже говорил, что с приходом Павла у нас началась новая жизнь. На третий день утром (рота только-только убыла на занятия) смотрю (я был дежурным по роте): от котельной идёт Павел, а с ним два слесаря. Один несёт на плече смотанный резиновый шланг, второй – два коротких лома и ключи.

– Что скажешь, Иваныч? – спросил Павел старшего по возрасту, когда слесари осмотрели батареи.

– Дело знакомое, – отвечал он, погладив смоляные усы. – Промоем на входе две батареи, и в казарме будет настоящий Ташкент.

Павел нахмурился:

– Мы договаривались, что вы промоете четыре.

– Нет, старшина, четыре сегодня никак не получится, – возразил Иваныч, – они же у тебя все по двенадцать секций, плюс окалина. Ты представляешь, какой у них вес? Промоем две сегодня и две завтра с утра.

– Нет, – жёстко сказал Павел, – у меня нет времени ждать: к вечеру обещают минус десять. Четыре, и сегодня, до возвращения роты на обед. Ваше дело снимать батареи и ставить их на место, остальное я беру на себя. Надо постараться, мужики, – уже дружелюбнее сказал он, – за мной дело не станет: всё, что я вам обещал, всё будет, даже сверх того. Дежурный! – позвал он меня. – Бери двух дневальных, будем носить батареи.

Слесарь, обещавший устроить в нашей казарме Ташкент, развёл руками:

– Вот так всегда: планируешь одно, а выходит другое. Ну что, пацаны, – подмигнул он нам, – набрались на работу!

Перекрыли отопление. В «умывальнике» подключили шланг и вывели его на улицу. Разложили тряпки под батареи на случай, если не вся вода уйдёт из системы. Принесли два пустых ведра. Молодой слесарь сбегал в котельную и принёс ещё один короткий лом. Первую батарею, часто отдыхая, несли вшестером: она действительно оказалась тяжёлой, как чугунный мост. Промывали батареи за казармой, ставя на широкую доску, заранее приготовленную Павлом. Первая батарея была забита окалиной так, что вода, пройдя через неё, вытекала струйкой чуть толще спички. Когда выносили вторую батарею, подул северный ветер. Погода стала меняться на глазах: пока промывали батарею, лужа за казармой покрылась тонкой корочкой льда, повалил густой снег.

– Так вы успели промыть батареи? – не удержался я.

– Успели. Только слесари спустили воздух из батарей, и они стали такими горячими, что до них невозможно было дотронуться рукой. Взводы стали возвращаться с полевых занятий. Какими-то неведомыми путями все уже знали, что в роте промывали батареи. Обстучав у входа сапоги и отряхнув с шинелей снег, все первым делом бежали к батареям, стуча по деревянному полу подошвами замёрзших сапог. Что тут началось – не передать словами! Все словно с ума сошли: кричали, свистели, хлопали друг друга по плечу... Всех переполняла радость, что теперь в казарме будет тепло. Довольны были и слеса-

ри: когда они в благодушном настроении вышли из кладовой, карманы их заметно оттопыривались. Что там был не лимонад, я думаю, объяснять не надо.

– Вот это старшина! – слышалось со всех сторон.

– Просто не старшина, а отец родной, – зло сказал один из «дембелей», как и все старослужащие, недовольный, что с приходом старшины вольница закончилась, – вы его ещё Батей назовите...

– А что, мужики, неплохая идея! – заметил один из солдат. – Он это звание заслужил.

– Если так и дальше пойдёт, – отозвался другой, – обязательно назовём, не пройдёт и года.

Я тогда пропустил мимо ушей его слова, а ведь, знаете, он как в воду глядел.

– Как же это случилось? – спросил я.

– Весна, надо сказать, в том году не торопилась с приходом, – начал рассказывать мой попутчик. – Была уже середина марта, а сугробы и не думали таять, и мороз порою давил так, что уши сворачивались в трубочку. Недаром в народе говорят: бывает такой марток – наденешь трое порток. Внутри нашу казарму уже невозможно было узнать. Стало чисто, уютно; на тумбочках белоснежные салфетки, горшки с цветами. Под руководством старшины в казарме оборудовали спортивный уголок: появились перекладина, гантели и гири. Внешний вид солдат заметно изменился, и меняться он стал сразу, как только Павел пришёл в роту.

Вечером того же дня на разводе нового караула и суточного наряда с офицером, заступающим дежурным по части, произошёл конфуз. И причиной тому был суточный наряд нашей роты, возглавляемый сержантом Головиным. А дело было так. Офицер, заступавший дежурным по части, дважды пройдя вдоль строя, остановился напротив Головина и, повернувшись к своему помощнику, стал ему выговаривать, что тот не доложил ему об отсутствии на разводе суточного наряда пятой роты. У помощника от удивления округлились глаза: «Да вот же он, товарищ капитан, стоит за вами». Дежурный обернулся, и теперь пришла очередь удивляться ему. Как все офицеры в части, он безошибочно угадывал солдат нашей роты по неопрятному внешнему виду и теперь с удивлением рассматривал солдат, стоящих перед ним. Все были аккуратно подстрижены, бляхи у ремней и сапоги начищены до блеска. Но больше всего на дежурного произвели впечатление шинели: мало того что они были отглажены, у них не было бахромы.

– Товарищ капитан, вы, наверное, забыли, что к ним назначили старшиной Вершинина, бывшего старшего сержанта первой роты. Помните, когда он приводил роту в столовую, у него в строю не было ни одного солдата в грязных сапогах. Ну, вы его ещё всегда ставили другим сержантам в пример, – видя озадаченный вид дежурного, напомнил помощник.

– Хорошо, очень хорошо, – рассеянно произнёс капитан и пошёл инструктировать новый караул.

Уже через месяц нашу роту стали выделять среди других. Сначала по порядку в казарме и внешнему виду солдат, потом по строевому шагу. По сравнению с другими старшинами, у Павла было два преимущества. На то время он не был женат и понятия не имел, что значит ежедневно уходить на службу, когда твоя семья ещё спит, а возвращаться домой, когда она уже спит. Во-вторых, он жил в пяти минутах ходьбы от части, снимая в частном доме комнату с отдельным входом, и мог позволить себе задерживаться на службе столько, сколько считал необходимым. Проведя вечернюю поверку и отбой, он взял себе за правило ещё целый час находиться в подразделении,

контролируя, как суточный наряд наводит порядок в роте. Нельзя сказать, что это было хорошо для старослужащих: раньше ротный после отбоя сразу уходил домой, и в казарме самыми главными становились они. Дежурный по роте расставлял у окон дневальных, чтобы вовремя заметить проверяющих, а старослужащие, завесив в бытовой комнате окно и подняв с постели молодого солдата (мой взвод они не трогали: к тому времени я был уже замком взвода и пригрозил им, что разбираться им придётся со мной), устраивали ему «разбор полётов». Но тут было другое дело. Старослужащие, устав ждать, когда старшина уйдёт домой, засыпали. Но иногда некоторые из них этот час вылёживали, и «разбор полётов» продолжался. Но не зря говорят: сколько верёвочке ни виться, а конец будет. Однажды ночью Павел неожиданно вернулся в казарму. Дежурным по роте в то время был заместитель командира взвода сержант Миронов.

К слову сказать, сержантом он был никаким: молодой парень, ростом под два метра, косая сажень в плечах, а на старослужащего, что был такого роста, что носом упирался ему в пупок, боялся даже голос повысить. Както, оставшись с ним с глазу на глаз, я не выдержал и сказал ему в сердцах: «Слушай, Мирон, меня просто с души воротит, когда я вижу, как ты перед старослужащими бисер мечешь. Честное слово. Ты себя ну хоть чуть-чуть уважай. Ты же всё-таки замкомвзвода!» А он в ответ только молчит и улыбается, как дитя глупое.

Едва Павел ушёл из роты, Миронов расставил дневальных у окон, а сам сел на посту дневального на табурет дожидаться, когда старослужащие Плетнёв и Гусев разберутся с молодым солдатом из его взвода. Разбирались они с ним в бытовой комнате, принеся для пущей важности из канцелярии стул командира роты.

Когда входная дверь бесшумно открылась и в казарму вошёл старшина, весь в снегу, белый, словно привидение, Миронов от неожиданности чуть не упал с табурета. Он вскочил и уже намеревался шагнуть вперёд, чтобы отрапортовать старшине, но, увидев плотно прижатый к его губам указательный палец, застыл на месте, а после того, как старшина показал ему увесистый кулак, и вовсе растерялся, благополучно забыв все слова из доклада.

– Только пикни – убью, – тихо сказал старшина, и дежурный не понял, шутит он или говорит всерьёз.

Как он сумел пройти незамеченным мимо дежуривших у окон дневальных, навсегда осталось для всех загадкой. Из бытовой комнаты слышались чьи-то голоса. Старшина приоткрыл дверь. Гусев, сидевший на стуле командира роты, словно римский император на троне, следил, как отжимается от пола молодой солдат, а Плетнёв курил у окна.

– Как идёт процесс? – спросил Павел, входя в бытовую комнату.

Услышав голос старшины, Гусев как ошпаренный вскочил со стула.

– Какой процесс? – спрятав за спину сигарету и пытаясь её потушить, спросил Плетнёв.

– Воспитательный. – Павел помог молодому солдату подняться с пола. – Иди спать, сынок, – подтолкнул он его к выходу и, закрыв за ним дверь, стал надвигаться на Гусева, пока тот не оказался рядом со своим другом.

– Вы всё неправильно поняли, – залепетал Гусев. – Никто никого не воспитывал. Просто в роте говорят, что Сергеев может отжаться от пола пятьдесят раз. Вот мы и решили проверить, правда ли это.

– Надо же, какое совпадение, – старшина улыбнулся, но от этой улыбки у старослужащих мороз пошёл по спине, – вот и я слышу, как в роте говорят, что вы – орлы, и тоже можете отжаться от пола пятьдесят раз.

– Кто это говорит? – растерялся Гусев.

– Да все. А правда это или нет, мы сейчас проверим... – Он сделал шаг в сторону. – Упор лёжа принять! Отжаться пятьдесят раз... Да, – продолжал Павел, когда старослужащих после двадцатого раза покинули силы, – теперь я вижу, что вы действительно орлы! Только не те, что в небе кружатся, а те, что навоз клюют. Будем считать, что проверку молодому солдату вы устроили по недомыслию. Поэтому на первый раз я вас прощаю. Второго раза не будет, – сказал он и дал им команду подняться. – Если я ещё раз застаю вас за подобной проверкой, окажетесь в столовой на «посудомойке». Вы меня поняли?

– Так точно! – не решаясь посмотреть старшине в глаза, отвечали «орлы».

– Через минуту я вижу вас лежащими в постели. Время пошло...

– И как же это всё понимать? – спросил он дежурного, стоящего перед ним с опущенной головой. – Что же ты молчишь? Скажи мне что-нибудь как командир командиру.

– Виноват, – ещё ниже опустил голову Миронов.

– Да это и козе понятно. Ладно, оставим этот разговор до утра. Ответь мне, только честно: сам сможешь обеспечить в роте должный порядок?

– Смогу.

– Эх, Серёга, Серёга, – обратился Павел к Миронову по имени, – замкомвзвода – и вдруг такие проколы...

От этих слов уши дежурного стали малинового цвета.

– Хорошо, носи службу дальше, но помни: если из этого случая ты не сделаешь правильных выводов, ходить тебе рядовым.

На следующий день после утреннего осмотра Вершинин собрал в канцелярии весь сержантский состав.

– Миронов, – закончив рассказывать о ночной проверке, сказал старшина, плотнее закрывая дверь канцелярии, – если в твоё дежурство я ещё раз увижу нечто подобное, то, честное слово... – он сделал небольшую паузу, – зажму твою голову между колен, сниму с тебя штаны и ремнём распишусь на твоей голой заднице.

Все засмеялись, представив Миронова, который был на голову выше старшины, в такой интересной позе. Не смеялся лишь дежурный по роте, внимательно рассматривая носки своих сапог.

– Так дело не пойдёт, – продолжал Павел, – мы с вами командиры, а не американские наблюдатели, которые всё видят и ни во что не вмешиваются. Если я ещё раз выявлю подобные нарушения, то приложу все силы, чтобы сержант, в чьё дежурство будут происходить эти безобразия, был разжалован в рядовые. То, что происходило сегодня ночью в казарме, называется издевательством над молодыми солдатами, а ведь вы вместе с ними несёте службу в карауле. Как старшина и ваш старший товарищ хочу всех предупредить: не шутите с огнём. Последствия могут быть печальные. Прошу вас повысить требовательность, в первую очередь, к себе. Суточный наряд Миронова службу нёс плохо, не обеспечив ночью должного порядка в роте. Поэтому завтра, в субботу, его наряд в полном составе заступит снова. До построения на завтрак ещё раз проверить порядок во взводах. Всему личному составу почистить сапоги. Все свободны.

Ночью он вновь проверил несение службы суточным нарядом. Его возвращения ждали, и замечаний к наряду не было. Домой он уже не пошёл, а остался ночевать в роте. Весь следующий день он находился в подразделении, даже не ходил, как делал это обычно, на обед и на ужин домой. На

инструктаже нового суточного наряда старшина уточнил у Миронова, кто будет отвечать за туалет с «умывальником».

– Рядовой Петров, он и прошлый раз отвечал за них.

– Нет, – возразил Павел, – принимать в туалете и «умывальнике» порядок и отвечать за него будет рядовой Потапов.

– А почему я? – спросил недовольно Потапов.

Среди дневальных он прослужил на полгода больше остальных и поэтому считал, что он своё уже «отпахал».

– Почему ты? – посмотрел на него Павел. – Да потому, что я тебе больше доверяю. – И по выражению его лица невозможно было понять, говорит ли он правду. – Но хочу тебя сразу предупредить: если я узнаю, что в уборке тебе, так сказать, шефскую помощь оказывал кто-то из дневальных или молодых солдат, – при этих словах старшина многозначительно посмотрел на Миронова, – туалет с «умывальником» станут твоим вторым «родным домом». Ты меня понял?

Через час после отбоя Павел собрался уходить домой.

– Заработался я что-то нынче, – пошутил он, прощаясь с дежурным. – Завтра я выходной. Надо же хоть раз выспаться. Передай увольняемым, что я буду в роте сразу после завтрака.

Парадную форму солдатам, убывающим в городское увольнение, Павел выдавал и принимал лично сам. Приняв имущество роты, он в первый же день отобрал у каптёрщика ключи от кладовой, чем сильно расстроил и озадачил старослужащих. За своим парадным обмундированием многие из них не следили, и оно имело жалкий вид. Старослужащие надеялись, что договорившись с каптёрщиком, обменяются им с молодыми солдатами. Те немногие, кто произвёл этот обмен заранее, радовались своей дальновидности. Но радовались они недолго: вскоре старшина обнаружил подмену и вернул вещи старым владельцам.

– Надеюсь, что к вашему наряду больше вопросов не будет, – стоя в дверях, обратился Павел к Миронову. – Командуй, дежурный!

Не успела за старшиной закрыться дверь, к дежурному подошёл Потапов. Они были земляками, призывались из одного города и даже жили на одной улице.

– Выручай, Серёга, – вытирая со лба пот, сказал он, – дай мне на часок Петрова. Совсем запарил меня старшина: раз пять заходил смотреть, как я работаю.

– Ты молодец, Вася, хорошо придумал, – отвечал Миронов. – Я тебе дам Петрова, а старшина в это время вернётся назад. В прошлый раз он грозился меня выпороть. Ты, наверное, хочешь, чтобы он сдержал своё обещание.

– Да не вернётся он, – стал горячо убеждать земляка Потапов, – ты сам посуди: он уже двое суток торчит в роте и, наверно, уже не чаёт, когда доберётся до дома. Ты заметил, что он еле ноги волочит?

– Ага, – ухмыльнулся Миронов, – расскажи это кому-нибудь другому. Я лично сам видел, как он после ужина так «нянчил» двухпудовую гирию, словно она была игрушечной.

Как ни упирался дежурный, Потапов сумел его уговорить. Минут через десять Миронов вышел на улицу покурить. Бетонный козырёк над входом отбрасывал на землю густую тень. Миронов остановился под козырьком и уже достал сигарету, но так и застыл на месте: по плацу, направляясь к роте, шёл старшина. Дежурный не вошёл, а влетел в туалет. Лицо его было белее снега.

– Атас, Вася! – заорал он. – Батя идёт!

Когда Павел ушёл, Потапов подступил к дежурному.

– Слушай, Серёга, а почему ты старшину Батей назвал? – спросил он, с любопытством глядя на земляка.

Дежурный в недоумении пожал плечами:

– Чёрт его знает. Само как-то вырвалось.

Удивительно, но с того вечера эта кличка так прилипла к старшине, что все солдаты и сержанты в роте стали за глаза звать его Батей.

– Вы так подробно обо всём рассказываете, словно сами присутствовали везде лично, – не удержался я.

– А вы не удивляйтесь, – ничуть не смутившись, парировал мой попутчик. – Говорят, что шила в мешке не утаишь, а в казарме невозможно чихнуть, чтобы об этом во всех подробностях не знала вся рота.

– А те двое старослужащих, что издевались над молодым солдатом, угомонились или нет?

– Вы знаете, через неделю в одну из ночных проверок старшина вновь застал их за «воспитанием» молодого солдата. Солдат был из взвода сержанта Колосова, заступившего в тот день дежурным по роте. Утром на построении Павел вывел «воспитателей» из строя.

– Товарищи солдаты, все помнят басню Крылова про повара и кота Ваську? – неожиданно спросил он. – Для тех, кто её забыл, я напомню. Кот Васька стянул на кухне жареного цыплёнка и ест его на глазах у повара. Повару это не нравится, но вместо того, чтобы кота проучить, он взывает к его совести и грозит ему пальцем. А Васька слушает, да ест. У нас в роте тоже завелись коты. Это даже не коты, а совершенно обнаглевшие котяры, которые думают, что им, как коту Ваське, всё сойдёт с рук. Вот они, – он указал рукой на Плетнёва и Гусева, – стоят перед вами.

Все засмеялись.

– Эти котяры очень любят по ночам воспитывать молодых солдат, и за этим занятием я их однажды уже поймал. Тогда я их простил, предупредив, что если они не оставят это грязное дело, то окажутся на посудомойке. Но, видимо, моё предупреждение они пропустили мимо ушей, и этой ночью я их опять застал за старым занятием. Конечно, все мы вправе поступать в жизни так, как считаем необходимым, главное при этом не потерять уважения к самому себе. Рота, равняйся! Смирно! За систематическое нарушение распорядка дня рядовым Плетнёву и Гусеву объявляю по три наряда вне очереди. Отрабатывать будете через сутки, начиная с сегодняшнего дня, – обратился он к ним. – Вы, как старослужащие, должны быть для молодых солдат старшими товарищами, всегда готовыми в трудную минуту прийти им на помощь, чтобы и на «гражданке» они не раз вспомнили вас добрым словом. А теперь представьте, какими словами вспомнят они вас... Почему я наказал их за нарушение распорядка дня? – обратился Павел к роте, поставив старослужащих в строй. – Будем считать, им повезло, что с их стороны не было рукоприкладства, иначе пришлось бы передать дело в военную прокуратуру. Не забывайте, что вас ждут дома.

Слова старшины произвели на роту сильное впечатление, и не один из тех, кто стоял в строю, почесал у себя в затылке. Вечером того же дня те, кто очень любил воспитывать молодых солдат, отправились на «посудомойку».

– Лёша, оставь за себя Харитонову, а сам прогуляешься со мной на складе: в воскресенье вечером баня, а у меня в кладовой ни одного куска мыла, – сказал мне Павел, когда рота вернулась с обеда. – Заодно и поговорим.

Склады располагались за территорией части, на значительном удалении от неё. Пока шли, Павел, зная, что я собираюсь поступать в военное училище связи, расспрашивал меня, почему я выбрал именно это училище. А я ещё с детства мечтал стать офицером связи, как мой отец. Я мог бы сразу после школы поступить в военное училище, но пошёл в армию. Для меня авторитет отца был непререкаем, а он считал, что настоящему офицеру, чтобы лучше понимать солдата, не мешало бы для начала побывать в его шкуре. Надо вам сказать, что отец мой закончил войну в Берлине. У отца было два ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу» и медаль «За взятие Берлина». Я и сейчас горжусь тем, что из всех воевавших хуторских казаков лишь мой отец да его друг дядя Михей участвовали в штурме Берлина. В детстве я любил слушать рассказы отца о войне. Особенно мне нравился его рассказ о том, как в первый год войны поздней осенью они с дядей Михеем, выходя из окружения, заметив разъездной немецкий патруль, вынуждены были спрятаться под нависшим над рекою берегом и простоять по горло в ледяной воде до тех пор, пока он не уехал.

«И вот что, сынок, интересно, — как бы подытоживая свой рассказ, всякий раз повторял отец, — сколько времени мы простояли в этой ледяной воде, я не знаю. Может, час, а может быть, и более. Но то, что после этого «купания» ни у кого из нас не было даже насморка, это я помню очень хорошо. Я думаю, это жажда жизни пересилила в нас все болезни и все простуды».

Ещё мне нравился рассказ отца, как они с дядей Михеем участвовали в штурме Берлина. Там на одной из улиц и ранило его друга. Используя как прикрытие идущий впереди танк, наши бойцы тянули связь к передней линии наших наступающих частей. «Мы были почти у цели, — рассказывал отец, — когда я увидел на верхнем этаже полуразрушенного дома фашиста с гранатой в руке. Он был ранен в голову и едва держался на ногах; кровь заливала ему левый глаз, и он мог видеть только правым. Никогда не забуду его взгляд. Это был взгляд хладнокровного убийцы, это был взгляд волка, приготовившегося нанести смертельный удар своей жертве. Я, не целясь, выстрелил в него. Падая, он всё же успел бросить нам под ноги гранату. Двоих солдат убило на месте. Меня только оглушило. Видно, Бог меня хранил: за всю войну я не получил даже царапины. Дядю Михея тяжело ранило. Маленький осколок, не больше булавочной головки, пробив ему грудь, остановился в двух миллиметрах от сердца. Делать операцию врачи побоялись, к тому же рана у него зажила на удивление быстро. Так он и живёт с этим осколком в груди».

Этот рассказ отца я вспомнил в зоопарке, у клетки с волками, наблюдая как они, не останавливаясь, монотонно бегали за решёткой, всецело поглощённые своим бегом. Вдруг на какую-то долю секунды один из них остановился, и я встретился с ним глазами. Жгучим, смертельным холодом повеяло на меня от его взгляда, и сердце моё невольно сжалось.

— Как там твой «Берлинский подарок»? — спрашивал отец, когда фронтовой друг заходил его проведать.

— Затаился, собака, но может и укусить, — откликнулся на шутку дядя Михей.

Кроме боевых орденов и медалей у отца была ещё грамота, висевшая в нашем доме на самом видном месте. Такими грамотами награждали всех участников штурма Берлина. Хотя прошло немало лет, я и сейчас помню её до мельчайших подробностей. В начале основного текста крупными буквами была выведена надпись: «УЧАСТНИКУ ВЗЯТИЯ БЕРЛИНА», а под

ней в скобках стояла дата: «апрель-май 1945 год». Далее простыми фиолетовыми чернилами в две строки было написано: «Гвардии старшему лейтенанту Косареву Ивану Алексеевичу 27-й гвардейской мотострелковой бригады». После чего шёл основной печатный текст: «Вы до конца выполнили свой долг перед Родиной в Отечественной войне, прославив русское оружие на полях великих сражений с немецкими оккупантами, навеки прославив Сталинскую гвардию. Военный совет 1-й гвардейской танковой армии отмечает Ваше героическое участие в исторических боях по овладению столицей немецкого империализма – Берлином и поздравляет Вас с Победой». Грамоту подписали командующий 1-й ГТА гвардии генерал-полковник танковых войск М. Катуков и член Военного совета 1-й ГТА гвардии генерал-лейтенант танковых войск Н. Попель.

За разговорами мы не заметили, как пришли.

– Ставлю сто к одному, что мой бывший старшина сейчас на продовольственном складе, – сказал Павел. – Я не помню такого дня, чтобы после обеда он не зашёл на склад к Воронову: он его единственный земляк в части. Оба из-под Чернигова, одногодки, оба из одной деревни.

Территория складов находилась за колючей проволокой, и, хотя ворота оставались открытыми, между складами по дороге ходил часовой в валенках и тулупе, который доходил ему до пят. Подъезды к складам были расчищены от снега. У продовольственного склада его убрали с особой тщательностью, и можно было с уверенностью сказать, что начальник, заведовавший этим складом, слыл человеком щепетильным и основательным.

Каждый раз, оказавшись на продовольственном складе, я испытывал неподдельный восторг. Боже мой, какие здесь стояли запахи! Запах сырого мяса смешивался с запахом крупы и сахара; к ним, на правах сильнейших, примешивались густые запахи лаврового листа и чёрного перца; и всё же, несмотря на это, явственно чувствовался запах, который я любил с детства, – запах сухофруктов, первую скрипку в котором играли груши и чернослив. Внутри склад был довольно просторен. В глубине его на значительном расстоянии от входа стояли поддоны, на которых были аккуратно уложены мешки с крупой и сахаром. С левой стороны от двери в больших морозильных камерах висели огромные туши мяса; недалеко от камер находилась большая деревянная колода для рубки мяса, на которой лежал значительных размеров топор, а чуть в стороне от колоды стояли бочки с селёдкой. Некрашенные деревянные полы всегда сияли чистотой. Летом на складе было прохладно, а зимой холодно: согласно всем инструкциям и требованиям, продовольственный склад, впрочем, как и все остальные, не отапливался. В двух метрах от дверей располагался прилавок. Он очень походил на прилавок, какой был во всех магазинах, пока в них не ввели самообслуживание, но чуть ниже и значительно шире. Это было очень удобно для дежурных по столовой, получавших продукты в больших количествах. За прилавком стояли тяжёлые, внушительного вида весы.

– А вот, кстати, и твой крестник, лёгок на помине, – сказал старшине первой роты начальник склада старший прапорщик Воронов, увидев нас в дверях.

«Видимо, в детстве из-за своей фамилии ему тоже пришлось несладко», – глядя на его рыжие усы и брови, подумал я, вспомнив своего соседа, рыжего мальчишку с такой же фамилией, которого все ребята на хуторе дразнили «рыжей вороной».

Павел выразительно посмотрел на меня, дескать: «Что я тебе говорю?»

– Каким ветром тебя сюда занесло, Паша? – увидев Вершинина, удивился бывший его старшина – старший прапорщик Сиротин.

И по тому, как потеплел его взгляд, было заметно, что, хотя не прошло и часа после того, как они, приведя роты на обед, разговаривали в столовой, он и сейчас был рад видеть своего бывшего сержанта.

– А мы только сейчас говорили о тебе. Правильно делаешь, что не даёшь молодых солдат в обиду. Ну, здравствуй ещё раз...

Старший прапорщик Сиротин считался одним из лучших старшин части. Он любил пошутить и за словом в карман не лез.

– Вот что значит у человека кровь молодая, – улыбнулся Павел, здороваясь с Вороновым, – на складе такой холод, как на Северном полюсе, а у Богдана Семёновича рука горячая, словно только сейчас из тёплой варежки.

– Побойся Бога, Паша! – не удержался Сиротин. – Ну откуда у этой старой колоды молодая кровь? Нет, я не спорю, может быть, она у него и есть, но стакан, не больше. – И, сделав шаг в сторону, чтобы тот не смог его достать, добавил: – А остальное – одна марганцовка.

– Не надо ля-ля, – нисколько не обидевшись, отвечал его земляк, – у кого в жилах течёт марганцовка, не выдержит на этом проклятом складе и пяти минут. Ну что, Паша, навёл порядок в роте? – спросил он, очень довольный, что не поддался Сиротину.

– Богдан, ну что ты за человек?! – опять влез в разговор старшина. – Когда же ты наконец отвыкнешь даже в армии мерить всё своим деревенским аршином? Как можно за такой короткий срок навести порядок в роте? Это тебе не вола приучить к ярму. Придёт время – и у него будет лучший порядок в части. Провалиться мне на этом месте, если через пару лет он не станет таким старшиной, что и меня за пояс заткнёт! Меня другой вопрос беспокоит. То он за свои деньги промывает батареи, то горшки с цветами для роты покупает... – Сиротин сурово посмотрел на своего бывшего воспитанника. – Ты, Паша, эти дела брось!

– А я, знаешь, что решил, – тронул Павла за локоть Воронов, словно и не слышал, о чём говорит Сиротин, – доработаю до лета и уйду старшиной роты. За двадцать лет надоел мне этот склад так, что не передать словами. Как ты думаешь, получится из меня старшина?

– Конечно, Богдан Семёнович, не боги горшки обжигают. К тому же вы человек хозяйственный...

– Ой, мне плохо! я сейчас упаду! люди хорошие, держите меня! – рассмехался Сиротин. – Паша, ты действительно веришь, что он променяет свой склад на казарму? – обратился он к Вершинину. – Да скорее во всём Чернигове передохнут все собаки. Да что там собаки, Паша! Если этого рыжего, – показал он на Воронова, – обвязать стальным тросом и танком тянуть его со склада, то скорее лопнет стальной трос, чем он сдвинется с места!

– Петро! – глянув в дальний угол склада, позвал кого-то Воронов.

Я последовал за ним глазами и увидел старослужащего из первой роты, которого раньше не заметил. Он выворачивал наизнанку пустые мешки и складывал их стопками.

– Что?

– Петро, хватай большой черпак, что лежит у стены, и гони со склада этого старого чёрта, – смеясь вместе со всеми, сказал начальник склада, – а то я за себя не ручаюсь.

Но тот неожиданно для всех бросил своё занятие и подошёл к Сиротину.

– Товарищ старший прапорщик, пожалуйста, не ставьте меня больше в наряд. У меня уже сил нет: я, если не считать сегодняшнего дня, подряд, через сутки, восемь нарядов отстоял. Я уже давно всё понял.

Сиротин нахмурился.

– Ну уж прости его, Вася, – вступился за солдата Воронов. – Говорит же тебе человек, что уже давно всё понял.

– Богдан, ты уж позволь мне самому решать, что с ним делать. Не верю я ему. Нарушать воинскую дисциплину у него силы есть, а вот в наряды ходить – нет, – сказал Сиротин и замолчал.

А у самого на скулах желваки так и вздулись. «Ну и характер, – с восхищением подумал я, – пожалуй, будет круче, чем у нашего старшины!»

– Я вам правду говорю, товарищ старший прапорщик, – снова стал просить солдат. – У меня от сапог ноги опухли и болят так, что я ходить не могу.

– Только не надо мне на жалость давить, а то я сейчас заплачу. – Старшина в упор посмотрел на солдата. – Ходить он не может. Ноги у него болят. Не можешь ходить на ногах, ходи на руках!

– Ну и злой ты на язык, Вася! – с укоризной сказал начальник склада.

– А как ты прикажешь с ним разговаривать? – обернулся к нему Сиротин, а сам от негодования еле сдерживается. – Это он сейчас бедный и несчастный птенчик, а на самом деле такой стервятник, каких ещё поискать надо. Мало того, что такие, как он, считают, что они своё уже отслужили и устав писан не для них, так они уже пробуют через забор части перелетать. Вот и приходится самым задиристым и шустрым из них крылья укорачивать. А вовремя не укоротишь, беды не оберёшься.

В воскресенье перед ужином Павел повёл нас в баню. Рота уже заканчивала мыться, когда вошли Плетнёв и Гусев. Они представляли собою жалкое зрелище. Оба грязные, злые, с распухшими от горячей воды руками. Под глазом у Плетнёва красовался тёмно-фиолетовый синяк.

– Упал? – глазами показав на «фонарь», спросил старшина.

– Так точно, – Плетнёв машинально дотронулся рукой до опухшего глаза.

– Ладно, идите, мойтесь, – махнул рукою старшина, – у вас мало времени. После ужина я жду вас у себя в кладовой.

– Коля, кто это тебя так? – спросил Плетнёва один из старослужащих, когда мы вернулись в роту.

– Да вот этот козёл, – показал он в сторону Гусева.

– Сам ты козёл, – огрызнулся тот. – Ты базар свой фильтруй, не то получишь ещё. По твоей милости вяпались мы в это дерьмо. Главное, у него ещё хватает наглости говорить мне: «При чём здесь я?» – передразнил он Плетнёва. – А кто разбудил меня ночью?

– Да вы оба хороши, – сказал спрашивавший Плетнёва солдат, – вас же Батя предупреждал, что второго раза не будет.

– Дуракам закон не писан, – засмеялся старослужащий из другого взвода.

– Ага! Ещё один умник нашёлся! – повернулся к нему Гусев, для которого смех этот был что острый нож в сердце. Оно и понятно: обидно, когда над тобою смеётся солдат одного с тобой года призыва. – Чья бы корова мычала, – чуть не скрипел он зубами от злости, – по тебе, между прочим, тоже «посудомойка» плачет.

Через неделю на очередном построении роты Павел вывел из строя «воспитателей».

– Ну что, Гусев, – обратился он к нему, – воспитательский зуд у тебя прошёл или ещё раз повторить курс лечения?

– Я всё понял, товарищ прапорщик, – отвечал тот, и по тому, как он это сказал, было заметно, что гонор его заметно поубавился.

– А ты, – старшина перевёл взгляд на Плетнёва.
– Не надо мне ничего повторять, – глядя в пол, отвечал напарник Гусева, – что я, рыжий?

Последние его слова утонули в общем хохоте. Вместе со всеми смеялся и старшина: Плетнёв действительно был рыжим.

Можно сказать, нам повезло со старшиной. Он старался дать возможность допустившему нарушение солдату исправиться, ограничившись на первый раз только словесным внушением, но иногда сразу «снял голову» провинившемуся. Всё зависело от обстоятельств. Он учил нас отвечать за свои слова и поступки, делал всё, чтобы мы, вчерашние мальчишки, как можно быстрее превратились в мужчин. Мужчин, на которых в трудную минуту могла бы положиться Родина. Он лепил наши характеры, всячески укрепляя в нас веру в свои силы, и это помогло нам превзойти самих себя: уже весною по итогам проверки наша рота заняла первое место в части.

Для солдата лишь первый год службы тянется невыносимо долго, иной раз думаешь: «Когда же он кончится?» Но стоит перевалить на второй – и время полетело со скоростью курьерского поезда. Я и оглянуться не успел, как приспела пора ехать в военное училище. Обнялись мы с Павлом на прощание, кто знает, приведётся ли ещё свидеться, но обещали друг другу не теряться и писать, хотя бы изредка. Я и предположить не мог, что судьба сведёт меня с ним снова и мы ещё будем вместе тянуть общую лямку.

– Через сколько же лет вы встретились? – спросил я.

– Через семь. Видно, на небесах так было расписано, чтобы мы вновь встретились. Могу об заклад биться, что не отгадаете, где... в Германии!

Предательство Горбачёва, ликвидация самой крупной, самой мощной группировки в армии, вывод войск и техники и размещение их на родине попросту в открытом поле – всё это будет потом, а тогда... – Он неожиданно посмотрел на часы. – О, заговорились мы, уже второй час ночи. Давайте спать.

Рассказ попутчика меня захватил, и я готов был слушать его до утра, но, увы... Долго лежал я с открытыми глазами, глядя в темноту. Моему соседу по купе тоже не спалось: он ворочался с боку на бок и тяжело вздыхал. Мало-помалу усталость взяла верх, и я заснул. Под самое утро мне приснилось, что я служу старшиной роты и наша часть в честь какого-то праздника выстроилась на плацу. Из строя вызывают отличившихся офицеров и прапорщиков, и сам министр обороны награждает их орденами и медалями. И вдруг я слышу, как для вручения награды из строя вызывают меня, но почему-то по имени. Стоящий за мною старшина радостно трясёт меня за плечо, я открываю глаза и вижу... моего попутчика, стоящего в проходе с полотенцем в руках.

– Вставайте, Андрей, – говорит он, – а то не успеете умыться: через час Саратов.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем стремительней менялась погода. Дождь кончился, небо прояснилось, и выглянувшее солнце залило всё вокруг сияющим, радостным светом.

– Жаль, что я не услышу продолжения, – сказал я, когда мы закончили укладывать вещи. – Вы замечательно рассказываете. Почему бы вам обо всём этом не написать? Вышла бы хорошая книга.

– Нет уж, увольте. Чтобы писать хорошие книги, нужны как минимум талант и безграничная вера в свой успех, у меня же ни того, ни другого. Да и годы мои не те, чтобы бегать по редакциям. Давать другим советы легко; вот вы бы взяли на себя такой труд?

– Я бы рискнул, – сказал я, не ожидая, что за этими словами может последовать, – но без продолжения у меня вряд ли что получится.

Мой попутчик внимательно посмотрел на меня и, достав из чемодана две небольшие тетрадки, протянул мне.

– Вот вам продолжение. Это мои записи о событиях, что происходили со мною до того, как в Германию приехал Павел, и мой дневник, что я вёл, когда мы служили вместе. Собираясь в Саратов, я взял их, чтобы показать своему другу.

Сердце моё застучало так, что я испугался, что оно выскочит из груди. Не веря своему счастью, я схватил тетради и, опасаясь, что он может передумать, быстро спрятал их в сумку.

– Когда и как я смогу вернуть ваши записи?

– Я вам их дарю. С этой минуты они – ваша собственность. Вы говорите, что из всего этого может выйти хорошая книга, дай Бог, чтобы у вас это получилось.

Поезд остановился на первом пути. Двигаясь к выходу, я увидел в окно Вершинина, подходившего к нашему вагону. Чтобы как-то не помешать встрече старых друзей, я на минуту задержался в тамбуре. Я видел, как они обнялись, и Вершинин, подхватив чемодан моего попутчика, повёл его в город.

Они ушли уже довольно далеко, когда Косарев вдруг оглянулся.

– Удачи! – крикнул он и помахал мне рукою.

Часть 2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я был расстроен. Приступая к записям, я ожидал встретить в них такой же захватывающий рассказ, какой я слышал в поезде, но это было простое изложение фактов. Но самое главное: за всем этим не виден был автор. Он словно растворился в этом ворохе слов.

Эти записи дали мне возможность ещё раз убедиться, что рассказывать о чём-то произошедшем с тобою собеседнику и излагать то же самое на бумаге – это совершенно разные вещи.

Самым естественным с моей стороны было бы отложить тетради в сторону и забыть о них навсегда. Я так и собирался сделать, но одна фраза, попавшая мне на глаза в воспоминаниях, заставила меня передумать. И эта фраза: «Но слово было дано...»

Рассказ, услышанный в поезде, произвёл на меня сильное впечатление. Он был ещё совсем свеж в моей памяти. А что если, подумал я, попробовать всё произошедшее с Косаревым и его другом в Германии изложить языком моего попутчика. Что из этого вышло, судить вам.

ЗАМАНИВШАЯ В ЛОВУШКУ

Германия. Удивительная страна. За два года, что я служу в Западной группе войск, я часто общаюсь с немцами и могу с уверенностью сказать, что это культурный, отзывчивый и красивый народ. Правда, в отличие от немцев, немки не произвели на меня впечатления. Не раз проезжая через немецкие деревни и видя на улицах молоденьких немок, я невольно вспоминал свою Родину. Боже мой, сколько же у нас красивых девчат! Здесь же редко встретишь смазливое личико. Однако и среди немок иногда встречаются настоящие красавицы. На одной из них я едва не женился.

В военном городке дома офицерского состава находятся недалеко друг от друга, и лишь двухэтажное здание офицерского общежития, где проживают холостяки артиллерийской бригады, стоит особняком на краю леса. Подойти к общежитию незаметно не представляется возможным: всех направляющихся к нему видно ещё издали. Возможно, по этой причине наше командование редко появляется в нём.

Накануне выходного дня мы собирались у кого-нибудь из офицеров в комнате отдохнуть после службы и попить пива. Ближе к вечеру к нам присоединился капитан Левчук, служивший в танковом полку, стоявшем рядом с нашей бригадой. Он приходился земляком Пустовалову, моему соседу по комнате, и, хотя был женат, не отказывал себе в удовольствии посидеть в компании холостяков. Устроившись где-нибудь в углу и потягивая пиво, молча наблюдал он за нашей беседой, изредка улыбаясь, когда кто-нибудь из нас, доказывая свою правоту, начинал горячиться. Неудивительно, что за разговорами мы забывали о нём, вспоминая о его присутствии лишь тогда, когда для разрешения спора требовался судья.

В один из его приходов зашёл разговор о женитьбе. Всех интересовали вопросы: в каком возрасте лучше всего жениться и что делать, если твоя избранница другой национальности. Некоторые, в том числе и я, считали, что это не имеет никакого значения, большинство же, ссылаясь на якобы существующие по этому поводу теории, настаивало, что жениться лучше всего после тридцати и что муж с женой, чтобы хорошо понимать друг друга, непременно должны быть одной нации.

— Все эти ваши теории — полнейшая ерунда, — неожиданно произнёс Левчук, — и ни одна из них выеденного яйца не стоит.

Взоры всех обратились на капитана.

— Взять хотя бы для примера меня, — продолжал он. — Женился я на четвёртом курсе училища. Я украинец, жена у меня татарка, и понимаем мы друг друга с полуслова.

— Ну а тогда, чтобы не ошибиться, как выбирать себе жену? — спросил кто-то.

— Выбирать? — удивился он. — Жену не выбирают, её Бог даёт. Слушай своё сердце. Когда ты встретишь свою половинку, оно тебе об этом непременно скажет. А чтобы её встретить, не надо сиднем сидеть дома, не то так и будешь всю жизнь холостяком. Вы посмотрите, сколько вокруг вас красивых девчат, успевай только знакомиться.

Компания оживилась, кто-то из присутствующих вспомнил по этому поводу старый анекдот. Лишь на моего соседа по комнате слова Левчука произвели обратное действие: лицо его осунулось, и в глазах появилась невыразимая тоска.

— Рассуждать легко, — сказал он. — А как с ней познакомишься, когда она в твою сторону даже смотреть не хочет?

— Ну ты даёшь, Кузьма, — удивился я, — да это же проще пареной репы: сказал ей пару комплиментов, уточнил, что она делает вечером — и дело в шляпе. Не знаю, как у кого, а для меня нет такой девчонки, с которой бы я не смог познакомиться.

Сидевшие за столом одобрительно зашумели и с деланным видом стали предлагать Пустовалову свою помощь. Он послал всех к чёрту. В это время Левчук дал мне знак, чтобы я вышел из комнаты.

— Слушай, Косарев, — сказал капитан, прикрывая за мною дверь, — ты действительно можешь познакомиться с любой? Тут, понимаешь, какая случилась

беда, – продолжал он после того, как я утвердительно кивнул головой, – две недели назад к Петре, что держит гаштет, из города приехала дочка...

– Какая же это беда? – сказал я, будто не понимая, к чему он клонит.

Последнее время среди офицеров и прапорщиков бригады только и было разговора о приезде Ребекки, дочери Петры. Говорили, что она очень красива, и я знал, что некоторые молодые офицеры дорого бы дали за знакомство с нею.

– Беды в этом нет, – согласился он, – беда, что Кузьма, наслышанный о её красоте, усомнился в этом, а когда вчера увидел её, влюбился в неё как мальчишка. На его несчастье, на днях кто-то из офицеров ей нахамил, и теперь о русских она не хочет даже слышать. Косарев, будь другом, познакомь их!

– И как же мне их знакомить, – удивился я, – вести его за руку в гаштет?

– Ты, главное, сам с ней познакомься, а потом как-нибудь зайдёте к ней вместе с Кузьмой, ну и познакомишь их.

– Ну нет, так такие дела не делаются. Если Кузьме нужно, чтобы я познакомил его с дочкой Петры, пусть меня сам об этом и попросит.

Левчук сделал жест рукой, дескать, всё понял, и, приоткрыв дверь, позвал Пустовалова.

Ещё в глаза не видя дочку хозяйки гаштета и не зная, чем может обернуться для меня эта затея, я обещал Кузьме познакомить его с Ребеккой. Дело оставалось за малым: познакомиться с ней самому. Мы вернулись в комнату, разговор вновь пошёл о женитьбе. За спорами мы не заметили, как выпивка кончилась. Немецкие магазины закрывались рано, и за пивом надо было идти в гаштет. Чтобы никому не было обидно, капитан предложил тянуть жребий. Не скрою, история с Пустоваловым разожгла моё любопытство, и мне захотелось увидеть немку, вскружившую ему голову. Когда жребий пал на меня, я чуть не подпрыгнул от радости, но постарался изобразить на своём лице досаду.

– Слушай, Коля, – обратился я к офицеру, с которым был в дружеских отношениях, – ты же знаешь, я никогда не хожу по гаштетам, сходи вместо меня. Магарыч за мной.

– О-о! – зашумели все сидевшие за столом. – Так он ещё не видел Ребекку! Коля, куда не ходи: он должен её увидеть.

В Дёрницах было два гаштета: Петры и Марты. Это были двухэтажные коттеджи, первые этажи которых занимали зал и буфет. После работы всё мужское население деревни приходило сюда выпить шкалик водки и посидеть за кружкой пива. У Марты всегда было полно народа: большинство немцев отдавало предпочтение её гаштету. Здесь им никто не мешал, и они могли спокойно посидеть и побеседовать. Заведение Марты находилось в центре деревни, и по вечерам к нему с проверкой частенько подъезжала дежурная машина с Альтенграбовским гарнизонным патрулём. И горе было офицерам и прапорщикам, оказавшимся в это время в гаштете. Попадались, как правило, прибывшие по замене новички, пропустившие мимо ушей предостережение товарищей. Все остальные ходили к Петре. Она довольно сносно говорила по-русски и даже под честное слово давала иным в долг, до получки. Петра никогда не могла похвастать полным залом, зато у неё была в два раза больше выручка, что давали ей русские посетители, успевшие до прихода к ней изрядно принять на грудь, а поэтому охотно сорившие деньгами. Некоторые из них вели себя довольно развязно и шумно, но Петра смотрела на эти вольности сквозь пальцы. И лишь когда кто-нибудь из русских начал бузить или приставать к дочери, помогавшей ей в зале, Петра звонила Марте, и через некоторое время нарушителя покоя забирали патруль.

Для отвода глаз я ещё немного посетовал на судьбу, переоделся и вышел на улицу.

Стояла ночь. Звенели цикады. В лесу, что тёмной стеной возвышался над дорогой, то и дело слышались какие-то шорохи, но я не обращал на них внимания. И лишь звук хрустнувшей неожиданно в глубине леса ветки отдавался в моих ушах ружейным выстрелом. Редкие звёздочки светились в ночном немецком небе. Луна одиноко томилась в вышине, освещая дорогу. Рваные облака, бежавшие над землёю так низко, что казалось, они вот-вот заденут макушки деревьев, имели вид угрюмый и мрачный. Они бежали так быстро, что за ними трудно было уследить, и это вызывало в душе раздражение и досаду. Как же прекрасно наше ночное небо! А какие у нас облака! Дух захватывает, когда видишь, как высоко-высоко, величаво и плавно над бескрайними русскими просторами плывут они, словно белые лебеди по усыпанному звёздами ночному небу. Луна безраздельно царствует в вышине, и эти причудливые облака, и этот необъятный простор и всё, всё, что ни есть в это время на земле и в небе, залито её завораживающим, сказочным светом, таким же таинственным и загадочным, как и сама русская душа.

Пройдя вдоль леса до асфальта, я пошёл под горку.

Я свободно говорил по-немецки, но никто из сослуживцев об этом даже не догадывался. Сам я об этом никому не говорил и в анкетах никогда не указывал. Зачем привлекать к себе внимание? «Наша немка», как уважительно называли мы свою учительницу немецкого языка, родилась в Баварии и всю свою любовь к родному языку старалась передать нам, своим ученикам. «Молодец, Косарев, – не раз говорила она в классе, – у тебя настоящее баварское произношение». У немцев Восточной Германии жёсткое произношение. Правы те, кто утверждает, что баварцу режет слух, когда рядом разговаривают берлинцы. Я очень удивился, услышав в магазине в Дёрницах мягкую баварскую речь. Две продавщицы, очень похожие друг на друга, как впоследствии оказалось – близняшки, уже не молодые, но ещё и не старые, разговаривали между собой. Кроме меня, в магазине был ещё один покупатель. Он обращался к одной из сестёр по имени, и я уже знал, что её зовут Амалия. Оставшись один, я попросил Амалию дать мне две бутылки пива и двести граммов сыра.

– Софи, Софи, скорее иди сюда! – позвала она сестру, ушедшую в подсобку. – Это чудо, это какое-то чудо! – говорила она, с восхищением глядя на меня.

И когда сестра появилась в дверях, попросила повторить, что я сказал.

Я повторил свою просьбу.

– О, мой бог, – сказала Софи, и на её глазах показались слёзы, – вы не можете себе представить, какое это для нас счастье – услышать здесь, в деревенской глуши, родное произношение!

Оказалось, что раньше сёстры жили в Баварии. Они оканчивали школу, когда в авиакатастрофе погибли их родители, и тётка забрала сестёр к себе в деревню. С той поры они так и живут здесь, в Дёрнице. Всякий раз, как я захожу к ним, они не могут со мной наговориться.

Но не всё во взаимоотношениях с немцами было так гладко и хорошо. Однажды, двигаясь в колонне техники через немецкую деревню, заметил я в окне дома сгорбленную фигуру тощего старого немца, смотрящего нам вслед. Видимо, это был один из бывших фашистов, счастливо избежавший виселицы после войны. Я оглянулся, глаза наши встретились, и сердце моё невольно сжалось. От его глаз веяло смертельным холодом, но я знал, что в душе у него раскалённой лавой клокочет лютая ненависть к нам, русским,

и тело его высушила злоба от осознания своего бессилия что-либо изменить. Так смотрит на всех волк, запертый в клетке.

Заведение Петры находилось в самом начале деревни, прямо у дороги. У входа и в окнах горел свет. Справа и слева от дорожки, ведущей к невысокому крыльцу, росли густые кусты сирени, надёжно скрывая тех, кто оказывался за ними. Едва я приблизился к дорожке, нежный запах цветущей сирени захватил и взволновал мне душу, наполнив её воспоминаниями о милой моему сердцу родине.

Завсегдатаев в зале находилось немного, и было так накурено, что сидевшие за дальними столиками едва были видны. Сделав иногда между затяжками пару глотков из бокала, они продолжали обсуждать прошедший день, не обращая на посетителей никакого внимания. Проходя мимо зала к буфету, я заметил между столиков стройную девушку лет двадцати, обслуживающую сидящих в зале. Густые, роскошные волосы, словно солнечный дождь ниспадавшие с её плеч, доходили ей до лопаток. Большие выразительные глаза с длинными ресницами, красивый аккуратный нос с трепетными ноздрями и полные чувственные губы делали её неотразимой. Я догадался, что это и есть Ребекка. Назвать её красавицей значит не сказать ничего – она была прекрасна, и я заметил, что, когда она возвращалась к буфету, некоторые пожилые немцы задумчиво смотрели ей вслед.

Она даже не взглянула в мою сторону. «Что за мальчишество, – с грустью подумал я, – давать невыполнимые обещания. Недаром говорят: язык мой – враг мой». Видимо, всё, что творилось в душе моей, было написано у меня на лице, потому что Петра, наливая в бокалы пиво и поглядывая в мою сторону, наклонившись к дочке, что-то тихо говорила ей и улыбалась. Забрав поднос с пивом, Ребекка повернулась, и я заметил, что щёки её тронул румянец... Она посмотрела на меня, и ресницы её слегка дрогнули. «Значит, ещё не всё потеряно!» – толкнулась в моём сердце радость.

Вдруг за моей спиной раздался чей-то хриплый прокуренный голос:

– Хороша сучка!

Я обернулся. Сзади меня стоял капитан. Он был в гражданке, но я его сразу узнал. Я несколько раз видел его в Альтенграбове. Он запомнился мне тем, что всё время держал в руках фуражку, и, лишь когда капитану требовалось отдать честь старшему по званию, фуражка оказывалась у него на голове.

Он был пьян.

– Ведите себя прилично, не позорьте себя, – с твёрдостью глядя ему в глаза, сказал я.

Он, видимо, узнал меня тоже.

– Нет, вы только на него посмотрите, – повёл он в мою сторону рукою, – он ещё будет учить меня, где и как себя вести! Мальчишка! Не забывай, что перед тобой стоит капитан!

– Можно быть и капитаном и всё же оставаться дураком, – ответил я.

– Что ты сказал? – попытался он поймать меня за руку. – А ну, пойдём выйдем, я тебе сейчас объясню, как надо вести себя со старшими по званию. Ну что, идёшь, – спросил он, остановившись у выхода, – или боишься?

– Мне бояться нечего, – отвечал я, – пьяный трезвому не ровня.

– Меньше болтай, – сказал он и в дверях толкнул меня в спину.

Как только между нами началась перепалка, сидевшие за столиками немцы замолчали, и в наступившей тишине стало слышно, как размеренно тикают часы, висевшие в зале. Из коротких реплик я понял, что они все до одного поддерживают меня.

Мы вышли из гаштета.

– Петя, иди сюда! – крикнул капитан стоявшему у дорожки своему товарищу. – Тут одному щеглу требуется объяснить, как надо себя вести.

У Пети, как мне показалось, уже не осталось сил, чтобы ответить. Он молча кивнул и нетвёрдой походкой пошёл к крыльцу.

– Спускайся вниз, – сказал капитан и подтолкнул меня.

Ему хотелось как можно быстрее со мной разобраться, и, едва я шагнул вниз, он замахнулся, чтобы ударить меня сзади. Фонарь, висевший над дверью, светил нам в спину, и, увидев на земле тень от поднятой руки, я интуитивно сделал шаг в сторону. Он не удержался на ногах и плашмя упал с крыльца на землю. Подбежавший товарищ перевернул его на спину. Лицо и руки капитана были в крови.

– Ах ты гад! – процедил сквозь зубы его дружок и бросился на меня.

Мне не хотелось его бить: он еле держался на ногах, к тому же при виде лежащего и стонущего на земле капитана злость в душе моей угасла. Уходя от удара, я почувствовал, как щеки моей коснулось что-то острое. В его руке была отвёртка. Это было уже слишком, и я шагнул к нему...

От удара он упал и пополз на четвереньках, матерясь и харкая кровью.

– Офицер, офицер! – раздался сзади меня девичий голос.

Я обернулся: на пороге стояла Ребекка.

– Скорее идите сюда, – делала она мне знаки рукою, – к нам едет патруль! Вот это сюрприз! Оказывается, она хорошо говорит по-русски.

Меня не надо было уговаривать: отчётливо слышался шум мотора, и сквозь листву пробивался свет от фар шедшей в гору военной машины.

Немцы наблюдали за нами в окно и были в курсе всего, что произошло на улице. Едва я с Ребеккой вошёл, все обступили меня и одобрительно зашумели: «Гут, гут...» Она провела меня мимо буфета по коридору и, усадив в одной из подсобок, ушла. Мне хотелось знать, что происходит в зале, и я приоткрыл дверь.

– Не надо куда-то жаловаться, – громко говорил кто-то, должно быть, начальник патруля, – уверяю вас: больше вы их у себя никогда не увидите. Ещё раз прошу принять наши искренние извинения...

Петра выразила мне свою признательность и, чтобы не привлекать внимания посетителей, велела Ребекке вывести меня на дорогу через двор.

Пройдя мимо каких-то построек, мы вышли в боковую калитку и, обогнув дом, оказались около кустов сирени, с другой стороны.

– Приходи ко мне завтра вечером, в девять. Я буду ждать тебя здесь, на этом месте, – наклонившись ко мне, шепнула она, и мою щеку обжёг поцелуй.

Испытал ли я в это время восторг? Ликование – да. Но это ликовало моё самолюбие.

Противоречивые мысли, сменяя друг друга, теснились в голове моей, и мне порою казалось, что я сплю. Я почти не смотрел на дорогу и чуть не упал, споткнувшись о камень. Как наивен человек, будучи уверен, что всё, о чём он мечтает, сбудется в точности так, как хотелось бы ему! Как легко судьба играет нами! Посмотрим, что будет дальше.

Меня заждались и, когда я вошёл в комнату, засыпали вопросами. Всем хотелось знать, не познакомился ли я с Ребеккой.

– Отстаньте от человека, – неожиданно сказал один из офицеров, – о каком знакомстве вы говорите – вы только посмотрите, как она его оцарапала.

Все засмеялись его шутке, и о моём походе в гаштет больше никто не вспоминал. Лишь иногда, замечая на себе испытующий взгляд Пустовалова, я чувствовал, что он о чём-то догадывается.

Когда мы остались вдвоём, он стал сетовать, что уже стар – ему шёл двадцать седьмой год – и поэтому у него нет никаких шансов на знакомство. Я как мог его успокаивал и обещал, что за неделю обязательно познакомлюсь с Ребеккой, а потом познакомлю его с ней, если к этому времени он не передумает.

...Если не передумает он! Я решил не знакомить их, едва увидев её. Надо признаться, что все мы в душе ужасные эгоисты. Правильно сказал когда-то мудрец: никогда никому ничего не обещай. Но слово было дано...

Через неделю, призвав на помощь всю свою фантазию, я придумал правдоподобную историю своего знакомства с Ребеккой и рассказал её Пустовалову. Он очень обрадовался, но, подумав, произнёс:

– Давай на пару недель отложим вопрос о моём знакомстве, а ты за это время сможешь ещё больше с ней подружиться, узнать, что она любит, какие книжки читает, ведь если мы останемся вдвоём, я даже не знаю, о чём говорить с ней.

Святая простота! Он действительно верит, что ночью, в темноте, наедине с молодой красавицей, которая сама пригласила тебя на свидание, можно думать о книжках. Я не стал его разубеждать. Зачем?

Каждый вечер он ждал моего возвращения от Ребекки и, едва я входил, прямо с порога начинались бесконечные расспросы: где мы были, что делали, что сказал я, что ответила она. В жизни я не врал столько. «Все мы вправе поступать так, как считаем необходимым, главное при этом не потерять уважение к самому себе», – вспомнил я слова Вершинина, и лицо моё начало гореть от стыда.

Любил ли я её? Без сомнения. Но эта любовь походила скорее на горячку: я был как в огне и чувствовал, что слабею с каждым днём. Мир словно перестал для меня существовать, и все мои мысли были только о ней. Она отвечала мне взаимностью, и от этого страсть моя разгоралась ещё сильнее.

Всякий раз, вернувшись от Ребекки и войдя в общежитие, я решал для себя, что сегодня же всё расскажу Пустовалову, но в последний момент откладывал этот разговор на потом. Я видел: он влюблён в неё так же, как и я, и живёт лишь одной надеждой на будущее знакомство. Я не знал, как мне поступить. Посоветоваться, но с кем? Положение моё становилось невыносимым.

В один из вечеров во время очередных расспросов я всё же решился и сказал ему, что Ребекка не хочет ни с кем знакомиться и, кроме меня, не желает никого знать. Он сгорбился и опустил руки.

– Это судьба, – сказал он упавшим голосом. – В отпуске мне нагадала цыганка, что я влюблюсь в немку, но на взаимность у меня нет никаких шансов. Я ей не поверил, но она даже назвала её имя, которое в переводе означает: заманившая в ловушку. Ты можешь мне не отвечать, но я вижу: ты влюблён в неё так же, как и я, и хочу пожелать вам счастья..

Не знаю, как после всего случившегося мы бы смотрели в глаза друг другу, но на следующий день он уехал в дивизию на повышение.

В один из вечеров, когда мы с Ребеккой сидели на втором этаже, к нам наверх поднялась Петра и вызвала её в коридор. Она вышла из комнаты, даже не прикрыв за собою дверь. Они, как мне кажется, были абсолютно уверены, что я их не понимаю, и совершенно не беспокоились, что я их услышу.

– Я не хочу, чтобы ты повторяла мои ошибки, – сказала Петра. – Или ты сейчас же расскажешь ему всё сама, или это сделаю я.

– Мама, когда придёт время, он всё узнает, – отвечала Ребекка.

– Доченька, вы же любите друг друга, умоляю тебя, послушай свою мать. Я хорошо знаю русских: если ему об этом расскажет кто-то другой – больше ты его у себя не увидишь.

Она замолчала. Затаив дыхание, ждал я, что ей ответит Ребекка.

– Ну, хорошо, – согласилась она, – я расскажу ему всё сама через два дня.

– Только не говори мне после, что я тебя не предупреждала, – с грустью сказала Петра и стала спускаться по лестнице.

Вернувшись в комнату, Ребекка ничем себя не выдала. Она была весела и ласкова, словно это не она, а кто-то другой только что закончил неприятный разговор. Сославшись, что мать просила её помочь с уборкой в зале, она проводила меня и, поцеловав на прощание, сказала:

– Я люблю тебя. Завтра я буду занята, приходи ко мне в воскресенье.

На следующий день я был в Дёрницах и зашёл в магазин к сёстрам.

Покупателей в магазине не было, и мы разговорились. Как-то сам собою зашёл разговор о женитьбе, и они, раскрасневшись от смущения, стали наперебой рассказывать мне, как познакомились со своими мужьями.

– Пусть Бог пошлёт вам красивую, хорошую невесту, как Ребекка, – сказала Софи.

– Как ты можешь желать такую невесту молодому человеку? – с упрёком посмотрела на неё Амалия. – Говорят, она путается с каким-то русским офицером. А у неё есть жених, которого, между прочим, когда он уезжал на учёбу в Англию, она обещала ждать. Он должен был приехать сегодня, но у него вышла заминка, и теперь раньше, чем через неделю, он не приедет.

Эта новость выбила меня из колеи. «Вот пришла очередь и твоей проверки, – думал я о себе, вспомнив, как мы устроили проверку «паровозом» старшине. – И проверят тебя не вчерашние мальчишки, а проверит сама жизнь и твёрдость твоего характера, и верность своим убеждениям». Всю ночь я не мог сомкнуть глаз и на следующий день чувствовал себя совершенно разбитым. С трудом дождался я вечера.

Была ночь, когда я вышел из общежития. Ребекка ждала меня у калитки. Луна светила ей в лицо.

– Я всё знаю, – сказал я и заметил, как она побледнела.

– Может, это и к лучшему, – сказала она. – Что касается меня, то мне не в чем себя упрекнуть. Да, до тебя я встречалась с Францем, который мне очень нравился. Он собирается на мне жениться, но я его никогда не любила и не люблю. Я люблю тебя. Он будет здесь через неделю, и я прошу тебя пока ко мне не ходить. Как только он приедет, я найду повод, чтобы с ним поссориться, и мы снова будем с тобой встречаться. Хорошо?

– Нет, – сказал я. – Почему мы должны всё время прятаться и всем лгать, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не подумал, что мы любим друг друга? Ты не представляешь, что о нас говорят в деревне. Давай вместе встретим Франца, и пусть он от нас узнает всю правду.

– Но я обещала его ждать, – отвечала она. – Я не хочу, чтобы он думал, что я его предала.

Напрасно я убеждал её в своей правоте, она стояла на своём.

– Может, ты меня разлюбила и нам лучше расстаться? – спросил я и не услышал своего голоса.

Глаза её наполнились слезами, ещё мгновение, и она бросилась бы мне на шею, но в это время в окне, выходящем во двор, неожиданно вспыхнул яркий свет, она вздрогнула и опустила глаза.

– Или соглашайся со мной, или прощай, – произнесла она, и я натолкнулся на взгляд, привыкший повелевать.

Моим глубоким убеждением было, что любовь – это умение уступать, что любимого о чём-то можно только просить, а если влюблённые ставят друг другу условия – это уже не любовь, а рабство. «Можно согласиться с ней и остаться, – думал я, – но как после этого я буду себя уважать?»

Я повернулся и пошёл прочь.

С трудом сдерживал я рыдания, слёзы душили меня, и я шёл, не разбирая дороги. Видимо, у меня случился нервный шок, потому что, едва я вошёл к себе в комнату и бросился на кровать, силы меня покинули, и я уснул как убитый.

Жизнь потеряла для меня всякий смысл, и в душе образовалась какая-то пустота. Равнодушно смотрел я на всё, что происходило и делалось вокруг, и даже известие, что Ребекка выходит замуж, оставило меня безучастным.

Всё же молодость взяла своё, и однажды, выйдя утром из общежития, я впервые улыбнулся солнцу и голубому небу.

Окажись со мною рядом мой друг, возможно, я бы не наделал тогда столько глупостей. Но друг мой был в то время от меня далеко. Если бы ты только знал, как не хватает мне тебя, Павел Петрович...

ДНЕВНИК КОСАРЕВА

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

17 ноября

Третий день в нашей самоходной артиллерийской бригаде стоит непривычная тишина. Развод на занятия проводится без оркестра, на плацу во время вечерней прогулки не слышно песен: по приказу командира бригады вечернюю поверку и отбой в батареях перенесли на час раньше. Да и что толку во всех этих мероприятиях, когда больше половины личного состава бригады во главе с командиром, полковником Михальчуком, находится на выезде.

Несколько дней назад на Альтенграбовском полигоне проводились штабные учения с боевой стрельбой. За ходом учений с командного пункта наблюдали командир бригады и офицеры штаба. Углублённый в землю и накрытый сверху брезентом и маскировочной сетью, командный пункт был почти не виден со стороны. Он находился на одной из господствующих высот, откуда в оптические приборы хорошо просматривался «котёл», куда велась стрельба. Для поднятия боевой выучки личного состава в последний день учений стрельбы проводились ночью.

К вечеру я решил проверить пункты связи в подразделениях и отправился на боевые порядки дивизионов. Солнце уже садилось за дальним лесом, когда я подъезжал к расположению первого дивизиона. Ужин в батареях закончился, и старшина второй батареи, старший прапорщик Хромченко, ходил около заднего борта крытой машины и поторапливал солдат, грузивших пустые термосы. Хромченко на хорошем счету у командования и очень гордится тем, что на партийных собраниях бригады неизменно входит в состав президиума. Из всех старшин части он держится особняком. Однажды я слышал, как он учил в курилке молодого офицера своего дивизиона: «Ну какой толк в том, что ты пропадаешь на службе днём и ночью? Пока ты не усвоишь армейскую мудрость: вспотел – покажись начальнику, – ходить тебе старлеем до седых волос». За пристрастие Хромченко к пока-

зухе я его терпеть не могу. Он это чувствует и отвечает мне тем же. Мой командир батареи его тоже не любит и, когда видит из окна, как тот своей вихляющей походкой идёт мимо, всякий раз не может удержаться, чтобы не сказать ему вслед: «Проститутка».

– Что ты там копаешься! – выговаривал старшина солдату, принимающему термосы. – Того гляди дождь пойдёт, а нам ещё ехать десять километров.

Я невольно улыбнулся, заметив, как он щурится, глядя на заходящее солнце.

Уже стемнело, когда я вернулся назад. У подножия высоты тарахтел генератор, и на командном пункте горел свет. Стрельбу не начинали: ждали возвращения командира бригады с проверяющим офицером из штаба дивизии. Как бы я ни относился к Хромченко, он оказался прав. Не прошло и часа – поднялся ветер, небо затянуло тучами и в воздухе запахло дождём. Неожиданно между командным пунктом и третьим дивизионом пропала связь. Медлить было нельзя, и я вместе со связистом отправился искать обрыв провода. Как я и предполагал, провод был повреждён в низине, где он пересекал каменистый участок дороги. Едва мы нашли повреждение, пошёл проливной дождь. Пока солдат соединял провода, я, накрыв его плащ-палаткой, светил ему фонариком. Неожиданно из-за бугра вынырнула машина и ослепила нас светом. Это был «уазик» командира бригады. Машина остановилась, и с противоположной стороны от водителя распахнулась дверца.

– В чём дело, Косарев? – сквозь шум дождя и работающего двигателя услышал я голос командира бригады.

– Всё в порядке, товарищ полковник, – прикрываясь рукою от света фар, отвечал я.

Дверца захлопнулась, и «уазик» растворился в темноте.

Первый дивизион отстрелялся хорошо. Когда пришла очередь стрелять второму дивизиону, заряжающий четвёртой батареи в спешке переложил в ствол гаубицы порох. Погода ли была причиной этому или отсутствие у солдата должной выучки, я не знаю. Снаряд, улетев за «котёл», упал на поле недалеко от немецкой деревни. Из жителей деревни никто не пострадал, но от взрыва в близлежащих домах вылетели стёкла, и на крышах некоторых из них осколками побил черепицу. Немцы согласились не предавать огласке это происшествие, но обязали последствия взрыва устранить и причинённые убытки компенсировать.

На следующий день в стороне от деревни около леса вырос военный палаточный городок...

Трудно сказать, как бы этот взрыв аукнулся для командира бригады, оказавшись на месте Михальчука кто-то другой. В части все знают, что комбриг и командир дивизии генерал-майор Нестеренко друзья. Они подружились, когда ещё были младшими офицерами и служили в одном гарнизоне. Потом вместе поступили в Академию Генерального штаба, где бывший тогда ещё капитаном Михальчук поразил однокурсников и преподавателей своим изумительным знанием баллистики. Весть о незаурядном офицере моментально стала достоянием всей академии. Уже тогда офицеры старших курсов, с чьей лёгкой руки Михальчук получил в академии прозвище Профессор, не раз обращались к нему за помощью при расчётах по стрельбе. По логике вещей это он должен был быть командиром дивизии, но в жизни всё складывается так, как складывается.

Из батареи управления командир бригады взял на выезд только троих связистов моего взвода. По его приказу обеспечением связи на выезде занимается лично сам начальник связи бригады. Надо сказать, что ни с начальниками служб, ни со своими замами комбриг не церемонится.

Ближе к обеду командир батареи поручил мне проверить, как убрана территория за казармой. Вообще-то это дело старшины, но две недели назад вместе со старшиной третьей батареей он уехал в Союз. Говорят, что связисты в армии знают всё: вчера вечером из Потсдама звонил начальник отдела кадров дивизии и просил прислать автобус за старшиной.

Я проверял территорию, когда мимо меня проехал автобус, вернувшийся из дивизии. Что за наваждение: мне показалось, что в автобусе сидел Вершинин.

Водитель подрулил к штабу, и из автобуса вышел... мой бывший старшина.

– Павел Петрович! – не помня себя от радости, закричал я и бросился бегом к штабу. – Павел Петрович!

Он был обрадован не меньше меня. Мы обнялись.

– Что же ты ни разу не написал, что собираешься ехать в Германию? – с укором сказал я. – Я бы...

– После будете разбираться, – перебил меня дежурный по части, встречавший автобус, – товарища старшего прапорщика ждёт начальник штаба.

Лучшего старшину для батареи управления невозможно было себе представить, и я был уверен, что его назначат к нам. Так бы оно и случилось, не окажись в это время в кабинете начальника штаба начальника политотдела. Для создания партийной организации в третьей батарее не хватало одного коммуниста. А Павел был коммунистом.

Я был расстроен. И даже не столько тем, что мои ожидания не оправдались: его командиром стал Голохвастов.

Командир третьей батареи старший лейтенант Голохвастов среди офицеров считается неплохим артиллеристом, но командир он никакой. Он высокого роста и довольно хорошо сложен. Нежно-матовый цвет лица, тонкие чёрные брови в сочетании с большими выразительными глазами и длинными, загнутыми кверху ресницами делают его больше похожим на девушку. Когда за упущения по службе его распекает старший начальник, он краснеет и опускает голову. Он никогда не смотрит собеседнику в глаза – явный признак скрытности или слабости характера.

В первом дивизионе у меня много друзей, но ближе всех по духу старшина первой батареи старший прапорщик Цветков. Три месяца назад он прибыл в нашу бригаду, и его поселили в мою комнату вместо ушедшего на повышение Пустовалова. Мы с ним сразу подружились.

Первым дивизионом командует майор Самохвалов. Он высокий, крупный, с длинными ногами, большой головой и маленькими голубыми тусклыми глазами. Отдавая приказы подчинённым, он размахивает руками и говорит так громко, словно командует на плацу. Я долго не мог понять, кого он мне напоминает, пока, перечитывая Чехова, не наткнулся на описание щенка в рассказе «Белолобый». Теперь, когда я его вижу, в памяти моей невольно всплывает это описание: «Это был... щенок, чёрный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы... Судя по манерам, это был невежа, простой дворняжка».

Первый дивизион занимает первый и второй этажи трёхэтажного здания. Первая батарея полностью занимает первый этаж, второй делят между собой вторая и третья батареи. Два старшины в одной казарме – что две хозяйки на одной кухне...

Цветков вызвался показать Павлу расположение части и военного городка. Отпросившись у командира дивизиона, он первым делом повёл Павла устраиваться в общежитие. Семья у Павла приедет через два месяца, и, пока в его квартире делают ремонт, он будет жить в общежитии. Павла поселили по соседству с нашей комнатой. Цветков уже дважды звонил мне, чтобы я не опаздывал на новоселье.

– Интересно, – войдя в комнату и увидев на столе нарезанное тонкими кусочками солёное сало, которое я предпочитаю всем другим закускам, не смог удержаться я, – это где же вы достали сало?

– Все вопросы к нему, – засмеялся Павел, указывая на Цветкова, – он даже настоящей бочковой квашеной капусты достал.

– А что, – улыбнулся Цветков, – хороша закуска – квашена капуста: и подать не стыдно, и съедят – не жалко.

У Цветкова бесподобная детская улыбка. Его улыбку можно сравнить с солнышком, что в ненастную погоду неожиданно выглянуло из-за туч и осветило всё вокруг радостным, ласковым светом. Кажется, что обладателю такой улыбки трудно постоять за себя. Но это только кажется. Первым, кто убедился в этом, был замполит первого дивизиона майор Баринов.

Баринов маленького роста, худой, сутулый. Он умён, начитан, но злопамятен и постоянно язвит. Не потому ли у него желтушный цвет лица? За годы службы, если не считать юбилейных медалей и медалей за десять и пятнадцать лет безупречной службы, прозванных в офицерской среде «песочными», он не заслужил ни одной правительственной награды. Когда Баринов видит их у молодых офицеров и прапорщиков, мне кажется, он плохо спит ночью.

На второй день после прибытия в бригаду Цветков в парадной форме стоял у поста дневального, ожидая, когда закончится совещание у командира дивизиона. Он должен был представляться командиру по случаю назначения на должность старшины батареи. Совещание закончилось. Первым из кабинета вышел замполит дивизиона. Цветков отдал майору честь. Увидев на груди старшины медаль «За отличие в воинской службе» II степени, Баринов подошёл к нему и дотронулся до неё рукою.

– Надо же, – сказал он с неприязнью, – служим, можно сказать, без году неделя, а уже имеем «орден Сутулова».

– Ну что вы, товарищ майор, – улыбнулся Цветков своей детской улыбкой, – это же медаль «За отличие в воинской службе». Жаль, что я ни разу не видел ордена, о котором вы говорите: очень бы хотелось посмотреть, кто на нём изображён.

При этих словах дневальный, глядя на сутулую фигуру майора, не смог сдержать улыбки. Заметив это, Баринов позеленел от злости, развернулся и молча ушёл к себе в кабинет, но с того дня постоянно придирается к старшине.

Этот случай я вспомнил невольно, увидев на парадном мундире Павла, что висел на спинке стула, две медали «За отличие в воинской службе» I и II степени...

18 ноября

Перед обедом я зашёл в третью батарею.

– Старший прапорщик Вершинин принимает имущество в сушилке, – доложил мне дежурный.

Едва я открыл дверь, меня обдало жаром и в нос ударил тяжёлый запах плесени. Вдоль стен справа и слева на металлических штырях, которые служат для просушки сапог, были развешаны влажные лагерные палатки. Павел на полу помогал двум солдатам счищать мокрыми тряпками плесень с очередной палатки.

– Ты посмотри, что делается, – сказал Павел, поднимаясь и вытирая со лба пот. – Ещё пару дней, и они точно бы сгнили. Иван Иванович, – окликнул он заглянувшего в сушилку старшину второй батареи, – неужели ты после штабных учений не мог подсказать моему командиру, чтобы он просушил палатки?

– А что я? – надул свои толстые щёки Хромченко. – У меня и без ваших палаток забот полон рот..

– Ну вот, возьми его за рубль двадцать, – сказал Павел с досадой, когда тот исчез за дверью.

21 ноября

Поздно ночью вернулся личный состав, находившийся на выезде, и сегодня утром развод на занятия начался с разбора неудачной стрельбы. Заложив руки за спину и прохаживаясь перед стоящими в одной шеренге командирами дивизионов и их заместителями, комбриг молчал, словно собираясь с силами. Наконец он остановился около командира второго дивизиона майора Вербицкого.

– Доложите мне, товарищ майор, какие вами приняты меры, чтобы подобное не повторилось?

Офицеры стояли на середине плаца, но личному составу бригады хорошо было слышно всё, что говорилось на нём в это время.

Командир проштрафившегося дивизиона и сам был не рад случившемуся. За прошедшие после происшествия дни он похудел и осунулся. Вытянувшись по стойке «смирно», стоял он перед командиром бригады и, должно быть, от волнения, нервно перебирал пальцами левой руки.

– Товарищ полковник, мною проведено совещание с офицерами дивизиона по вопросу усиления контроля над личным составом во время проведения учебных и боевых стрельб. За упущения в работе командиру четвёртой батареи объявлен выговор.

Михальчук пообедал, шагнул к Вербицкому и устремил на него испепеляющий взгляд.

– У вас что, майор, совсем крыша поехала или у вас в голове бетон вместо мозгов?

Его слова вызвали лёгкое движение в рядах стоящих на плацу солдат, а младшие офицеры невольно переглянулись. Командир дивизиона молчал. «Что же он молчит? – глядя на его опущенную голову, с досадой подумал я. – Почему позволяет оскорблять и кричать на себя?» Тягостное чувство овладело мною. Где-то в глубине души я понимал, что после всего случившегося у командира бригады произошёл нервный срыв, однако ощущение было такое, словно тебе ни за что ни про что при всех дали пощёчину.

– Какое совещание? Какой выговор?! – продолжал распекать офицера Михальчук. – Работать надо с личным составом! Поучитесь в батарее управления, как это надо делать. Немедленно запланировать и провести в дивизионе занятия с «заряжающими», с последующей сдачей зачётов. Это касается всех командиров дивизионов... У вас будут объявления? – несколько поостыв, обратился он к своим заместителям.

– Прошу напомнить коммунистам, что сегодня в девятнадцать часов в клубе части партийное собрание бригады, – обратился к замполитам дивизионов начальник политотдела.

К назначенному времени коммунисты стали собираться у клуба. Щиты его, некогда радовавшие всех своей новизной, от времени и непогоды давно потемнели и облупились, и теперь клуб больше походил на семейный барак старой постройки. Он смотрелся довольно мрачно, и даже лучи заходящего солнца не оживляли его угрюмого вида. Кресла в помещении были старые, часто ломались, и начальнику клуба стоило немалых трудов содержать их в порядке.

Было девятнадцать часов, но коммунисты толпились в курилке и заходить в клуб не торопились. Ждали начальника политотдела майора Краснощёкова, который в это время в штабе части разговаривал по телефону

с начальником политотдела дивизии. Наконец все расселись в зале. Началось выдвижение кандидатур в президиум собрания. Вместе с тремя начальниками служб, командиром бригады и двумя его заместителями в президиум собрания кто-то предложил мою кандидатуру. Мне показалось это странным, но я не подал вида. Впереди меня сидел старшина второй батареи. Не услышав среди кандидатов в президиум своей фамилии, старшина от неожиданности замер на месте. Он впервые остался не у дел и теперь растерянно смотрел по сторонам, ища сочувствия и поддержки. Вдруг он оглянулся, скользнул по мне взглядом, и в его глазах мелькнули неприкрытая неприязнь и зависть. Разве можно такие мелочи принимать так близко к сердцу? Мне стало жаль его. К столу президиума я выходил одним из последних: я собирался выступать и надеялся сесть с краю. Но не тут-то было.

– Проходи вперёд, Косарев, – пропуская меня, сказал Михальчук, увидев, что ему придётся сидеть рядом с начальником тыла бригады полковником Твердохлебовым, которого он явно недолюбливает.

В бригаде зовут Твердохлебова черепом, так как у него большая голова, широкие скулы и глубоко запавшие глазницы. Он бреет голову, и от этого она ещё больше похожа на череп. Он единственный из замов, кто, как и командир бригады, имеет звание полковника. Твердохлебов неплохой командир, но у него есть одна слабость. Находясь вместе с другими замами во время прохождения бригады торжественным маршем на трибуне, он всё время норовит стать рядом с командиром бригады. А так как он на две головы выше комбрига, то рядом они смотрятся как Тарапунька и Штепсель, что всякий раз вызывает у всех улыбку. Заметив это, Михальчук к концу развода всякий раз отсылает Твердохлебова в одно из подразделений, стоящее на левом фланге бригады, с поручением проверить у личного состава форму одежды или стрижку, поднимается на трибуну и даёт команду: «К торжественному маршу...»

Начальник политотдела выступал с докладом: «Задачи, стоящие перед коммунистами бригады на новый учебный год в свете проходящей в стране перестройки». Михальчук то и дело перебивал докладчика, мешал ему говорить, видимо, считая, что без его уточнений и комментариев коммунисты бригады не поймут задач, стоящих перед ними.

– Кто желает выступить? – спросил председатель собрания, когда перешли к пункту «разное».

Устроенный сегодня Михальчуком разнос командиру второго дивизиона обсуждался в бригаде весь день. Многие коммунисты высказывались по этому поводу довольно резко: с недавнего времени распекать подобным образом на плацу офицеров у Михальчука вошло в привычку. Я был почти уверен, что кто-нибудь из них наберётся смелости и выступит на собрании, но в зале стояла мёртвая тишина и большинство присутствующих сидели опустив головы. Я уже взялся за спинку стула, намереваясь встать, как вдруг увидел, что руку поднял Павел. После развода мы увиделись у казармы, и между нами произошёл следующий разговор. «Круто!» – сказал Павел. «А что ты хочешь – командир бригады...» – «Я бы не смолчал». – «Я бы тоже». – «И давно у вас такое?» – Я неопределённо махнул рукой.

– Кто это? – наклонившись ко мне, спросил Михальчук, когда Павел поднялся с места.

– Старший прапорщик Вершинин, старшина третьей батареи.

Михальчук повернулся к начальнику политотдела майору Краснощёкову.

– Олег Иванович, в чём дело?

Сидевший с краю Краснощёков от неожиданности интуитивно втянул голову в плечи.

– Я, когда уезжал из бригады, давал команду в первую очередь укомплектовать старшиной батарею управления. Нет, – в негодовании развёл руками Михальчук, – ну что хотят, то и делают! Я только сейчас узнаю, что прибыл новый старшина. Ну ничего, после собрания я разберусь с этим вопросом.

– Подскажите свою фамилию, – обратился председатель к Павлу, проходившему мимо стола президиума. – Товарищи, слово предоставляется коммунисту Вершину.

Павел прошёл за трибуну, и глаза всех присутствующих, в том числе и сидевших в президиуме, устремились на него. Большинство коммунистов видело его впервые, тем сильнее был интерес к тому, что он собирался сказать. Едва он произнёс, что собирается поднять на собрании вопрос о поведении коммуниста Михальчука, сдавленный вздох одобрения прошёл по рядам. Все сидевшие в зале внутренне подобрались, и у некоторых на лицах появилась такая же решимость, какая обычно бывает на лице у штангиста, вышедшего на помост для последней попытки, понимающего, что, если и сейчас вес не будет взят, в его жизни всё останется по-старому.

– Я не собирался выступать, – продолжал Павел, – но, видя, как бесцеремонно ведёт себя коммунист Михальчук даже здесь, на партийном собрании, не смог удержаться. Так обычно ведут себя господа со своими слугами, не считая их за людей. В то же время коммунисту Михальчуку надо отдать должное: он великолепный артиллерист и грамотный, умелый руководитель. Об этом свидетельствуют два ордена на его груди. Это требовательный командир, умеющий жёстко спросить за допущенные ошибки. В этом я его целиком поддерживаю. Но беда в том, что спрос спросу рознь...

Павел говорил взвешенно, подбирая слова так, чтобы они не задевали самолюбия Михальчука, но они звучали в зале, словно гром среди ясного неба.

– Что предлагаете? – спросили из зала, когда Павел закончил говорить.

– Предлагаю за допущенную грубость и высокомерие, проявленное по отношению к подчинённым, коммунисту Михальчуку объявить выговор.

В зале одобрительно загудели.

Начальник политотдела кинулся наперевес.

– Товарищи коммунисты, я не стану отрицать, что коммунисту Михальчуку надо указать на его промахи и спросить за допущенную грубость, но начинать с выговора, я считаю, было бы неправильно. Вы все знаете, сколько сил и внимания уделяет Алексей Петрович повышению боевой готовности бригады, как болеет душой за положение дел в части. Перед тем как нам принять решение по коммунисту Михальчуку, предлагаю сначала послушать, что он сам думает по поводу высказанной в его адрес критики.

Михальчук поднялся, вытер платком лоб и посмотрел в зал. По его лицу было видно, что он ошеломлён случившимся и что причиной этому была не критика, высказанная в его адрес и даже не предложение Вершину объявить ему выговор, а то обстоятельство, что это предложение нашло поддержку почти у всех коммунистов бригады.

Собрание завершилось. Все потянулись к выходу. Ужин в бригаде уже закончился, и в свете фонарей были видны одинокие фигуры солдат, покидавших столовую, стоявшую рядом с клубом. В курилке Самохвалов что-то объяснял Баринovu.

– Вершинин, – окликнул он Павла, когда мы проходили мимо. – Ну кто тебя за язык тянул говорить всё это? Ну, поставили на вид Михальчуку, тебе легче стало? То ты в прикомандированных взводах, словно в своей бата-

рее, порядок наводишь, то теперь это выступление... Честное слово, я тебя не пойму: тебе что, больше всех надо?

– Действительно, и что тебе на месте не сиделось? – поддержал его Баринов. – Как говорится, не буди лихо... Такого командир бригады тебе не простит. Я думаю, жди его в гости к себе в батарею уже завтра, с подъёма. Ну и заварил ты кашу...

Но большинство коммунистов придерживалось иного мнения. Возвращавшиеся с собрания офицеры и прапорщики то и дело с чувством пожимали Павлу руку и с восхищением отзывались о его выступлении.

Рядом с офицерской столовой нас поджидал мой командир батареи капитан Клочков. Из моих рассказов он знал о Павле всё и загорелся перевести его в нашу батарею.

– Ну и прошёлся ты по Михальчуку, как каток по муравью, – сказал он, пожимая Павлу руку. – Теперь у него надолго пропадёт охота устраивать подобные разносы. – И, немного помолчав, добавил: – Ко мне старшиной пойдёшь?

– Я бы с удовольствием, – посмотрев на меня, сказал Павел, – да кто же меня отпустит?

– А это уже не твоя забота, – улыбнулся Клочков.

25 ноября

Вчера с офицерами и прапорщиками бригады прошли занятия по точному выполнению распорядка дня в подразделении. Занятия проводились на базе первой батареи. Форма одежды была объявлена полевая. Перед началом занятий, шагая по коридору вдоль строя, начальник штаба проверял форму одежды и уточнял фамилии отсутствующих. Офицеры и прапорщики негромко переговаривались между собою, и начальник штаба то и дело обращался к стоящим в строю: « Попрошу потише, товарищи ». Я стоял во второй шеренге рядом с замполитом ремонтной роты. Как и все привыкшие больше говорить, чем делать, он был не прочь поспать после обеда, о чём красноречиво свидетельствовали следы от подушки на его правой щеке. Он зевнул, прикрывая рот рукою, и сказал стоявшему впереди капитану:

– Ты можешь себе представить, Олег, что после партийного собрания Михальчук ни разу не был в первом дивизионе?

– Да ладно, – повернулся к нему капитан, – чтобы Михальчук да спустил всё это на тормозах... Я слышал, что он чуть ли не каждый день ставит первый дивизион на уши.

– В том-то всё и дело, что это не так, – оживился замполит роты. – Другие дивизионы проверяет каждый божий день утром и вечером, а в первом не был ни разу. Я перед построением разговаривал с майором Бариновым...

– Ну тогда сегодня он оторвётся по полной, – ответил ротный и подмигнул своему заму.

Занятия начались ровно в 15 часов. Начальник штаба доложил командиру бригады о готовности личного состава к занятиям и об отсутствующем по неуважительной причине офицере третьего дивизиона старшем лейтенанте Мухине.

– В чём дело? – спросил Михальчук у командира дивизиона майора Завьялова.

Майор ещё только собирался открыть рот для ответа – вошёл старший лейтенант Мухин. Взоры всех обратились на опоздавшего. «Ну и наглец, – подумал я, разглядывая его коричневые туфли и брюки навыпуск, – ловко он подставил своего командира». Помявшись у дверей, Мухин спросил у командира бригады разрешения стать в строй.

– Товарищ старший лейтенант, доложите мне, почему вы опоздали на занятия? – спросил офицера командир бригады.

– Проспал, – отвечал Мухин.

– А почему прибыли на занятия с нарушением формы одежды? – стараясь изо всех сил держать себя в руках, спросил Михальчук.

– Не успел переодеться, – сказал Мухин и почесал в затылке.

Комбриг побагровел:

– Александр Петрович, – обернулся Михальчук к начальнику штаба, – вы слышали? Он не успел переодеться!

Того, что произошло дальше, никто не ожидал.

– Нет! Это выше моих сил! – вскричал он вдруг и быстро пошёл вдоль строя. – Где этот старший прапорщик? Где Вершинин?..

– Я здесь, – сказал Павел, подняв руку, чтобы Михальчук не терял время на поиски.

– Вы слышали, что он мне ответил?! – в глазах Михальчука сверкало бешенство. – Как прикажете теперь с ним разговаривать? Кто он после всего этого?

– Непорядочный человек, – глядя в гневные глаза командира бригады, отвечал Павел.

– Да он, – Михальчук с негодованием показал рукою в сторону Мухина, – просто наглец! Он, видите ли, проспал! И это после того, как я отпустил на обед всех офицеров и прапорщиков, кроме старшин, на два часа раньше! Скажи мне при всех, старшина, – командир бригады перешёл вдруг с Павлом на «ты», – скажи, чтобы слышал и этот бессовестный человек, сколько времени ты потратил на обед и на подготовку к занятиям?

– Сорок минут, товарищ полковник.

– Вот видишь! – обрадовался Михальчук. – Вот видишь, тебе на подготовку хватило сорока минут, а этому наглецу, – командир бригады ещё раз гневно посмотрел на Мухина, – не хватило четырёх часов! Как ты считаешь, старшина, какие меры мне надо принять к этому, как ты говоришь, непорядочному человеку?

– Никаких.

– Никаких? Я тебя правильно понял? – ответ старшины его явно озадачил.

– Так точно. Меры к нему примут в дивизионе.

Михальчук ещё некоторое время смотрел на Павла, потом развернулся и направился к середине строя.

– В 17 часов командирам дивизионов и их заместителям прибыть ко мне в штаб на совещание. Александр Петрович, – обратился он к начальнику штаба, – проводите занятия.

И, уже не глядя на Мухина, пошёл к выходу.

После первого часа занятий объявили перерыв. Был великолепный день, и, выйдя из казармы, я зажмурился от яркого солнечного света. Павел находился в курилке и разговаривал с моим командиром батареи. Словно какой-то бес толкал меня в бок и тянул за язык. Я принял театральную позу и, стараясь придать своему голосу трагические нотки, воскликнул:

– «Нет! Это выше моих сил!.. Где этот старший прапорщик?.. Где Вершинин?..»

В курилке никто не засмеялся. Некоторые офицеры и прапорщики, чтобы скрыть улыбку, отвернулись, другие сохраняли на своих лицах невозмутимое спокойствие. Павел смотрел на меня, улыбался и глазами показывал мне за спину. Я оглянулся: в дверях казармы стоял начальник штаба. От неожиданности я сделал шаг назад, оступился и упал. Оглушительный хохот

сопровождал моё падение. Начальник штаба дождался, когда я поднимусь, и погрозил мне пальцем:

– Будешь хулиганить – накажу.

26 ноября

С Павлом мы почти не видимся: он дни и ночи пропадает в батарее. Сегодня утром он поздравил меня по телефону с днём рождения и просил в течение дня зайти к нему на пару слов. После обеда у меня выдалось свободное время, и я поднялся на второй этаж. Рядом с комнатой для хранения оружия сержант строил третью батарею на чистку оружия. Я спросил старшину. Он отвечал мне, что десять минут назад старшина вместе с рядовым Смирновым убыл на вещевой склад. Мне показалось это странным: Павел не тот старшина, чтобы оставить личный состав в такой ответственный момент. Чисткой оружия в подразделениях руководят старшины, а когда они заняты по службе, – ротный или командир батареи. Но командир третьей батареи, это я знал точно, отсутствовал. Сегодня утром все командиры батарей и рот убыли в Потсдам на однодневные сборы. «Что за чертовщина?» – подумал я и отправился за разъяснениями к Цветкову. И вот что я выяснил.

Перед обедом в третью батарею передали солдата из Потсдама. В дивизии уже взяли за правило всех злостных нарушителей воинской дисциплины отсылать на перевоспитание в нашу бригаду. Был конец ноября, погода стояла по-летнему тёплой, и шинель у солдата в виде скатки была прикреплена к вещмешку. Павел стал принимать имущество. Дошла очередь до шинели. Когда солдат надел её, старшина ахнул: она едва доходила владельцу до колен. Пришлось доложить командиру дивизиона.

– Это, старшина, ерунда, – успокоил его Самохвалов. – Завтра с утра отведёшь Смирнова на склад, – подберёшь ему шинель из числа б/у.

Однако незадолго до построения на чистку оружия, позвонив с поста дневального в вещевую службу, командир дивизиона послал за Павлом. Цветков в это время находился в комнате для хранения оружия, и все дальнейшие события развивались у него на глазах.

– В общем, так, – замахал руками Самохвалов, – завтра утром начальник склада уезжает на два дня в дивизию на сверку. Поэтому, старшина, прямо сейчас вместе со Смирновым отправляйтесь на склад. Семибратов уже там.

– Товарищ майор, а как же чистка оружия?

– А что чистка оружия? Её проведёт лейтенант Зайцев, тем более что за неё отвечает он. У меня нет причины не доверять офицеру.

– Офицеру? – переспросил Павел. – Да он ещё мальчишка, товарищ майор. Какой это офицер, когда подчинённые и за глаза, и в глаза зовут его Вованом. Никуда я не пойду.

– А если завтра в бригаде объявят строевой смотр? – перешёл на крик Самохвалов. – Я не собираюсь стоять и моргать глазами перед командиром бригады! Немедленно отправляйтесь на склад!

– Товарищ майор, я одного не могу понять: что это за спешка такая? – удивился Павел. – Пройдёт чистка оружия, и я заменю Смирнову шинель. Что, Семибратов не может час подождать на складе? Ничего с ним за это время не случится.

Происходил этот разговор в кабинете командира дивизиона, и он, возможно, согласился бы с доводами старшины, но за их беседой наблюдал суточный наряд, и Самохвалов решил показать солдатам, кто в дивизионе главный.

– Товарищ старший прапорщик! – приложил он руку к козырьку. – Приказываю вам вместе с рядовым Смирновым немедленно убыть на вещевой склад для замены шинели! Выполняйте приказание!

Павел вышел и, выходя, в сердцах так хлопнул дверью, что со стены посыпалась штукатурка.

Командир дивизиона посмотрел на дневальных и упёр руки в боки.

– Видали? – головой показал он в сторону двери. – Офицер, видите ли, ему не нравится! Никуда он не пойдёт! Куда ты денешься с подводной лодки... – Он повернулся на каблуках и довольный собою ушёл в кабинет.

Мы с Цветковым сошлись во мнении, что решение его было неверным.

Я вернулся к себе в батарею и через некоторое время отправился в штаб бригады. В помещении штаба находилась комната дежурных связистов, и её окна, выходявшие на дорогу, позволяли моим подчинённым замечать всех начальников раньше, чем те появлялись на пороге штаба. В комнате было душно, и я открыл окно. Внимание моё привлекли два солдата, бежавшие от санчасти с носилками. Печать недавно пережитого ужаса лежала на их лицах. От недоброго предчувствия у меня захолонуло в груди.

– Что случилось? – крикнул я им через решётки окна.

– Солдата ранили! – в один голос ответили они на бегу.

Я остолбенел.

– Где?

– В третьей батарее!

Я позвонил на склад. Трубку никто не брал, и я немедленно послал туда одного из своих связистов – надо было срочно предупредить Вершинина о случившемся: в той неразберихе, что, вероятнее всего, сейчас творится в третьей батарее, о нём едва ли вспомнят. Пока я ждал возвращения солдата, в сторону санчасти на носилках пронесли раненого. Голова его безжизненно болталась на подушке. Как я узнал позже, он умер, не придя в сознание, раньше, чем его донесли до санчасти. Через некоторое время на санитарной машине его увезли в Белиц.

Мой связист всё не возвращался; я уже потерял минутам счёт, когда он наконец показался на дороге. Выяснилось, что по пути он встретил посыльного третьей батареи, и, пока они бежали на склад, тот успел рассказать ему, что произошло у них во время чистки оружия.

В тот день службу нёс суточный наряд от второй батареи. Чтобы не тратить время на выдачу и приём оружия, дежурный предложил старшине провести чистку автоматов прямо в комнате для хранения оружия. Хромченко эта идея понравилась, и он отправился в канцелярию к лейтенанту Зайцеву. Через пять минут третья батарея уже сидела в комнате для хранения оружия.

Дав сержантскому составу необходимые распоряжения, Зайцев отправился в канцелярию дописывать конспект по боевой подготовке. Чистка подходила к концу, и солдаты стали представлять оружие для осмотра сержантскому составу. Рядовой Комаров автомат вычистил плохо, и сержант Самохин распорядился его перечистить. Комаров надулся. Небольшого роста, тщедушного вида, он отслужил полтора года и считал, что командир отделения к нему просто придирается. Он отошёл в сторону и достал из кармана брелок, сделанный из боевого патрона. В патроне, в верхней части пули, было просверлено маленькое отверстие для цепочки. Комаров этим брелоком очень дорожил: это был подарок его земляка, две недели назад убывшего домой. Чтобы его не отобрал старшина, Комаров перед построением на утренний осмотр всякий раз отдавал брелок своему другу из второй батареи.

– Сейчас я его пугану, будет знать, как придираться, – сказал Комаров солдату, который уже сдал оружие.

Он отвёл затвор у автомата, но все его попытки вставить патрон оканчивались неудачей.

– Эх ты, горе-стрелок! – заметив это, рассмеялся Самохин. – Кто же так вставляет патрон! Дай сюда. – И отобрал автомат и брелок у солдата. – Учись, пока я жив.

Он легко вставил патрон, отпустил затвор и, как это всегда делается после чистки оружия, перед тем как поставить автомат на предохранитель, машинально нажал на спусковой крючок.

Раздался выстрел, и Комаров, дёрнув головой, стал валиться на бок. От неожиданности сержант выронил автомат. Все, кто был в это время в комнате для хранения оружия, окаменели, но уже через мгновение, бросив оружие, расшвыривая табуретки, спотыкаясь и падая, кинулись вон.

О случившемся доложили. Самохина под охраной отвели в караульное помещение. Через полчаса из дивизии сообщили, что к нам из Группы на вертолёте вылетели военные дознаватели и караул. Я решил поддержать Павла и отправился в третью батарею. Личный состав на этаже отсутствовал. Комната для хранения оружия была закрыта и опечатана, и ничто не указывало на то, что совсем недавно в ней произошла страшная трагедия.

Вершинин был в кладовой. Едва я вошёл, в дверях появился Цветков.

– Хорошо, что ты здесь, – увидев меня, сказал он, – пойдёмте, я вам кое-что покажу.

Мы спустились на первый этаж. Он подвёл нас к висевшему на стене расписанию занятий по боевой подготовке первого дивизиона на неделю и ткнул пальцем туда, где было указано время проведения чистки оружия в третьей батарее.

– Читайте.

– Всё правильно, – сказал я, – «15.00–16.00 – Чистка оружия в третьей батарее».

– Читайте дальше: кто ответственный за чистку оружия.

Мы своим глазам не поверили: в графе «ответственный за мероприятие» вместо лейтенанта Зайцева был вписан старший прапорщик Вершинин. Было видно, что человек, вносящий в графу изменения, очень спешил и, работая резинкой, до того протёр в этом месте бумагу, что она стала тоньше папиросной.

– Интересно было бы узнать, кто это сделал? – сказал я. – За такие дела можно и в пятак дать.

– Кто снимал расписание? – спросил Цветков у солдата, стоявшего на посту.

– Майор Баринов. Он ходил с ним к командиру дивизиона, а потом повесил его обратно.

– Ну и ловкие ребята, – произнёс, молчавший до этого Павел. – Командир дивизиона на месте? – спросил он у дневального.

– Никак нет, перед вашим приходом он вместе с майором Бариновым ушёл в штаб.

– Комиссия идёт! – крикнул дневальный, выставленный Цветковым у окна наблюдать за дорогой.

Павел поднялся к себе на этаж; я отправился в штаб.

Уже стемнело, когда, забрав с собою арестованного сержанта Самохина, комиссия улетела. Тяжёлые мысли, одна мрачнее другой, не давали мне покоя, и, чтобы развеяться, я сначала проверил порядок во взводе, а потом отправился в штаб к своим связистам. Увидев меня, рядовой Семёнов тяжело вздохнул.

– Не тяни резину! – толкнул его в бок сослуживец.

Но тот только отмахнулся.

– В чём дело? – спросил я.

– Товарищ лейтенант, вашего друга собираются откомандировать в Союз, – доложил солдат, толкавший товарища.

Из рассказа подчинённых я узнал следующее. После ужина начальник политотдела дал команду связистам проверить у него телефон. Семёнов уже заканчивал проверку, когда в кабинет вошёл командир бригады.

– Что сказал Зиновьев? – спросил начальник политотдела.

Полковник Зиновьев был председателем комиссии, что прилетала разобраться с причинами ЧП.

– Оставил принятие окончательного решения за командованием бригады. – Комбриг прошёл и тяжело опустился на один из стульев, что стояли вдоль стены. – Самохвалов защищает старшину, дескать, тот служит в дивизионе всего лишь вторую неделю и поэтому ещё не успел войти в курс дела, но я думаю, Олег Иванович, Вершинина надо убирать из бригады. Бросил личный состав в самый ответственный момент. Кто даст гарантию, что подобное не повторится? Ты что думаешь по этому поводу?

– Я полностью с тобой согласен, Алексей Петрович.

– Значит, завтра я дам команду подготовить документы для откомандирования его в Союз. Меня удивляет настырность командира батареи управления: опять заходил ко мне с просьбой перевести Вершинина к нему старшиной. Не могу понять, что он в нём нашёл?

– Я думаю, мы не будем рисковать, Алексей Петрович...

Сегодня Цветков остался в батарее. Павел тоже. По приказу командира бригады все старшины до утра находятся в своих подразделениях.

Третий час ночи... Не спится... а надо бы. Завтра, а вернее, уже сегодня, мне нужна ясная голова: я получил разрешение начальника политотдела зайти к нему по личному вопросу. Драка будет нешуточная! Я не отдам своего друга на растерзание!

Самохвалов утверждает, что Вершинин ещё не успел войти в курс дела. Какая наглость! Ему не надо входить в курс дела – он им живёт!

Очернив Вершинина, командование дивизиона уверовало, что оно смогло обезопасить себя и выгородить Зайцева, у которого, я знал, папа служит в штабе Западной группы войск. Но шила в мешке не утаишь, и правда всё равно вылезет наружу. Интересно, как отнесётся начальник политотдела ко всему, что я ему скажу. О том, что за чистку оружия в третьей батарее отвечал Зайцев, знаем не только мы с Цветковым; в первом дивизионе об этом знают все без исключения. Как может офицер, отдавший приказание, после отказаться от своих слов?

Они не оставили мне выбора. Завтра я поставлю все точки над «и» или уеду с Павлом.

Сегодня ровно месяц, как Павел – старшина батареи управления.

Три дня назад во время развода на занятия командир бригады вывел нашу батарею на середину плаца и, указав на солдат нашей батареи, сказал, что так должны выглядеть все солдаты в бригаде. То ли ещё будет...

Командиру первого дивизиона присвоили очередное воинское звание. Он очень горд тем, что среди командиров дивизионов он единственный, кто имеет звание подполковника, и, по словам Цветкова, при каждом удобном случае заходит в комнату бытового обслуживания, чтобы полюбоваться на себя в зеркале. Сегодня он всех удивил, не подав руки Зайцеву, пришедшему в дивизион прощаться. Зайцева переводят в другую бригаду.

В первых числах января приедет семья Вершинина. Вчера мы осматривали его квартиру после ремонта.

Из окна казармы мне видно, как у штаба сгружают ёлки для подразделений: бригада готовится к встрече Нового года. Сейчас на Родине зима, детвора играет в снежки, катается с горы на санках, а у нас идёт дождь. Одно хорошо: почва в Германии песчаная, и даже после ливня нет грязи. После обеда ушёл готовиться к службе. Придя в общежитие, разделся и лёг в кровать. Надо поспать – вечером мне заступать начальником караула. Почему-то вспомнилось всё, что пришлось пережить за этот месяц мне и Павлу, и спать расхотелось. Решил продолжить свой дневник.

Когда то, что должно случиться, уже случилось, легко рассуждать о том, как бы надо было поступить в том или ином случае, а тогда... Но начну всё по порядку.

Утром встал я совершенно разбитый и отправился на службу. После развода на занятия всех командиров батарей и командиров взводов собрали в клубе части. Беседу проводил начальник штаба. Разговор шёл о произошедшем в третьей батарее ЧП и о выводах комиссии. Подняв лейтенанта Зайцева и пожурился ему, начальник штаба сказал:

– Только вашей молодостью и неопытностью могу я объяснить тот факт, что во время чистки оружия вы всё передоверили старшине батареи.

«Неужели он не наберётся мужества и не расскажет, как всё было на самом деле?» – думал я. Но Зайцев смотрел в пол и молчал.

– Пусть это, товарищ лейтенант, послужит для вас и для всех присутствующих в зале серьёзным уроком, – добавил начальник штаба.

Беседа закончилась. С тяжёлым сердцем выходил я из клуба. В курилке среди офицеров стоял Зайцев.

– Все эти прапорщики никчёмный народ, – произнёс он, когда я проходил мимо.

Я остановился. Он стоял ко мне спиной, но было ясно, с каким презрением и высокомерием были произнесены эти слова. Он затаился, выпустил изо рта дым и сплюнул на землю.

– Чёрт меня дернул довериться старшине!

Он не раз видел меня в дивизионе и знал, что мы с Вершининым друзья. Я кашлянул. Зайцев оглянулся, увидел меня, смутился и покраснел.

– Ты трус и негодяй и не достоин звания офицера! – шагнув к нему, сказал я и дал ему пощёчину.

Он растерялся, но уже через мгновенье схватил меня за грудки. Нас растащили в стороны. Я заверил, что больше его не трону, меня отпустили, и я не спеша пошёл в сторону штаба.

– Если ты думаешь, что это сойдёт тебе с рук, то ошибаешься! Ты ещё об этом пожалеешь! – пытаюсь вырваться из рук державших его офицеров, кричал мне вслед Зайцев. – Сегодня-завтра я сообщу о случившемся кому надо в штаб Западной группы войск, и тебя уже через неделю здесь не будет!

Его слова меня развеселили. Они напомнили мне детство и одного из моих сверстников. Всякий раз, когда я поколачивал его за очередную подлость, он грозил мне своим отцом, который, впрочем, ни разу не вмешался в наши дела, считая, что казак должен уметь сам постоять за себя. Что если ему ответить той же монетой? Мне ужасно захотелось увидеть его лицо в эту минуту. Я обернулся и сказал подчёркнуто сухо:

– Не надо меня пугать своим папой. Запомни, Зайцев, если позвоню я кому надо в Москву, в Генеральный штаб, то вы с ним уже через два дня будете за Уралом.

Мои слова произвели на него должное впечатление, и всю его спесь как ветром сдуло.

Я был в батарее, когда меня срочно вызвал начальник штаба. «Ну вот, – подумал я о Зайцеве, – уже успел поплакаться в жилетку начальнику штаба». Но ошибся. Оказалось, что кто-то из офицеров, слышавших наш разговор с Зайцевым, уже доложил начальнику штаба, что в Москве в Генеральном штабе у меня служит какой-то родственник, и, когда я вошёл в кабинет, он попытался эту тайну из меня выудить. Наконец сказал:

– Ну, хорошо, не хочешь говорить – не говори. Можешь идти. Но вообще-то о таких вещах надо предупреждать.

Я пожал плечами и вышел.

Как переживают у нас иные начальники, когда за спиной подчинённого вдруг оказывается занимающий еще более высокую должность родственник, который при случае может щёлкнуть их по носу!

Начальник политотдела уже ждал меня. Он усадил меня на стул и сел рядом.

– Я слушаю вас, товарищ Косарев.

Он ни разу меня не перебил и, лишь когда я выразил уверенность, что именно Баринов после ЧП внёс изменения в расписание занятий, возразил:

– Ну, это сомнительно. Я знаю майора Барина как умного и порядочного человека.

От возмущения у меня перехватило дыхание:

– Значит, по-вашему, всё, что я вам рассказал, я придумал? Выходит, я вру? Я обратился к вам как коммунист к коммунисту, как если бы обратился за помощью к самой партии... а вы... Я думал, партия... Тогда, что же... – сказал я в страшном волнении, поднимаясь со стула, и полез во внутренний боковой карман, где у меня лежал партбилет.

– А вот этого делать не надо, – догадавшись, что я собираюсь сделать, придержал мою руку Краснощёков. – А впрочем, – добавил он, через некоторое время, – насильно в партии никого не держат...

Дав мне воды и дождавшись, когда я успокоюсь, он усадил меня за стол, положил передо мною ручку и лист бумаги и сказал:

– Напишите на моё имя заявление с просьбой рассмотреть поведение коммуниста Барина во время чрезвычайного происшествия в первом дивизионе на партийной комиссии дивизии, описав всё, что вам по этому поводу известно.

Отправляясь к начальнику политотдела, я сомневался, станет ли он меня слушать, ведь я собирался говорить о подлости, совершённой не просто майором Бариновым, а замполитом дивизиона. «Нет, – думал я, – напрасно ты идёшь к нему: оба они из одной обоймы, а, как известно, ворон ворону глаз не выклюет, да и где ты видел правду в этом мире?» Покидал его кабинет я с двойным чувством. Мне было радостно, что моё обращение возымело действие, и в то же время ужасно стыдно за своё неверие в порядочность начальника политотдела, неверие, которое я неоправданно автоматически переносил на всё человечество. От стыда уши и щёки мои горели так, что дежурный по части, увидев меня, воскликнул:

– Косарев, тебя что, в бане парили?

Вершинину тоже пришлось несладко. После построения он сразу пошёл к командиру дивизиона.

– Товарищ майор, я хочу услышать лично от вас, каким образом я стал ответственным за чистку оружия. Это вы внесли в расписание изменения? – войдя в кабинет и глядя майору прямо в глаза, спросил Павел.

Под его взглядом командир дивизиона съёжился и как будто стал ниже ростом. Он встал из-за стола и подошёл к Вершину.

– Как ты мог такое подумать, старшина? Мне, конечно, было жаль Зайцева, но дело не в нём, вернее, не только в нём, – заискивающе глядя в глаза, продолжал он. – Утром начальник отдела кадров сообщил мне, что на днях в штабе Группы должны рассматривать моё представление на присвоение мне очередного воинского звания, и вдруг как гром среди ясного неба это ЧП. У меня волосы встали дыбом: два года назад у меня была точно такая же ситуация, и тогда моё представление отозвали, я тогда больше месяца провалялся в госпитале с давлением. Такого бы ещё раз, старшина, честное слово, я бы не пережил. А тут, как назло, вносит Баринков ко мне в кабинет расписание и начинает меня убеждать вписать вместо Зайцева твою фамилию. «Ты, – говорит, – сам посуди: он только принял должность, и самое большое, что ему грозит, это выговор. Ну, так мы этот выговор через пару месяцев снимем. А вот Зайцева наверняка отправят в Союз. Соглашайся, и мы сразу убьём двух зайцев: и твоё представление не отзовут, и этого глупого лейтенанта спасём». Но я, старшина, от такого предложения наотрез отказался. Тогда он взял и сам вписал в расписание твою фамилию. А переделывать всё заново, ты уж меня извини, не хватило ни времени, ни духу.

Что можно было на это ответить! Павел повернулся и молча вышел.

– Замполит дивизиона на месте? – остановившись у дверей его кабинета, спросил он дневального и, получив утвердительный ответ, решительно взялся за ручку.

Какой разговор состоялся между ними и как он проходил, не знает никто. Однако же известно, что после того, как старшина вышел, было слышно, как в кабинете настойчиво звонил телефон; но трубку никто не брал, словно в кабинете никого не было. Дневальному показалось это странным, и он вызвал дежурного по батарее. Когда телефон зазвонил в очередной раз, дежурный постучал в дверь и, заглянув в кабинет, лишился дара речи, увидев замполита дивизиона, сидящего на шкафу. Зачем он залез на платяной шкаф? Загадка! И, главное, как он на нём оказался? Стол стоял на значительном удалении от шкафа, а стульев, стоявших вдоль стен, никто не трогал. Всякий раз, когда я пытаюсь вывести у Вершинина, не его ли рук это дело, он лишь молчит и загадочно улыбается.

Две недели назад партийная комиссия дивизии рассмотрела персональное дело коммуниста Баринкова. За попытку сокрытия фактов произошедшего в третьей батарее ЧП коммунисты дивизии объявили ему выговор.

– Красивая формулировка, – сказал я.

– Красивая, – согласился Павел. – Но тут важно другое. Подлость, как бы её ни называли, всё равно останется подлостью.

Я закончил писать и задумался. Два чувства одновременно завладели моим сердцем. Первым была радость, что всё же, несмотря на утверждения скептиков, что настоящей дружбы нет, я имел случай убедиться, что она существует, да ещё какая. В то же время невыносимая печаль тискалами сжала мне сердце: у меня не было друга, на которого я мог бы положиться...



**Иван
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ**

НЕПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ

ГУЛЛИВЕР

Как с гор, по заснеженным крышам
на землю стекает рассвет.
Двор тенью морозною дышит,
скорее спешу на проспект

из арки. Слепящее солнце!
Гудки раздражённых машин,
а в свежем снегу узнаётся
сияние горных вершин.

Суровые снежные кручи
почти до плеча достают.
Над этой грядюю могучей
как заморожённый стою,

любуюсь. Уступ за уступом –
маршрута звенящая нить.
И хочется стать лилипутом,
чтоб этот сугроб покорить.

В такие минуты мечтаю,
пусть даже ценою добра,
умчаться с гусиною стаей,
чтоб город затмила Гора.

Чтоб, книг вдохновляясь примером,
ступив на нетронутый снег,
себя ощутить Гулливером
волшебной страны Бробдингнег.

-
- Иван Александрович Александровский родился в 1977 году в Москве. Окончил Московский государственный агроинженерный университет им. Горячкина, специальность – инженер-механик. С 1998 по 2001 гг. учился в аспирантуре ГОСНИТИ, кандидат технических наук. В настоящее время работает в компании по производству печатной и наружной рекламы.

Детская площадка новомодная –
Яркая, железная, народная,
Проволочной сеткой огорожена –
За детей общественность встревожена.
В каждой клетке этой сетки-рабицы
Воробы сидят – красавцы и красавицы,
Смотрят удивлённо на родителей –
Собственных детишек укротителей.
И понять пытаются пернатые,
В чём же наши дети виноватые.

За забором – родная контора.
На воротах – висячий замок.
Это – школа «вторая», в которой
Я учился назначенный срок.
Юность первая, первая старость.
Между ними ещё до сих пор
На газоне тропинки остались,
Но везде упираюсь в забор.
Мне смешно от такого забора.
Я такие заборы – «на раз».
Только стыдно, что в прошлое вором
Мне приходится лазать сейчас.
Пусть не с красным дипломом я вышел
Из своих сорока четвертей,
Почему я хожу, словно нищий,
Мимо школы по этой черте?
Мне и большего вовсе не надо –
Только срезать немного пути
И пройти по пришкольному саду,
Под сиренью цветущей пройти.

Я шагаю по району;
Вдоль обочин сквозь асфальт
Прорастают шампиньоны,
Как и тридцать лет назад.
Это было словно в сказке,
Было словно не со мной:
Я срезал их без опаски
И носил к себе домой.

Говорят, грибы как губка
Всё впитали из среды.
Что теперь они как будто
Непригодны для еды.

И растёт во мне обида
За грибы на целый свет.
Неужели ядовитым
Стал и я за тридцать лет.

Красота не ведает покоя,
А судьба вершится на бегу.
Я держусь за дерево рукою,
Но остановиться не могу.

В этот раз тебя зовут берёза,
Значит, и меня зовите так.
Показав, откуда что берётся,
Почки распускается кулак.

«В одной давяльне всех калеча»,
Ворота древние трещат.
Иных уж нет, и те далече...
И сам по кругу виноват.

Но вдруг увидишь: на подмогу
Бежит мальчишка под горой,
В сандалиях на босу ногу,
Как древнегреческий герой.

Горит расчёсанное лето.
Смыкается крапивный лес.
Репейник вместо амулета.
Неуязвимый Ахиллес.

Детства сладкое мучение
Кончилось само собой.
Отправлялись на учения,
А попали прямо в бой.

Я урок учил старательно,
Но не понял между строк
То, что срок не испытательный,
А вполне реальный срок.

Эта исповедь никчемная –
Ропот на передовой.
Думал я, что жизнь учебная,
Оказалась боевой.

Весь лес – черёмуховый сад,
В котором птицы голоса.
И ни одной не слышно ноты
Фальшивой или невпопад.

Стою, боюсь пошевелиться.
Листва – и та вздохнуть боится.
Цветут невидимые птицы,
Поёт черёмуховый сад.

Он в ночь вплетён и вознесён,
Самоубийству равен сон,
Мечты и музыка друг друга
Перебивают в унисон.

Мне жизнь земная по плечу,
Я недвижим, но я лечу,
И комарам налог на чудо
Со снисхождением плачу.

Суров непарадный портрет,
Не верит ему отраженье,
Но части мозаики лет
Сжимают кольцо окруженья.

Я вижу себя в стариках:
Вон тот – и сухой, и сутулый,
И так же лоснится рукав,
И волосы временем сдуло,

Рубцы от улыбок и драк,
Стучат кровеносные трубы;
А этот – такой же дурак,
И так же искусаны губы.

Вы словно большая семья,
Где каждый другому любезен.
Примите меня, если я
Могу быть хоть чем-то полезен.

Пускай я зелёный пока,
Вы в братство своё боевое
Примите хоть сыном полка
В конец бесконечного строя.



**Светлана
ПАНКРАТОВА**

ПРОСТИ НАС, АЛЁША...

Давно это было. Начало смутных 90-х разгуливало тогда по стране нашей. Именно в то время Саратов перестал быть для меня городом моего детства. Всё родное и понятное либо исчезало, либо совершенно изменялось, словно та девица, в начале прикупившая всего лишь воротничок, а в конце – пустившаяся во все тяжкие; либо преподносило такие подлые сюрпризы, что казалось, будто асфальт под ногами превращается в песчаные оползни.

Взять, к примеру, цирк. О эти представления 70-х! Один «Прометей» чего стоил! А цирк на льду! А джигиты на горячих скакунах! Моржи, медведи, воздушные гимнасты! Клоуны! Оркестр с неизбежным бравурным маршем, с торжественным блякньюем тарелок! Мор-роженое! Ни в кафе, ни на улице не казалось оно таким вкусным, как в цирке.

Цирк – это удивительный товарищ детства, навсегда остающийся ребёнком. И как же хочется побыстрее познакомиться с этим радостным мальчишкой своих детей, как хочется увидеть на их личиках отсветы разноцветных прожекторов, сияние улыбок! Но цирк начала 90-х был беден, непригляден, порою пошел и походил на солянку, наспех приготовленную из номеров заштатной самодеятельности. Ни тебе живой музыки, ни настоящих зверей, ни сложных конструкций, ни привычного мороженого.

Мы грустили, но понимали, что вся страна занята переходом от понятного социализма к чему-то неизведанному, но манкому, желанному, усыпанному блёстками заграничной жизни. Всё же цирк оставался цирком, в нём так же царили запахи конюшни, шерсти, пыльных занавесей, лежалой униформы, грима.

И я продолжала любить цирк, верить ему, знать, что уж в цирк-то с ребёнком можно идти без опасения нарваться на что-то страшное, жестокое, бесстыдное. Но оказалось, что и поотвратительнее бывают представления.

В тот день я ничего не поняла, прочитав афишу, и в третьем от арены ряду мы с сынишкой оказались, можно сказать, внесён-

● Светлана Геннадиевна Панкратова родилась в Саратове. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Лауреат Всероссийского конкурса им. В.И. Белова, лауреат конкурса им. Ю.С. Самсонова (Иркутск). Публиковалась в журналах «Волга–XXI век», «Наш современник» и др.

ные пусть немногочисленной, но всё же толпой. Едва мы заняли свои места, к нам подошёл предельно вежливый, но очень накачанный молодой человек с блокнотом и ручкой и спросил:

– А вы от кого узнали о сеансе?

– Да просто, – ответила я, – мимо шли.

Парень, кивнув, черкнул что-то на странице и поднялся на следующую ступеньку. Я ещё улыбалась, но на душе стало тревожно. И не зря!

Вскоре на арене появился он – Главный Колдун. Я не знала его фамилии, но узнала по телепередачам и едва не вскочила, чтобы, схватив ребёнка, сразу же убежать. Но в проходах там и сям стояли крутые ребята. Как же так, думалось мне, я же всегда переключалась на другой канал, если видела и его, и того, другого, и им подобных. Как же я могла вляпаться-то? А уже вовсю шёл сеанс, и на арену выбежало не менее трёх десятков человек, и начались крики, размахивания поднятыми руками, падения якобы загнипнотизированных. Я с глупой усмешкой и всё больше нарастающим страхом наблюдала за камланием осатаневших людей и вдруг увидела: Главный Колдун со злостью смотрит прямо на меня. В то мгновение мне показалось, что из цирка нам с сыном уйти не дадут, закопают где-нибудь в опилках. Но в антракте мы беспрепятственно вышли к яркому солнышку, весёлым людям, обожаемому мной Крытому рынку с его могучими атлантами, поддерживающими небо.

В те годы в рынке продавались уже не те пирожки с повидлом, что были в моём советском детстве, но я купила первые попавшиеся и какую-то газводу и потащила сынишку к лавочке. Это ещё одна моя любовь – есть что-нибудь, сидя в сквере, парке, кормить голубей и воробьёв, смотреть на прохожих, на родной мой город. После встреч с ужасным так нужна хоть капелька чего-то привычного, доброго, ясного.

А вскоре в Саратов приехал и Главный Экстрасенс. Одно-единственное представление давал этот страшный человек в ДК с символичным названием «Россия». Так и было: миллионы россиян подпали тогда под магию этого обиралы и обманщика. Сейчас я думаю, что люди за годы трезвого социализма стосковались по чему-то таинственному, запретному, необъяснимому. И хотя в Саратов когда-то приезжал сам Вольф Мессинг, он этой потребности удовлетворить не мог, потому как представлялся всегда всего лишь человеком с уникальными способностями, всё же имеющими границы. А в каждом из нас, даже в самом рациональном и конкретном, никогда не угасает вера в чудо. Главный Экстрасенс преподносил себя именно как чудотворца. Я только не понимаю, почему у большинства людей напрочь отсутствует предчувствие опасности. Помню, с одноклассницей моей бродили мы по лесу на 4-й Дачной, и вдруг она ахнула:

– Какие цветы!

Лилово-сиреневые, с обмахрившимися по краям лепестками, с листьями, похожими на растопыренные куриные лапы, соцветия конусно облепляли жёсткий стебель и выглядели напористо и зло. Подруга кинулась собирать «цветочки» в букет. Я попросила её не прикасаться к этим чудовищам.

– Да ты что! Красота-то какая! – с придыханием укорила меня самая скромная девочка нашего класса. – Зря ты...

А когда мы уже подходили к её дому, с противоположной стороны улицы к нам бросилась женщина с криком:

– Девчонки, немедленно бросьте цветы!

Она рассказала нам, что вся её семья едва не погибла от подобного букета: в вечный сон препровождают дурман-цветочки дыханием своим.

Плюнуть бы и забыть и само воспоминание о Главном Экстрасенсе, очнулась же страна наша от бесовского морока, поняв, что стала жертвой жажды наживы. В большинстве своём очнулась. И я бы простила этого мерзавца и за ложь, и за прочее, но одного дня не смогу простить никогда.

Сеанс Главного Экстрасенса по дате и времени совпал с выступлением в Саратове Владимира Ивашова.

И снова замаячили символы. Если всю Россию пытался взять нахрапом одержимый тёмными силами, то отстаивать советский экран и всё прекрасное той великой эпохи можно было только в «Комсомольце». Этот кинотеатр как нельзя лучше подходил для Ивашова, создавшего образ чистого, светлого, скромного парня – Алёши Скворцова. Ничего показного не было ни в фасаде здания, ни в его расположении – стоял себе в конце аллеи, среди обычных одноэтажек.

Мы с мужем очень торопились на эту встречу, едва ли не бежали, нам думалось, что придётся протискиваться сквозь сотни почитателей таланта такого удивительного и легендарного актёра. Но возле входа не было ни души. В зале, вместе с нами, – семь человек. Контролёр, пожилая уставшая женщина, сказала нам, чтобы сядились не согласно купленным билетам, а где хотим. Мы сели в первом ряду, в самой середине. Я то оглядывалась, то смотрела на часики, не верила, что зал так и останется пустым.

– Хоть бы курсантов нагнали, – сказала я мужу. – Что же это?

Ивашов знал, что билеты не проданы, и на сцену вышел раздражённым. Он совсем не изменился, наш Алёша, по-прежнему стройный, по-мальчишески подтянутый, только седой. И с гитарой.

– Здравствуйте! – нервно, с обидой произнёс артист. – Вас мало, но я рад, что на встречу со мной пришли только абсолютно здоровые люди. Все больные сейчас пытаются вылечиться на другой встрече.

Потом начались метания Ивашова по сцене, его не устраивало, как установлен микрофон, как поставлен стул. Виновато оправдывалась контролёрша. На следующий день в местных новостях покажут, как в это же время обезумевшая толпа штурмовала «Россию», как метались мужчины и женщины в поисках лишнего билетика. Вся страна тогда челночила, моталась, шаталась, словно потерявшая опору.

И ничего не осталось в памяти от того вечера. Ни песен, ни других слов актёра. Ничего. Запомнилось лишь, что он всё время смотрел на одну меня. А я кроме обиды за мой город испытывала тяжёлую ярость к Главному Экстрасенсу. Мне хотелось набить ему морду с его идиотской, куце подстриженной чёлочкой. Отомстить за всех нас, за Алёшу Скворцова, за действительно звёздного актёра Владимира Ивашова, покоровшего и Голливуд, и Британскую киноакадемию, но не сумевшего удержать всех нас в высоких берегах красивых идеалов.

Мне всё хотелось сказать Володе, что и я – вгиковская, что и я всем сердцем люблю кино. Сейчас жалею, что не осмелилась на разговор, что не позвала его в гости. Но у нас с мужем было то ещё жильё! С печью, топившейся углём, с водой – за два квартала. А может, Володя и оттаял бы душой при виде бедности нашей, подумал бы, что живут же люди и гораздо скромнее, и вдали от столиц и голливудов, но не отчаиваются.

А Володя тогда не понимал, что происходит, подрабатывал где только мог, даже на стройке. А вскоре умер. Говорят, что его оперировал пьяный хирург. Но моя московская знакомая, дружившая с семьёй Ивашова, поведала мне, как однажды, когда пылесосила квартиру, услышала, или ей показалось, что услышала: по телевизору сообщают о смерти Владимира Ивашова.

Она тут же бросилась к телефону, но Светличная ответила, что Володя жив. Он скончался только через три дня.

Общее информационное поле сбросило моей московской знакомой весточку о том, что Володя мёртв. Давно мёртв, с того дня, как развалился Союз, с того времени, когда перестали снимать настоящее кино, когда мы все предали что-то значительное и хорошее в себе.

«Алёша, я пишу тебе это запоздалое письмо – в вечность. Той страны, которую ты защищал, больше нет. И та извечная Священная война, на которой ты погиб, всё ещё продолжается. Культ больших денег и вечной молодости, пропаганда успешности, навязывание модных лиц и брендов, жизнь в кредит и бесчинство коллекторов, презрение к беднякам и простым рабочим – это тоже обыкновенный фашизм. И мы сейчас другие, в нас нет ни максимализма, ни юношеской чистоты, ни святой наивности и простоты. И больше нет общей красивой идеи. Но воины, Алёша, остались. И русский парень, в Сирии взорвавший и себя, и врагов с криком: «Это вам за нацанов!», он – брат твой. И актёр Андрей Мерзликин, недавно сказавший, что нельзя изменять жене даже в мыслях, – тоже брат твой. И девушка, я видела её на днях неподалёку от храма, совсем молоденькая, но не в мини, не на лабутенах, а в светленькой косынке, в просторной юбке по щиколотку, – сестра твоя. В твоей кино судьбе нет Бога, но я знаю, что без Бога в душе нельзя быть таким, каким был ты. Твоя киношная мама не осенила тебя перед уходом на фронт крестным знаменем, но храмы в той отказавшейся от Бога стране спасли «белые платочки». Бог никогда не оставляет материнское сердце.

Сейчас идёт последний бой, Алёша. Многие святые минувших веков желали бы жить в наше время самых сложных испытаний для христианской души. Время прелести, время обаятельно зла окутало всю планету. Но мы не одиноки в своём противостоянии. И фильмы «Дьявол носит Прадо», «Великая красота» сняты если не совсем «нашими», но всё же участниками Движения Сопротивления.

Я всё думала о Зое Космодемьянской, всё не понимала, что помогло ей выдержать пытки. А недавно узнала, что дед её, священник Пётр Космодемьянский, принял мученическую смерть в богоборческие годы. Понимаешь, Зоя не могла не верить в Бога. У Николая Беседина есть такие строки: «И когда-нибудь праздные гости/Спросят новых вселенских святых:/ – Что за звёзды горят на погосте?/И услышат:/ – Молитесь о них...» Но герои твоей войны я и воспринимаю как святых, отдавших жизни «за други своя». По Слову Спасителя нашего – это высшая жертва. Кровь, пролитая за правое дело, смывает все грехи. Святость – это всего лишь способность войти в Неизреченный Свет, исходящий от Бога. И кто из плюгавых, расположившихся на уровнях мытарств, способен удержать своими ледяными лапами душу, в последний миг земной жизни горевшую Великим Огнём любви к Родине, к близким, к тому кусочку земли, где прошло её детство. И я молюсь и чистой, мужественной девочке Зое, и Бессмертному полку за Россию. Прошу их приставить к каждому из нас хоть по одному рядовому солдатику, павшему за Отечество. Пусть уберегут нас воины от соблазнов мира сего, пусть оставят нам память о героях Отчизны нашей. Тем, кто не принимает многое в этой новой стране, совсем непросто. Они трудно живут и тоже грешат, ежедневно свергаясь каждый в свои пропасти, выбирают, поднимаются. Нам всем далеко до истинной веры, до подлинной любви. Но память о всех вас помогает нам в никогда не прекращавшейся битве между Добром и Злом. И мы стараемся, Алёша, мы стараемся...»



**Ольга
ДАРАНОВА**

БОЛДИНО

*Андрею Николаевичу Балдину (1958–2017),
писателю, книжному графику,
архитектору*

Россия, славься долги лета!
Хранима будь перстом Христа.
Твоих красот не счесть поэту,
Но есть заветные места.

Туда влечёт неукротимо,
Там миром полнится душа,
И в тишине неуловимо
Идут столетья не спеша.

Там вдаль манящие аллеи
Хранят летучий звук шагов,
И вечер, тихо пламенея,
Доносит отзвук вечных строк...

1

Большое Болдино. Исконно
Забортники, земля мордвы.
...Здесь в небеса цветисто, звонно
Вонзались Грозного шатры.

-
- Ольга Николаевна Даранова родилась и живёт в Ульяновске. Окончила Ульяновский государственный педагогический институт имени И. Н. Ульянова, историко-филологический факультет. С 1980 года работает в Ульяновской областной научной библиотеке. Автор и ведущая многих презентаций, встреч с творческой интеллигенцией города, литературных передач на «Радио России – Ульяновск». Куратор регионального проекта «Литературная филармония».

В журнале «Симбирскъ» публиковалась её проза. Подборки стихов печатались в журналах «Симбирскъ» (Ульяновск), «Сура» (Пенза), «Волга–XXI век» (Саратов), «Бийский вестник» (Бийск), «Родная Кубань» (Краснодар), в газете «Литературный маяк» (Вологда).

В апреле 2018 года вышла в свет книга стихов и малой прозы «Флейта осени».

Учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В. И. Ленина, председатель правления Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия. Член Союза писателей России, финалист Всероссийской премии «Чеховский дар» (2010), победитель Международного конкурса поэтической декламации «О, сто моих колец: посвящение Марине Цветаевой» (2017), заслуженный работник культуры Ульяновской области.

Здесь на лугах за чёрным лесом
Тянуло мёдом диких пчёл.
Оберегаемый Велесом,
Качал волну рыбацкий чёлн.

Здесь вечерами вьюга пела,
Усадьбу старую храня,
Да древняя ветла скрипела
Вслед убегающим саням.

Евстафий Пушкин, воевода,
Наместник царский, дипломат,
Здесь землю получил в угоду
Царю и родине. Виват!

Три века Пушкины владели
За службу ратную землёй,
Здесь, в арзамасской колыбели,
Нашли заслуженный покой.

Века минули. Пали росы
Не раз на сонную траву.
Другие праведные россы
Сложили буйную главу.

О том звонят во храме белом,
И звон тот слышен далеко
Окrest, где сеча встарь кипела
И поле было велико.

2

Я еду в Болдино. И снова
Стоит осенняя пора...
Вот поворот на Кистенёво,
А вон знакомая гора...

Господский дом. Горбатый мостик.
Часовня, старый парк, пруды.
И время вспять, и снова осень,
И манят прошлого следы...

«Мне здесь покойно. Здесь я дома!»
Не шелохнётся гладь пруда.
Сафьяном пушкинского тома
Расцвечена времён гряда.

Иду берёзовой аллеей.
Просторно глазу, даль чиста!
Вдали нарядно храм белеет,
И плавно лист летит с куста...

А в доме сумрак, тени длинны,
Луч золотится на полу,
Портретов череда старинных...
Иду к ломберному столу.

Чернила чётки! Его строки,
Рисунки, вымаранный лист...
И вензеля размах широкий,
Как злой пурги протяжный свист.

Обитель скромная, оконце,
Шкаф с книгами, бюро, диван.
Потоком утреннего солнца
Наполнен день, что Богом дан,

Как в ту неотнятую осень
Поэта в дальней стороне,
Где одиноко стынет озимь
Да вёрсты длинные одне...

3

Сергею Львовичу в наследство
Досталось Болдино. Но он
Склонялся больше к жизни светской,
Был сельской не обременён.

На свадьбу сыну с Гончаровой,
Предупредив судьбы изъязн,
Поместье дарит Кистенёво
Да двести душ при нём крестьян.

И, подчинившись отчей воле,
Поэт стремится в дальний путь,
В именье предков. В сей юдоли
Вступить в наследство, отдохнуть.

Летит кибитка, кони сыты,
Ямщик удал на облучке,
За ним, дохой по бровь закрытый,
Он дремлет. Свёрток в сундучке

Любимых книг, и образ милой,
И замыслов небесный хор.
...Под вечер ветренный и стылый
Кибитка въехала во двор.

4

Убранство зальца скромно, просто:
Диван, три кресла, круглый стол,
Окно, за ним – печаль погоста,
С веранды виден тёмный дол.

От первых Пушкиных часовня,
Усадьба старая, дубы.
Тропинка узенькая ровно
Ведёт на пращуров гробы.

...Пьют чай. Вишнёвое варенье
В гранёном тонком хрустале.
И, не допив от нетерпенья,
Он ищет рукопись в столе.

Пока легка и дерзновенна
Строка рождается.. Лишь миг –
И образ девы незабвенной
Летучим облаком возник.

Свершив дела по Кистенёву,
Торопится назад в Москву.
Пленительная Гончарова
Там ждёт, готовая к родству.

Но обстоятельства – холера –
Поэту вынужденный плен
Здесь уготовили. Лишь вера
Спасла от грустных перемен...

Затворничество, и свобода,
И радость вольного труда!
Ему, как в это время года,
Так не писалось никогда.

«Мой милый! – пишет он Плетнёву. –
Деревня наша – прелесть, рай!
Стихов и прозы уж готово
Для вкуса разного – вкушай!

Вообрази: покой и воля!
И степь да степь! Скачу верхом.
Пью кофей. И до сладкой боли
Вожу восторженным пером!

Наполнен день трудом и негой,
А вечером под ветра хор
Приятель добрый мой, Онегин,
Со мной вступает в разговор.

А что за прелесть здесь селянки!
Как мне мила их доброта!..»
И профиль барышни-крестьянки
Рисует на полях листа.

Октябрь тёмный на исходе,
Прохладна смятая постель.
Скрипят дрова, и ветер бродит,
И сладко пишется «Метель»...

И вот уже иные страсти,
Те, что волнуют до сих пор!
Вот символ Зла и символ Счастья –
Хуан и Анна, Командор.

Ах, Моцарт милый, пела скрипка
В таверне грустно для тебя,
И мир прощальной улыбкой
Благословил тебя, любя...

Печально скрипка умолкает,
Судьбою всё предрешено.
Великие – те, кто прощает.
Великим гибнуть суждено.

Он пишет. За полночь не спится...
Стремительно бежит строка.
Ко лбу взметнулась лёгкой птицей
В запястье тонкая рука.

Перо застыло, взгляд печален,
Оливы глаз блестят в ночи.
В какие давности и дали
Сейчас ты смотришь и молчишь?..

Не свой ли злой январь предвидишь,
Смотря на древние кресты?
Свою Мадонну не обидишь...
Семь лет до роковой черты.

5

Год тридцать третий. Думы, думы..
Влекут Поволжье и Урал,
Седая степь, где вран угрюмый
Останки воинов клевал.

Где на закате в дни иные,
Сдирая вензели подков,
Храпели кони вороные,
Гулял по степи Пугачёв.

Какая сила в нём таилась,
Чем чёрный люд он приковал?
Добром ли, злобой сердце билось,
Когда казнил и пировал?

Народной злобе нет предела,
Крестьянский бунт страшной чумы.
...Не те ли песни нянька пела,
Скрываясь под покровом тьмы?

Сомнений сонм: отец семейства,
Виски морозец серебрит,
Прошла пора эпикурейства...
Душа с эпохой говорит.

В реке судьбы он ищет броду.
Мысль как буравящий свинец:
Долготерпению народа
Придёт желаемый конец?

Какая выйдет нам судьбина?
И что история гласит?
...Не скажет русская равнина.
Россия – сфинкс, она молчит.

Душа в смятенье... Дом и детство
Вдруг вспомнились в завесе слёз,
Былая радость малолетства
И свет захаровских берёз.

Он наблюдал, как блещет разум!
Карамзина ловил строку,
Когда сидел, не видим глазом,
В гостиной молча в уголку.

Седых пиитов меткой фразой
Разил, как пущенной стрелой,
По-африкански быстроглазый
Москвич с мятущейся душой.

Лицей и дружество! Прогулки!
И вольнодумства первый всплеск!
...Стон о казнённых эхом гулким,
И эполетов грустный блеск.

И вот уже поэт опальный
На юге коротает срок...
А над Россией звон кандалный
Поплыл с Сенатской на восток.

Воспоминания волнуют...
Плащ вымок, замысел готов.
Он вновь дорожный скарб пакует.
Занозой в сердце – Пугачёв.

6

От Нижнего – до стен Казани,
Где Арским полем стан стоял,
Где на широком поле брани
Старинный город запылал.

А дальше он – на стрежне Волги,
В Симбирске. Знатная река!
Брега круты, рассветы долги,
Волна игрива, широка!

Преданий слышит он немало,
В доме Языковых гостит
И до лучей закатных алых
Всё рукописью шелестит.

Внимая долгой песне русской,
Он едет дальше, на Урал,
Где скрыт в просторах оренбургских
Киргиз-кайсацких орд оскал.

От крепости и до станицы
Воспоминаний слышит рой.
Молва вослед несётся птицей:
Заступник, душегуб, герой...

7

А путь обратный в ту же осень
Вновь через Болдино. Суров
Октябрьский день, но в небе просинь.
И в рукописи «Пугачёв».

«Я снова в Болдине, друг милый! –
Он пишет нежно Натали. –
Здесь выпал снег, придав мне силы.
Творю и грежу о любви...»

Рассвет чуть брезжит, он уж пишет,
От замыслов могуч и рьян,
Из глуби лет преданья слышит
И песни западных славян.

Под ветра свист в оконной раме
Не раз за ломберным столом
Являлся образ Старой Дамы,
Грозящей сморщенным перстом.

Под бег родимого Савраски
По свежей утренней поре
Легко рождались чудо-сказки,
На радость местной детворе.

Душой он здесь, а мысль далёко...
Там, где над вздыбленной Невой
Глядит на мир царёво око,
Гордясь великою страной.

Подсвечен лишь луною бледной,
Стоит там, гордый и немой,
Величественный всадник медный
С простёртой властною рукой.

В ту пору, о какой писал он,
Случилась страшная беда:
Нева безумием дышала,
И понеслась окрест вода...

Людей погублено немало,
Без крова тысячи! Мольбы:
«За что сие такое стало?
Что наша жизнь? Игра судьбы?»

«Кто ты, создатель Парадиза?
Царь-реформатор, славный Пётр?» –
Он вопрошает и эскизы
К поэме «Медный всадник» рвёт.

«Кто ты, Антихрист или Гений,
За что караешь жизнь мою?» –
Проклятья шлёт ему Евгений,
Царю и медному коню.

8

В последний раз судьба дарует
Поэту творческий приют.
В последний раз октябрь ликует
И клёны злато листьев льют.

Грозит семейству разоренье,
Хлопот хозяйственных не счесть...
Он едет в старое именье
Спасти родительскую честь.

В углу усадебного парка
В конторе вотчинной живёт.
...Дрова в печи пылают жарко,
В сенях дворовая поёт.

Исписан «Капитанской дочкой»
В конторке черновик лежит.
Но бремя дел сулит отсрочку,
И день без творчества бежит.

А Болдино в душе осело...
Оставить свет мечтает он,
Забрать семью зимою белой
К родным могилам на поклон...

Но не преклонен царь: свободным
Поэту быть не суждено.
Прощай, родимая природа!
Прощай, родное Болдино...

Идёт в Лучинник он, всё дальше,
В глубь рощи, где заросший пруд.
Шуршит прощально лист опавший...
«Прощай, осенний мой приют!

Здесь я был рад предаться неге
Уюта и домашних дел.
Я мирно жил, и в резвом беге
Строки я много преуспел.

Теперь мой путь домой, в столицу,
Там ждёт любимая семья.
Прощайте же, родные лица,
Увижу ль, Болдино, тебя?»

Наутро лошади готовы.
Прощальный взгляд – на старый дом...
И снега первого покровы
Легли на древний отчий холм.

Вдогонку ветер листья косит,
И, словно в долгом райском сне,
Осталась Болдинская осень
В Нижегородской стороне...

9

О время! Ты неумолимо!
Всё дальше день, когда возок
На горизонте обозримом
Мелькнул в излучине дорог.

А здесь всё те же ширь и осень,
Всё те же липы над прудом,
И звук шагов его доносит
Бессонницей объятый дом.

Апраксино, Лучинник, Львовка,
Усадьба и фруктовый сад,
Да лес чернеющий мордовский
Поэта дух в себе хранят.

И если немощны мы будем,
И Русью править будет хам,
Мы имя Пушкин не забудем –
Оно опорой будет нам.

И пусть останется загадкой
Его величья простота,
Его зеркало жизни краткой,
Души кристальной чистота.

И колокольца звон хрустальный
Нам чудится через века,
И профиль чёткий и печальный
Доносит времени река.

Февраль 2019 г.



**Николай
ПОЛОТНЯНКО**

«В КАКИЕ ДАВНОСТИ И ДАЛИ СЕЙЧАС ТЫ СМОТРИШЬ И МОЛЧИШЬ?..»

О поэме О.Н. Дарановой «Болдино»

Если говорить нелюбимую правду о том, в каком состоянии находится искусство, то в первую очередь следует сказать, что последние тридцать лет поэзия неуклонно катится по нисходящей. Этому способствует огромное количество сборников, выпущенных откровенными бездарями, а ещё больше – взаимная живая деликатность в оценке откровенно слабых стихов. Всеобщая нетребовательность к слову привела к деградации читательского вкуса, который в относительной чистоте сохранился только среди небольшого числа представителей советской интеллигенции, воспитанной на классических образцах русской литературы.

Упадочное состояние поэзии вроде бы понимают все, но разобраться, что произошло, никто не спешит, хотя ответ следует искать в произведениях самих поэтов, способных во множестве производить уйму пошлых строчек и вполне быть довольными своими мнимыми успехами.

Но, к счастью, как сказал Николай Рубцов, «*в нашей деревне огни не погашены...*» И в сумеречное безвременье настоящая русская поэзия никуда не девалась. Она жива, но, в силу присущей ей правды, отстранилась от якобы творческой публики, поднялась над низменными страстями, премиальными склоками и ждала, когда до её эстетических требований возвысится поэт с поэмой классической пробы, не отягчённой провинциальной тяжеловесностью случайных слов, и скажет с простодушной откровенностью:

*Я еду в Болдино. И снова
Стоит осенняя пора...
Вот поворот на Кистенёво!
А вон знакомая го́ра...*

О Пушкине столько всего понаписано, в основном прозой, что братья за эту тему, да ещё в стихах, решится далеко не каждый. Но Ольга Николаевна Даранова подготовилась к написанию поэмы весьма основательно: и филологически, и исторически, и духовно, и поэтому уже первые строки вступления очаровывают читателя и погружают его в стихию и гармонию русского слова.

*Россия, славься долги лета!
Хранима будь перстом Христа.
Твоих красот не счесть поэту,
Но есть заветные места.*

*Туда влечёт неукротимо,
Там миром полнится душа,
И в тишине неуловимо
Идут столетья не спеша.*

*Там вдаль манящие аллеи
Хранят летучий звук шагов,
И вечер, тихо пламенея,
Доносит отзвук вечных строф...*

Такое лёгкое и свободное начало поэмы меня сразу и обрадовало, и обнадёжило.

Как умело это произнесено – легко, пространственно и зримо! Автор несомненно талантлив, и вся поэма полна опозитизированных деталей быта двухвековой давности, которые во многом способствуют созданию достоверной атмосферы уже стародавнего для нас времени. Ольга Николаевна не только сама свободной поступью вошла в поэму, но ввела в неё без всяких усилий читателя.

*А в доме сумрак, тени длинны,
Луч золотится на полу,
Портретов череда старинных...
Иду к ломберному столу.*

*Чернила чётки! Его строки,
Рисунки, вымаранный лист...
И вензеля размах широкий,
Как злой пурги протяжный свист.*

*Обитель скромная, оконце,
Шкаф с книгами, бюро, диван.
Потоком утреннего солнца
Наполнен день, что Богом дан...*

«Поэзия должна быть глуповата», – казалось бы, небрежно молвил Александр Сергеевич. И множество поэтов прошли мимо этой фразы, не обратив на неё должного внимания, хотя она несёт в себе более глубокий смысл: Поэзия должна быть простодушна, то есть откровенна. Пушкин и свою Музу называл «резвой простушкой». Пастернак мечтал «впасть как в ересь в неслышанную простоту». Знающие люди говорят, что Бог – это самое простое существо, и Слово, коим Он создал всё сущее, просто, как и Он Сам.

Конечно, поэт во время творческого акта не перебирает слова, он приносит то, что ему приходит на ум, и выбор весомого простого слова принадлежит его таланту, литературному вкусу и пониманию своего предназначения. Одним днём творческий опыт не приобретается. И прошёл не один год, прежде чем Ольга Даранова насытила свою душу поэтическим веществом, позволившим ей говорить обо всём ясными, простыми словами.

Да и сама пушкинская тема поэмы призвала её к этому, тема очень сложная, полная всяческих соблазнов, подталкивающих поэта, идя на поводу литературной моды, отвергнуть простоту и пуститься в конструирование метафор, а то и вовсе перейти на корявую прозу, как это сейчас принято в русскоязычном стихотворчестве. Но тут, мне кажется, лиру Ольги Дарановой взял под своё покровительство пушкинский гений и не позволил ей с набранной высоты слововыражения опуститься до пошлой обыденности, которой повально заражена современная поэзия самых разных направлений.

Но вернёмся к поэме: простота первых строф в ней не так уж и проста, а достаточно многомерна и многозначна, поскольку опирается на точность поэтического слова, когда наш автор из своего поэтического лука точно в цель посылает одну за другой стрелы творческого вдохновения:

*Господский дом. Горбатый мостик.
Часовня, старый парк, пруды.
И время вспять, и снова осень,
И манят прошлого следы...*

Взять главным героем поэмы самого Пушкина – шаг опасный и самонадеянный, ведь тогда автору волей-неволей предстоит вступить на поле, где непревзойдённо царствует гений. Поэтому авторский массив поэзии должен быть достаточно надёжен, чтобы выдержать сравнения с Пушкиным, которые неизбежно возникнут у читателя. И, надо сказать, Ольга Даранова с этой задачей справилась достойно. В этом ей помогло понимание того, что о Пушкине надо писать пушкинским слогом, не заноситься, а скромно и умно, чтобы отражённый от Пушкина свет истины падал и на её скромное творение.

По композиции оно незамысловато. Основная часть поэмы представляет собой ряд поэтических зарисовок о трёх пребываниях Пушкина в болдинском имении, которые воссозданы уверенной рукой вполне состоявшегося русского поэта. Так может чувствовать и писать только человек русской культуры, от коей нас всё дальше отодвигает устроенная вне корневых русских нравственных ценностей современная жизнь. А поэту надо видеть Россию, понимать, предвидеть её судьбу всегда в «состоянии духовной трезвости» (Н. Гоголь), особенно сейчас, в безвременье, когда она лишена своей идеологии (русской культуры).

*Он пишет. За полночь не спится...
Стремительно бежит строка.
Ко лбу взметнулась лёгкой птицей
В запыстье тонкая рука.*

*Перо застыло, взгляд печален,
Оливы глаз блестят в ночи.
В какие давности и дали
Сейчас ты смотришь и молчишь?..*

В последних двух строках сказано самое главное о сегодняшнем Пушкине. Для нас он существует как бы в двух измерениях. В одном – как небожитель, в другом – как активный участник современного творческого процесса.

Вперёд, к Пушкину!..



**Светлана
КЛИМЕНКО**

«Я К ВАМ ПИШУ...»

История первой публикации писем А. С. Пушкина к Н. Н. Пушкиной

Первая публикация этих уникальных документов русской культуры связана с именем писателя И. С. Тургенева и с журналом «Вестник Европы». Этот журнал считают сегодня лидером русской либеральной оппозиции последней четверти 19 века. Он издавался с 1866 года и начинался как научный журнал, выходящий раз в три месяца без предварительной цензуры. Его издателем и редактором с самого начала был Михаил Матвеевич Стасюлевич, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, профессор истории до своего ухода из университета в знак протеста против новых правил, ограничивавших права студентов.

Свой журнал Стасюлевич назвал в память о журнале с таким названием, выходившем в начале 19 века под редакцией Н. М. Карамзина. С 1868 года журнал становится литературно-общественно-политическим и ежемесячным. Это было солидное издание со спокойным академическим тоном, глубиной и аргументированностью статей. Его выписывали члены императорской семьи, в нём публиковались стихи Великого князя Константина Романова. В 1870-е годы здесь печатаются роман И. А. Гончарова «Обрыв», повести и роман «Новь» И. С. Тургенева. В 1880-е годы – произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, Я. П. Полонского, А. А. Фета, затем – З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, И. А. Бунина и других авторов.

Журнал оказался самым долголетним ежемесячником – он выходил 52 года. Со дня основания в нём работал до конца своих дней наш земляк – двоюродный брат Н. Г. Чернышевского А. Н. Пыпин, русский филолог-славист и историк литературы. Он был одним из главнейших и виднейших деятелей издания и как член редакции журнала и как один из самых пишущих его авторов. Ныне в фондах музея Н. Г. Чернышевского в Саратове хранятся выпуски журнала «Вестник Европы» 1870–1880-х

-
- Светлана Васильевна Клименко родилась в городе Яхроме Московской области. С 1965 года живёт в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Старший научный сотрудник экспозиционного отдела музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского.

годов, среди них имеются вдвойне раритетные номера с позолоченным обрезаем, с императорской короной и вензелем «СР» на обложке – это знак принадлежности Великому князю Сергею Романову, московскому губернатору, погибшему от эсеровской бомбы в 1905 году.

События, связанные с первой публикацией писем Пушкина к жене, происходили в 1870-е годы. Неизвестно, когда и где познакомились И. С. Тургенев и младшая дочь А. С. Пушкина – во втором замужестве графиня Н. А. Меренберг. Но в их знакомстве нет ничего удивительного: Тургенев в это время – самый известный русский писатель в Европе, часто и подолгу там живущий. Их с Тургеневым переписка до нас не дошла, но мы знаем о ней из писем Тургенева к М. М. Стасюлевичу и к первому биографу А. С. Пушкина – П. В. Анненкову.

Весной 1876 года Н. А. Меренберг передала Тургеневу пакет с письмами её отца А. С. Пушкина к её матери Н. Н. Пушкиной – с просьбой об их продаже. Известно, что сначала эти письма Н. Н. Пушкина хотела оставить старшей дочери Марии, но затем она решила их передать младшей Наталье для материальной поддержки в трудную минуту.

Тургенев, для которого А. С. Пушкин был с юности непревзойдённым авторитетом, прекрасно понимал ни с чем не сравнимую ценность для русской культуры каждой пушкинской строки. Писатель стал убеждать графиню Меренберг согласиться на публикацию в России писем её отца. Наталья Александровна сначала согласилась, затем передумала, затем снова согласилась, поручив Тургеневу быть их редактором.

22 марта (3 апреля) 1876 года Тургенев получил пакет с письмами А. С. Пушкина. Ещё не прочитав их, в большом волнении он написал об этом П. В. Анненкову – с вопросом, почему они до сих пор не напечатаны. В письме к Стасюлевичу Тургенев предлагает их опубликовать в журнале «Вестник Европы». В ответном письме Анненков не рекомендует публикацию по нескольким причинам: интимный, семейный характер писем, полная свобода выражений в языке и стиле, откровенные резкие отзывы о правительственных и придворных кругах, о Николае Первом. Он предлагает использовать письма для биографического очерка о Пушкине. Можно понять эти сомнения ещё и потому, что дети Пушкина в 1858 году были недовольны публикацией писем отца к его брату Льву Сергеевичу. Григорий Александрович Пушкин выразил тогда официальный протест. Не счёл возможной эту публикацию и друг А. С. Пушкина П. А. Вяземский.

И всё же после прочтения писем и обдумывания всех этих обстоятельств Тургенев решился на публикацию – с предварительным исключением наиболее интимных и острых фрагментов. В июле 1876 года Тургенев принёс в редакцию «Вестника Европы» автографы писем Пушкина к жене, для того чтобы снять копии. Подлинники следовало вернуть владелице – таковым было её желание. Анненков теперь также согласен с Тургеневым, которому пишет: *«Я уже более не враг... напечатания – нельзя же быть фамильным оберегателем более, чем сама эта фамилия».*

Тургенев очень ответственно относится к своим обязательствам редактора. Стасюлевич просил его написать предисловие, которое бы несколько нейтрализовало необычную откровенность и резкость писем. Тургенев отнёсся очень серьёзно к этому двухстраничному труду. Он счёл редактирование и подготовку к публикации писем Пушкина задачей исключительно почётной и ответственной. Думал он и о комментарии, который сделать не удалось – Стасюлевич спешил с публикацией в начале 1878 года. Большая часть исключений из текста писем была обусловлена, как говорил Турге-

нев, энергией фразы у Пушкина. В наброске к предисловию Тургенев пишет: *«Каждая строка нашего величайшего поэта нам дорога», «в письмах так и бьёт струёю его светломужественный ум – прямизна и верность его впечатлений. Правдивость»; «Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени», «быть может, я до некоторой степени заслужил доверие (дочери Пушкина. – С.К.) моим глубоким благоговением перед памятью её родителя, учеником которого я считал себя с младых ногтей и считаю себя до сих пор...»*

Письма появились в журнале «Вестник Европы» в 1878 году в первом и третьем номерах с заголовком *«Новые письма А.С. Пушкина. Июль 1830–май 1836 г.»* с предисловием Тургенева: «От издателя», с подписью *«Иван Тургенев»* и датой: *«Париж. Ноябрь 1877»*, с библиографической заметкой М.М. Стасюлевича. Последний восстановил некоторые сокращения, сделанные Тургеневым, о чём тот горько жаловался потом Анненкову. Ему же писатель сообщал после появления первой половины писем о том, что они не понравились *«нашей благоприличной публике»*, что критики нашли их *«слишком бесцеремонными и грубыми»*, а сам Тургенев, получив пакет со второй частью писем, подготовленных к печати, их *«немедленно перечёл с великим удовольствием, назло брезгливым критикам»*. В марте 1878 года Тургенев сообщил Стасюлевичу, что до него дошли слухи о том, что *«сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить меня за издание писем от отца! Почему же меня, а не родную сестру, разрешившую печатание?»* Это оказалось только сплетней или мистификацией.

После публикации возник вопрос о дальнейшей судьбе автографов. Стасюлевич, понимая необыкновенную ценность пушкинского наследия, предлагал передать письма в только что созданный Пушкинский Лицейский музей. С этим согласился сын Пушкина Григорий Александрович. И хотя подлинники были возвращены владелице, в 1880 году на открытии памятника А.С. Пушкину Н.А. Меренберг передала письма отца в Румянцевский музей, правда, эпистолярный на французском языке остался у неё. Переданный пакет с письмами никто не мог видеть до 1926 года, все дореволюционные издания повторяли публикацию «Вестника Европы». По автографам письма начали издавать с 1935 года. Ныне они хранятся в Пушкинском Доме, французские письма находятся в парижской коллекции С. Лифаря.

Спустя 140 лет после первой публикации писем Пушкина к жене обычная публика мало изменилась в своих вкусах и пристрастиях, в любопытстве к подробностям жизни знаменитостей. Поэт хорошо понимал эту особенность массовой аудитории. В его эпистолярных есть высказывание на эту тему, касающееся дневников Байрона, оно широко известно: *«Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабости могущего. При обнаружении всякой мерзости она в восхищении: «Он мал, как мы! Он мерзок, как мы!» – «Врёте, подлецы! Он мерзок, но не так, как вы, – иначе!»*

В письмах к Н.Н. Пушкиной поэт настаивал на тайне личной переписки много раз: *«Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе не для печати...»* Гневные и горькие эти слова относились не к жене, а к цензорам, читавшим их личную переписку.

Поэт возвращался к этой неприятной теме ещё и ещё: *«Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приво-*

дит меня в бешенство a la lettre (буквально). Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше».

Поэт уверен, что вся его переписка просматривается, о чём неоднократно предупреждает жену: «...будь осторожна... вероятно, и твои письма распечатывают: этого требует государственная безопасность». Последняя фраза, пропитанная горькой иронией, адресована цензорам.

Сегодня, читая эти строки, мы ощущаем вместе с Пушкиным будто клетку вокруг него, хорошо понимая, как тяготили его отношения с властью и лично с императором: «Пожалуйста, не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции и так далее, – охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен. Погоди, в отставку выйду, тогда переписка нужна не будет».

Он мечтает снять навсегда ненавистный камергерский мундир, мечтает «плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить бариним! Неприятна зависимость; особенно когда лет 20 человек был независим». Не без желчи поминает императора: «На ТОГО я перестал сердиться, потому что, toute reflexion faite, (в сущности говоря) не он виноват в свинстве, его окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к г..., и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman. Ух, кабы мне удрать на чистый воздух».

Вновь и вновь Пушкин возвращается к теме своей зависимости от власти: «Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу... Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у Господа Бога». «Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю... и царь не стыдится в том признаться – и давать ход интриге...»

Эту гневную запись Пушкин оставил в своём дневнике в 1834 году.

Так, интимные письма перестают быть частными, становясь фактом жизни государственной. Эпистолярный Пушкина давно приобрёл величайшую ценность как свидетельство не только его личной жизни, семейных отношений, биографии, но и в не меньшей мере как источник знаний о его времени, о бытовой и политической культуре России первой трети 19 века и, конечно, это источник знаний о самом поэте – его биографии, его личности, его интеллекте, гражданском чувстве и чувстве собственного достоинства – обо всём том, что сделало частную жизнь одного человека национальной трагедией. Конечно же, письма такого уровня и такого человека интересны и необходимы не только его биографам и историкам, но и многим читателям, желающим знать историю своего отечества.

В 1830-е годы Пушкин много размышляет о природе власти, об отношениях власти и народа, власти и поэта. Эти размышления имеют личный и творческий посылы. Поэт после «Бориса Годунова» почти как профессиональный историк занимается изучением секретных материалов о пугачёвском бунте и о Петре Великом – он получил доступ к архивам императорского двора, став придворным историографом. Наталья Николаевна в письмах мужу интересовалась его работой о Петре. Пушкин в ответном письме 19 мая 1834 года

отвечал ей: *«Ты спрашиваешь меня о Петре? Идёт помаленьку; скопляю материалы – привожу в порядок – и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой».*

Шутливо поэт пишет об очень серьёзной работе. История Петра не была ещё ни написана, ни изучена, материалы лежали в архиве несистематизированные. Пушкин занимался ими пять лет, черновики и выписки составили тридцать тетрадей. После гибели поэта эти тетради претерпели немало приключений и уцелели практически чудом. Сначала рукопись была запрещена Николаем I, затем потеряна, случайно найдена и опубликована впервые в 1938 году – через столетие после смерти поэта. История её утраты и обретения драматична и необыкновенна. В отличие от писем, хранившихся у Н. Н. Пушкиной, другие бумаги поэта пережили почти детективную судьбу. В 1837 году об этой рукописи своим правителям доносили посланники Швеции, Норвегии, Баварии, Пруссии. Сообщали они и о том, что император повелел сжечь те бумаги А. С. Пушкина, которые могли скомпрометировать его память, так как он в молодости *«предавался крайним и революционным идеям».* При этом император поручил В. А. Жуковскому сохранить материалы по истории Петра Великого. Несколько фрагментов «Истории Петра» опубликовал в середине 19 века биограф Пушкина П. В. Анненков – с цензурными изъятиями, о которых он рассказал в 1880 году в своей статье в журнале «Вестник Европы». Основной корпус рукописи остался неопубликованным, материалы вернулись к Н. Н. Пушкиной (Ланской).

Рукопись была обнаружена много лет спустя в подвалах казарм Конно-Гвардейского полка, которым командовал второй муж Натальи Николаевны – П. П. Ланской. Затем сундук с бумагами перевезли в имение Пушкиных под Москвой, затем – в Лопасненскую усадьбу, принадлежавшую родственникам старшего сына Пушкиных. Здесь архив снова был забыт и обнаружен в 1917 году внуком поэта Григорием Александровичем Пушкиным, который увидел, что клетка с канарейкой в Лопасне устлана исписанными листами, оказавшимися бумагами из архива поэта. Другой его внук, Николай Александрович Пушкин, обнаружил, что ключница заворачивает продукты в исписанные листы из этого же архива. Бумаги брали из сундука на чердаке, где Николай Александрович нашёл «Историю Петра». Рукописи эти, хоть и не сгорели в пожаре в подмосковном имении, но немало перенесли, прежде чем попали в руки исследователей.

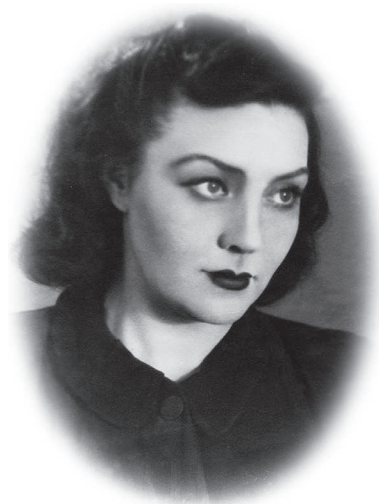
Сегодня трудно переоценить чудеса с обретением пушкинского архива, потому что всё, что было найдено, всё, что дошло до нас, свидетельствует о необычайном масштабе личности человека, который был великим поэтом, преобразователем русского литературного языка, а ещё он таил в себе талант историографа с тонким чутьём, прозорливостью и точным пониманием сложнейших событий русской истории 17–18 веков. Немногие из его современников могли оценить сделанное им для русской культуры. Единичны видели, что *«под личиною иногда ветреного и всегда светского человека он имел высокий, пронизательный ум, чистый взгляд, необыкновенную сметливость, память, не теряющую из виду малейших обстоятельств... высоко благородную душу, большие познания в истории... блистательный талант...»* Эти замечательные слова были сказаны, увы, тоже не при жизни А. С. Пушкина, а много лет спустя – в 1882 году.

Сегодня, зная, что *«Пушкин – наше всё»*, вспомним тех, кто сберёг не только память о нём, но и его архивы, и поблагодарим судьбу за то, что время не безжалостно, что оно пощадило драгоценные страницы истории русской культуры.



**ВИКТОР
КРЕСТОВ**

«ТЕАТР НАВСЕГДА ОСТАЛСЯ МОЕЙ САМОЙ БОЛЬШОЙ И ЕДИНСТВЕННОЙ ЛЮБОВЬЮ...»



*Раиса Михайловна Вашурина
30–40-е годы XX века*

Исполнилось 15 лет, как не стало выдающейся русской актрисы Нижегородского государственного академического театра драмы имени М. Горького, нашей землячки, народной артистки РСФСР Раисы Михайловны Вашуриной. Долгие десятилетия она была подлинным украшением нижегородской сцены. Ей бурно рукоплескали и во многих других городах страны, где ей довелось выступать на гастролях. Когда-то она блистала и на сцене нашего Саратовского театра драмы имени Карла Маркса. Но её имени читатель не найдёт ни в Энциклопедии Саратовского края, ни в книгах о саратовских театрах.

В своё время в университете имени Н. Г. Чернышевского мне как студенту-историку довелось защищать дипломную работу по теме «Военно-шефская работа Саратовского театра драмы имени К. Маркса в годы Великой Отечественной войны». В основу работы были положены, конечно же, документы, периодическая печать и другие материалы. Но на каком-то этапе работы я понял: для того чтобы глубже раскрыть выбранную тему, мне необходимы воспоминания актёров, режиссёров, которые были участниками, а стало быть, и свидетелями тех событий. Благодаря старшей сотруднице театра Людмиле Михайловне Уваровой мне удалось узнать адреса ряда актёров и режиссёров, в том числе и народной артистки РСФСР Р. М. Вашуриной.

-
- Виктор Васильевич Крестов родился и живёт в Саратове. Окончил исторический факультет СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Учитель истории и обществознания школы № 95. Председатель общественной организации «Клуб любителей творчества Леонида Сметанникова». Публикуется в местных СМИ. В 1985 году Президиумом Советского комитета ветеранов войны награждён юбилейным памятным Знаком «40 лет Победы». В литературно-художественном журнале публикуется впервые.

Так началась наша с ней переписка. Ознакомившись с моей дипломной работой, она писала: «Прочла Вашу работу с большим интересом, читая, пережилась в тяжёлые годы войны, написано правдиво. Спасибо Вам за Вашу большую и нужную работу. Вы очень хорошо, правильно написали о моём родном театре имени К. Маркса, о моих товарищах. Большое Вам спасибо. С уважением, народная артистка РСФСР Вашурина».

Актриса родилась в Саратове 8 июля 1917 года в рабочей семье. С детских лет полюбила искусство и при каждой возможности посещала наш театр драмы имени К. Маркса. Она восхищалась игрой своих будущих учителей И. А. Слонова, Г. Н. Неселова и других актёров. Под их влиянием у Р. М. Вашуриной появилось большое желание стать актрисой. И вот этой своей заветной мечтой Раиса и поделилась дома с самыми близкими людьми. Но, к сожалению, поддержки не получила.

И всё же огромное желание стать актрисой привело в театральное училище, куда она успешно поступила, а дома Раиса сказала, что поступила в институт. Но, как говорится, сколько верёвочке ни виться, а конец-то будет. И вот однажды её родственники прочитали статью в газете, где Раиса Вашурина упоминалась как учащаяся театрального училища. После большого скандала ей категорично сказали, что в их доме артистки не будет. С тяжёлым чувством она покидала родной дом. Учитывая сложную ситуацию, руководство театрального училища в виде исключения предоставило ей общежитие, что и позволило продолжить обучение.

15/II-2002. Ура! Виктор Васильевич!
Принимая искренней благодарности за свое
любовь. Очень прочту мою работу!
Внимательно Вашу работу, не знаю
пригодится ли? но лучше поздно
чем никогда! Я надеюсь на встречу
это было бы чудно, но как вышло.
Спасибо еще прочту мою работу.
Прочла Вашу работу с большим
интересом, много пережилась
в те времена вот водить, написано
правдиво. Хотелось сказать о
большой работе комсомольского
органа театра им К. Маркса.
Я была секретарь ком. органа.
Мои комсомольцы: Вашурина,
М. Кропивницкая (сейчас зав. арт. цех.
арт. театра Франко г. Киев)
М. Борисова, Киченкова и др.
много потрудились над собой

Второй раз я была в Фрунженском драм.
где был. Он бессмертно-счастлив
был моя беззаветная любовь
и др. Милой благодарности от др. Франц
и от Истм. Комму. Сер. област. совет
депут. Трудов. от 11 июля 1944 г.
За подписание зам. нар. комис. Труд.
В. Ситников.
сл. Никашкин

Проверьте: в день одлмения водили
целый спектакль. Без винт выноса
утром в 12 г. - был сл. деп. нам
сказали это враг попал на нашу
родину. Спектакль не состоялся.
Спасибо Вам за Вашу большую, серьезную
нужную работу, Вы очень хорошо
правильно написали о моем родном
театре им. К. Маркса но много
желаю. Большое Вам спасибо!

С ул. нар. арт. РСФСР Вашурина
В) Проще за судьбу, если буду пережить
оня не отравлю. Да роли Киченкова и др. А. К. 10. 1944

Письма Р. М. Вашуриной В. В. Крестову

Статья о Вас написала, мне
помог Каш Зав. муз. в театре.
но он сказал в зной завауче
сейчас надо подождать, но
я обязательно выполню пошто,
ижд. немало усложнён, обр. в
себя в сраке.

Дорогой Виктор еще и еще
к тому мне простить.

Я о Вас очень большого
мнения, Вы человек долга
чести, благородства, при
встрани - отблагодарит Вас
за себя и за моих друзей
хороших людей коллег,
уже нег но благодарю Вас
и исполнила, дай Бог
Вам аж, здоровья, радости
здоровья Вам и вашим

Дебют молодой актри-
сы состоялся в 1938 году
на сцене Саратовского театра
драмы им. К. Маркса. Период
её работы в нашем театре –
время накопления мастерства,
проверки творческих способ-
ностей. Вдумчивая работа
актрисы над образами давала
возможность режиссуре поручать
ей ответственные роли.

Раиса Михайловна была
благодарна своим педаго-
гам по театральному училищу,
но она вспоминала и о других
своих великих учителях: «Ещё
в войну к нам в Саратов пере-
брались мхатовские актё-
ры, и я во все глаза наблюда-
ла за их игрой. Можно было
запросто подойти и пооб-
щаться с Тарасовой... Сара-
тов – это моя школа, мои
мхатовские учителя».

Когда началась Великая Отечественная война, Раиса Вашурина пришла в военкомат, решив добровольно пойти на фронт, но актёрам в те дни давали отсрочку. Тогда вместе с другими мастерами сцены она много выступала в госпиталях, на мобилизационных пунктах, на вокзалах, провожая бойцов на борьбу с врагом. А на фронте ей всё-таки довелось побывать, причём дважды, в составе художественных фронтовых бригад. «Я очень много получила писем с фронта, – рассказывала Раиса Михайловна в письме к автору этих строк. – Помню, как лётчик Василий Зайцев сбил фашистский самолёт и посвятил свой геройский поступок мне за исполнение поэмы М. Алигер «Зоя».

Вашурина описала и такой случай. «Однажды в землянке я впервые читала новое стихотворение К. М. Симонова «Жди меня». Я ещё не знала, как его примут бойцы. Когда я читала, я сама чуть не плакала и видела слёзы у бойцов. Вера в то, что любимые женщины ждут их, оказалась необходимой всем: от солдата до генерала. Но начался артиллерийский обстрел, концерт прервался, и мы увидели бой. Увидели тех, кого потом играли в своих спектаклях. В той боевой обстановке мы жили, думали, мечтали, как и те бойцы, для которых мы играли. Здесь совершалось то редкое чудо в искусстве, когда нарушались всякие границы между театральным действием и самой действительностью. А после боя был снова концерт – и море благодарности».

В апрельский день 1943 года, казалось, не было на всём свете никого счастливее Раисы Вашуриной: за собранные на боевые самолёты деньги в театр пришла благодарственная телеграмма от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. В числе тех, кому она была адресована, значилось имя секретаря комсомольской организации театра Раисы Вашуриной.

Кстати, эта телеграмма экспонировалась в нашем краеведческом музее на театральной выставке «Не играть, а жить на сцене», посвящён-

ной 200-летию Саратовского театра. За свою самоотверженную трудовую деятельность в суровые годы войны актриса была награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В 1946 году Раису Вашурину пригласили в Горьковский (ныне Нижегородский) театра драмы им. М. Горького. Первой её ролью в этом театре была Параша в пьесе А. Н. Островского «Горячее сердце». Вспоминая своё знакомство с Вашуриной, народная артистка РСФСР Эра Васильевна Сусллова говорила: *«Зайдя на репетицию «Горячего сердца», я была потрясена, увидев, как на подмостки стремительно выбежала очень красивая актриса и с такой страстью провела свою сцену, что оторвать от неё глаз было невозможно. Поразил и её характерный завораживающий тембр голоса. Так я познакомилась с новой актрисой. Впоследствии мы с ней подружились. Сорок лет сидели в одной гримёрной и ни разу не поссорились».*

Началась работа Раисы Михайловны в этом театре, который стал её вторым домом.

Вскоре актриса заняла достойное место среди блестящих актёров нижегородской сцены. Её партнёрами были Н. Покровский и А. Самарина, Э. Сусллова и В. Вихров, Н. Волошин и В. Самойлов...

Вместе с ними и другими замечательными мастерами сцены она сыграла огромное количество ролей. Были, конечно, и проходные роли, но всё же основу её творчества составляли именно роли-легенды, которые золотыми буквами вписаны в историю русского театра.

За многие годы служения нижегородской сцене она создала целую галерею прекрасных женских образов. Актрису привлекали натуры волевые, сильные, активные, борющиеся и побеждающие. Именно такими были её комиссар в «Оптимистической трагедии», Мария в «Девушке с кувшином», Катрин в «Жене солдата» и многие другие.

Бывший заведующий литературной частью театра Вячеслав Жучков как-то очень точно сказал: *«Стали легендарными спектакли, в которых когда-то блистала Раиса Михайловна Вашурина. Без них теперь уже невозможно представить историю театрального Нижнего, да и всего российского театра».*



В роли Эмилии
в спектакле
«Отелло»,
1953 г.



В роли Марии
в спектакле
«Девушка с кувшином»,
1950 г.



В роли Коринкиной
в спектакле
«Без вина виноваты»,
1959 г.

Она стала живой легендой нижегородской сцены. Почти до 85 лет актриса выходила на сцену этого театра и своим поистине удивительным искусством покоряла не только зрителей, но и своих партнёров по сцене. Неизменный восторг у зрителей вызывала её Донья Мария в комедии Лопе де Вега «Девушка с кувшином», Катрин Лефевр в пьесе В. Сарду и Э. Моро «Жена солдата», королева Анна в пьесе Э. Скриба «Стакан воды»... На сцене ей довелось быть академиком и комиссаром, но всё же главными для неё были роли народного склада. Да, она могла быть разбитной, выступать в бытовых ролях, но в то же время зрители её видели и утончённой, интеллигентной. Диапазон её актёрских возможностей был необычайно широк – ей прекрасно удавались драматические, комедийные и даже трагические роли.

Одной из самых любимых ролей Раисы Михайловны была роль Арины Петровны в спектакле «Иудушка Головлёв» по роману Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы».

Работать с Р. М. Вашуриной всегда было непросто. Об этом вспоминал в своё время постановщик спектакля, народный артист России, заслуженный деятель искусств Эстонской ССР С. Э. Лерман. Он как режиссёр яростно доказывал своё видение роли, но у актрисы была своя трактовка этого образа. Р. М. Вашурина обладала драгоценным даром – умением чувствовать свою роль. Богатая творческая интуиция неизменно подсказывала ей правильные решения. В этой борьбе мнений режиссёру пришлось отступить. А после спектакля к нему подошёл известный критик и театральный деятель Юлий Волчек и сказал: *«Спасибо вам за Вашурину»*. В роли Арины Петровны она раскрылась с неожиданной стороны. А встретившись с актрисой в гримёрной, он произнёс: *«Я в восторге от вашей игры!»*

Последней работой Раисы Михайловны, её «лебединой» песней в театре стала роль Марго в спектакле «Загадка дома Вернье». По словам актёров, которые работали вместе с ней в этом спектакле, актриса, несмотря на свой возраст, играла эту роль очень эмоционально, на пределе своих возможностей, не жалея себя. Вспоминая этот спектакль, народный артист РСФСР Валерий Никитин, сыгравший в нём главную роль, рассказывал: *«Шла наша с ней сцена, и я на всю жизнь запомнил, как она в образе Марго рассказывала про*



*В роли Головлёвой
в спектакле «Иудушка
Головлёв», 1978 г.*



*В роли Лёли в спектакле «Братья Ершовы», 1959 г.
Дмитрий – В. Самойлов*

своего сына, которого любила и которого, узнав, что он преступник, готова была убить. Я не выдерживал её взгляда в этой сцене и отворачивался от распахнутых её глазниц. Мне было просто не по себе: на такой высокой трагической ноте проводила она эту сцену. Большая, мощная актриса».

Как и многие её героини, Раиса Михайловна была человеком активным, энергичным, жизнерадостным, всегда была в движении, в порыве, она умела восхищаться. Её большие, красивые, сияющие глаза всегда были широко распахнуты, и, видимо, поэтому ей было откровенно неинтересно общаться с людьми пассивными и скучающими. Она в равной степени предъявляла высокие требования и к себе, и к окружающим, умела людям говорить правду прямо в глаза, хотя именно этим и создавала себе неудобства. Как говорили её коллеги, Р. М. Вашурина порой любила сказать что-то лишнее, но умела признавать свою неправоту и не стыдилась принести извинения. У неё на всё была своя точка зрения.

В 1980 году Р. М. Вашурина была официально приглашена в Саратов, в Академический театр драмы им. К. Маркса на торжественный вечер, посвящённый 35-летию Великой Победы. Когда ей передали слово, она эмоционально, как бы заново всё переживая, рассказала о встречах с фронтовиками. С особым волнением Раиса Михайловна вспоминала, как ждали и встречали актёров на фронте, как поразительно они умели слушать, сопереживать, какая в то тяжёлое время была тяга к искусству, как заботливо оберегали солдаты приехавших к ним артистов. А затем Р. М. Вашурина очень эмоционально прочитала поэму М. Алигер «Зоя», которую когда-то читала на фронте. Она покорила зрительный зал, который долго ей аплодировал. А в антракте состоялось и наше с ней личное знакомство.

В один из солнечных майских дней 1985 года я получил из Москвы большой заказной пакет. В нём были диплом и выпел Советского комитета ветеранов войны. В сопроводительном письме говорилось: *«Уважаемый Виктор Васильевич! Советский комитет ветеранов войны направляет Вам Вымпел СКВВ с Дипломом, которыми награждён Саратовский государственный академический драматический театр имени Карла Маркса за его вклад в победу над немецко-фашистской Германией и за большую работу, про-*



*В роли Марго в спектакле
«Загадка дома Вернье»,
1991 г.*



*В роли леди Торренс в спектакле
«Орфей спускается в ад», 1962 г.*

водимую по военно-патриотическому воспитанию трудящихся, молодёжи, для вручения руководству театра...»

При закрытии театрального сезона в полном соответствии с сопроводительным письмом я и вручил все эти награды в торжественной обстановке на сцене директору театра А. С. Стульневу. Себе на память оставил фотокопии (ксерокса тогда ещё не было), а также выслал их и Раисе Михайловне. На обратной стороне диплома я написал: *«Эти награды по праву принадлежат и Вам».*

В её письмах много тепла, душевной щедрости и ничего официального. Это письма друга. В одном из них она писала: *«...Если будете в Нижнем Новгороде, знайте: двери моего дома открыты для вас всегда. Приезжайте ко мне, встречу как близкого друга».*

Раиса Михайловна была благодарным человеком, она умела ценить дружбу. Отдав нижегородской сцене 55 лет творческой жизни, она бережно хранила память о Саратове, о нашем театре, с которым была связана её молодость, об актёрах-соратниках, о своих учителях. В одном из её писем читаем: *«Я всегда читаю твои статьи об актёрах, которых я знала, работала с ними и боготворила их. Они и сегодня в моей памяти: Слонов, Муратов, Соболева, Стрижова, Дорочка Степурина, моя подруга. Какие это были яркие личности! И если я чего-то достигла, то это благодаря общению с такими большими актёрами. Господи! Какие это были имена! Я счастлива, что они были моими учителями!»*

Готовясь к 90-летию со дня рождения заслуженной артистки РСФСР В. К. Соболевой, я обратился к Раисе Михайловне с просьбой поделиться своими воспоминаниями о ней. И вскоре она прислала своё изумительное, драгоценное письмо. Это были даже не воспоминания, а сплошные эмоции, яркие, бурные. Она восторженно писала: *«В. К. Соболева – это актриса от Бога, красивая, женственная и очень талантливая, умная, трудолюбивая. Я до сих пор не могу забыть её в роли Надежды в пьесе Горького «Варвары». Она создала образ необыкновенной женщины, помню её чудный голос и как она говорила: «Никто не может меня любить». Эта роль была одной из вершин её творчества. Видеть Соболеву в жизни и на сцене для меня, тогда молодой актрисы, было большим счастьем, настоящей школой».*

Одной из самых любимых ролей В. К. Соболевой была роль Анны Карениной по одноимённому роману Л. Н. Толстого. Р. М. Вашурина в этом же письме утверждала, что Валентина Константиновна играла её лучше, чем во МХАТе народная артистка СССР А. К. Тарасова.

А вот передо мной другое её письмо, в котором она вспоминает свою подругу, заслуженную артистку РСФСР Д. Ф. Степурину: *«Когда она сдавала вступительные экзамены в театральное училище, приёмная комиссия восторженно на неё смотрела, а потом кто-то воскликнул: «Да это же настоящий самородок!» Тогда, не очень-то понимая значение этого слова, Дора решила, что она провалилась, и с досадой вышла в коридор, бросив, как говорится, в сердцах: «Мало того что завалили, так ещё и самородком обзвали...»*

По случаю 75-летия Раисы Михайловны в Нижегородском академическом театре драмы имени М. Горького состоялся торжественный юбилейный вечер. Был аншлаг, ведь зрители, как и всегда, шли «на Вашурину». В театре царил праздничный, приподнятый атмосфера. Стоя на родной сцене, утопая в цветах и аплодисментах, Раиса Михайловна особенно ощутила большую любовь зрителей. Актриса была очень взволнованна и просто счастлива. Этот

вечер придал ей силы, бодрости, энергии. Её внучка Маша тогда ей сказала: «Бабушка, тебя принимали, как Плисецкую».

Раиса Михайловна поделилась со мной своей радостью, прислав восторженное письмо. А вскоре на страницах местной печати появилась моя первая заметка о Р.М. Вашуриной, где я рассказал землякам об этом вечере.

В дни пятидесятилетия Великой Победы над фашистской Германией на страницах газеты «Земля саратовская» была опубликована моя статья, где я использовал её воспоминания о фронтовых поездках, написанные ею несколько лет назад.

К 9 Мая 1995 года я выслал ей эту публикацию. В ответ она писала: «Вашу статью читали в театре и ахали. Ведь прошло 50 лет, а там помнят. Это дорогого стоит. Статья написана отлично...»

В 2002 году в канун Международного дня театра Р.М. Вашуриной первой из нижегородских актрис была присуждена премия имени Н.И. Соболевичова-Самарина в номинации «За честь и достоинство». При вручении премии она сказала: «Я отдала театру всё: здоровье, нервы, душу. Я могла бы неплохо устроить свою личную жизнь, но, когда встал вопрос: театр или любимый человек, — я предпочла служение искусству. Театр навсегда остался моей самой большой и единственной любовью...»

Так уж случилось, что у неё, прославленной актрисы, не было прощального спектакля, а стало быть, ни цветов, ни добрых слов от своих коллег, не было и её прощального слова к зрителю, которого она очень любила. Всё это больно ранило её душу. Возраст давал о себе знать. Уйдя из театра, она не находила себе места

Нам велелось так мало,
когда была в театре все новые незна-
мые лица. Где Бржезский С.
Тив ли? Хотите кричать в Саратов
и ткачице мои друзья, уфимки,
а главное увидеть Вас! Хотите
Вашу руку и от всей сердца сказать
Спасибо Виктор! Вы насодурили!
Вашу статью читали в театре и ахали,
ведь прошло почти 50 лет, а там
помнят, но драм дорогого. Статья
написана отлично. Спасибо судьбу
что написали. Вам лучше
в Н-Новгороде, приезжайте ко мне
куплю, как дедкино дружа
новка мирно мало, но слава богу
мирно, если-бы здоровье, то
могу, что куплю и сделала.
Всего, всего Вам самого лучшего
будете счастливы и здоровы,
счастья и здоровья вашим дедкиным.
Еще и еще куплю самые лучшие
слава благодарности.

Обнимаю Раиса Михайловна
Да краший Вас бог!

Ой как
души телом нам всем
люба, мушкетер тивни,
главное верить в мушкетер, как
легче тивь если знать, что
впереди. Вы молодой @
коротким сердцем, увидеть у
Вас все будет хорошо.
Обнимаю всегда
благодарная Вам
Вашурина Раиса
Михайловна!

и через какое-то время уехала к родственникам в Москву. Наша связь прервалась. Я не то чтобы знал, скорее чувствовал, что в жизни актрисы наступили трудные времена. Очень хотелось её морально поддержать, написать ей письмо, может быть, позвонить, но я не знал ни её нового адреса, ни номера телефона. С надеждой разыскать её я обратился на передачу «Жди меня». Время шло, но ответа я так и не получил. И вот однажды, придя в Саратовское отделение СТА к своей давней знакомой Р. Ж. Таракановой, я заговорил о Р. М. Вашуриной. Руфина Жозефовна выслушала меня и тут же позвонила в Нижегородское отделение СТА. Весть, которую нам сообщили, нас очень опечалила: 16 марта 2004 года на 87-м году жизни Раиса Михайловна Вашурина ушла в мир иной.

Перечитывая письма Раисы Михайловны за последние годы, я невольно обратил внимание на то, что на склоне лет ей очень хотелось побывать на своей родине, в нашем театре драмы, который носит дорогое ей имя И. А. Слонова. Ей хотелось поклониться праху своих великих учителей, но, к сожалению, этого не случилось.

Однако давняя мечта Р. М. Вашуриной побывать в Саратове всё-таки сбылась. Это произошло в год её столетнего юбилея. 9 Мая, будучи в Парке Победы, я, как и многие другие, подошёл к Стене Памяти, где представлены тысячи и тысячи фотографий участников фронта и тыла Великой Отечественной войны. На одном из стендов с чувством некоторого волнения наряду с дорогими лицами своих родственников я вновь увидел Раису Михайловну. Да, отныне она именно здесь, в Парке Победы, среди великих земляков у величественного монумента «Журавли», высоко взметнувшегося над волжскими берегами. Отныне материалы о ней будут храниться и в архиве академического театра драмы имени И. А. Слонова, с которым связана её театральная молодость. Фотографии и документы, связанные с жизнью и творчеством Раисы Михайловны, увидели и все те саратовцы, которые пришли на встречи, посвящённые её юбилею.

В одном из последних своих интервью Р. М. Вашурина сказала: *«Горжусь тем, что свой долг перед Отечеством я выполнила. Молюсь за тех, кто остался в театре, пусть у них будет всё, чего они хотят»*. Истинная актриса, она до конца своих дней оставалась верна сцене и служила ей в полной мере своего таланта. И этим была счастлива.

Выражаю свою глубокую, искреннюю благодарность директору Нижегородского академического театра драмы имени А. М. Горького, заслуженному работнику культуры Борису Петровичу Кайнову и другим сотрудникам театра, передавшим в дар Саратову столь драгоценные материалы о творчестве нашей легендарной землячки – народной артистки РСФСР, кавалера ордена «Знак Почёта», лауреата премии Нижегородского СТА «За честь и достоинство» Раисе Михайловне Вашуриной. Царство Небесное и Вечная ей память!



Р. М. Вашурина
в роли Берты в спектакле
«Жаркое лето в Берлине»,
1965 г.



**Эдуард
АНАШКИН**

СТИХИЯ РЕЧИ ДАНА ДИАНЕ

В одном из своих эссе литературовед Лариса Баранова-Гонченко, цитируя стихотворение Дианы Кан, написала: *«Это стихи <...> из книги, которая вышла тиражом всего 600 экземпляров. И как мы с этими шестьюстами экземплярами разберёмся, как познакомимся друг с другом?..»* Книга Кан «Подданная русских захолустий» (2003) весьма объёмиста, почти 200 страниц. А я вот держу в руках её тоненький 70-страничный сборник «Млечный мост», вышедший в 2019 году – в год 55-летнего юбилея автора – в Оренбурге, тиражом всего 100 экземпляров. Держу и думаю думу невесёлую.

Вроде радоваться надо – книга вышла, в ней собраны замечательно талантливые новые стихи, которые до того, как попасть под тонкую обложку, активно печатались ведущими литературными изданиями России. А радости нет у меня. Шестнадцать лет прошло с тех пор, как книги Дианы Кан издавались тиражом «всего» 600 экземпляров – и вот такой «прогресс»: спустя полтора десятилетия плодотворной работы автора тираж уменьшился на пятьсот экземпляров. Чем более известной становится поэтесса, тем сильнее сокращаются тиражи её книг.

Позвонил я Диане и как смог тактичнее высказал ей свои мысли. В ответ услышал: «Эдуард Константинович, я рада даже такому сборнику. Лучше такая книга – маленькая, тоненькая, малотиражная, чем никакой! К тому же она дорога мне тем, что её издали мои читатели, обычные люди, никакие не олигархи. Взяли кредит, чтобы издать мою книгу, и я им очень благодарна...»¹

¹ Сборник стихотворений Дианы Кан «Млечный мост» (2019) издан в Оренбурге на средства Сергея и Алины Мотыженковых.

-
- Эдуард Константинович Анашкин – член Союза писателей России, лауреат Самарской литературной премии им. Н.Г. Гарина-Михайловского. Автор книг прозы и литературной публицистики: «Вовкин поцелуй», «Запрягу судьбу я в санки», «Ангел с огненным мечом» и др. Активно публикуется в центральных и региональных изданиях России. Член СП России. Живёт в селе Майское Пестравского района Самарской области.

Что мне оставалось сказать? Что «эта книга небольшая томов премногих тяжелей»? Это я и сказал, добавив, что в ней что ни стихотворение – то самоцвет. А особенно приятно, что вошло в эту книжечку новое стихотворение Дианы, которое хоть и не посвящено мне, но я его считаю по праву своим. Ведь речь в нём идёт о моём пестравском самарском селе:

*Ох уж эти пестравские бабушки,
Что тебя называют «желанная»!
Наколдуют такие оладушки,
Что сидишь, аки гостьюшка званая.*

*А ведь ты нежданно-непрощено
Заскочила узнать, сколько времечка?
«Ешь оладьи, моя хорошая!»
И тебя поцелует в темечко.*

*И, забыв, что зашла ты наскоро,
Наклонишься над старенькой чашкою.
И навстречу качнётся ласково
Духовитый чаёк ромашковый.*

*В нём степные просторы пестравские
Уместились, вовек неоглядные...
И сидишь, словно гостья заправская,
Ешь оладушки, бабушку радуя.*

*Угощаешься всласть смородиной.
Ищешь повод продлить гостевание.
Хоть Пестравка тебе не родина,
Разве знала ты это заранее?..*

Диана Кан не раз была желанной гостьей наших сельчан. Помнится, когда ещё не сгорел в нашем селе культурный центр, выступала она там. Когда культурного центра в селе не стало, она приезжала и читала свои стихи со сцены школы села Майское. Каждый раз это были новые вещи, и люди не переставали удивляться, насколько многообразно её творчество.

Многие годы я не мог определить: Диана Кан – поэт или поэтесса. Помнится, спросил её, мол, как мне тебя называть, если надумаю написать о тебе очерк? Посмеялась: «Как хочешь, хоть горшком назови, только в печку не ставь». И добавила, что определения «поэт» или «поэтесса» для неё не принципиальны. Можно носить брюки и быть мужчиной, но при этом быть поэтессой. А можно и в платье с оборками видеть мир как поэт.

И вот наконец, спустя много лет я определился во мнении. Диана Кан – поэт. Один из лучших в России. Это не отменяет того, что она очень красивая женщина. Последние годы я стал видеть её очень редко, она уехала на свою оренбургскую родину, где когда-то начинала творческий путь. Я и большинство самарских писателей надеемся, кто тайно, а кто и вслух, что Кан вернётся в Самару. Потому что без неё литературный процесс потерял множество красок. Однако теперь я смог взглянуть на неё иначе, её яркая внешность перестала мне мешать воспринимать её как автора. Стихи, которые она написала в разлуке с Самарой и Волгой, не по-женски жёсткие, откровенные и самоироничные, «поэтесса» никогда так не напишет:

*Мы поэты... А значит, нам так и надо!
Не впервой терять, что с лихвой имеем,
Истекая жгучим змеиным ядом,
А отнюдь не сладковатым елеем.*

<...>

*...Мы пощады у Господа не просили,
Хоть и падали перед Ним на колени.
Мы влюблялись, вскрывали вены, тусили,
Предаваясь самой изысканной лени.*

*Да не только Лене! Светлане, Кате...
Ну, а нуще – Вере, Любви, Надежде...
Мы, поэты, всегда приходим некстати.
Поимённо – другие. По сути – те же.*

Многих изумляет манера стихосложения Дианы Кан. Словно играючи, она соединяет бытовое с бытийным, высокое – с низким, пафосное – с ироничным и делает так естественно, что понимаешь: стихия русской речи изначально дана Диане.

В новых стихах, написанных уже в Оренбурге, раскрывается новая грань её таланта – художественная самоироничность, которую практически не встретишь в стихах поэтесс. Как правило, самоирония – чисто мужское качество. Вот как рассматривает Кан женский диалог с зеркалом, который встречается ещё в пушкинском сюжете о мачехе, завидующей молодой падчерице:

*...Эвон дочка подросла,
Красотой меня затмила...
Всё вы врётё, зеркала,
Хоть я правды не просила!*

*Строчка встала на крыло
И далёко улетела...
Ах ты, мерзкое стекло!
Ну твоё какое дело?*

<...>

*В зазеркальных тайниках
Пусть живёт девчушка эта
И не ведает пока,
Что сулит судьба поэта.*

Здесь конфликт совсем не женский. Это конфликт поэта, небесного избранника, который остаётся художником лишь в той степени, в какой в нём живёт детство. Умение посмеяться над собой, над своими женскими слабостями вывело творчество Кан из женской «резервации» на просторы поэзии – на территорию мужчин.

Особенно значимы у каждого поэта стихи про малую родину. Эта корневая связь питает любое поэтическое творчество. В малом, в мелочах, в быту человек раскрывается порой наиболее полно:

*Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи прилудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.*

*Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.*

*Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились,
Их сорвать хотела – да невмочь!*

*Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаюсь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!*

Диана Кан начала свой путь к всероссийской известности как автор яркой гражданской лирики. Потом отошла от этой темы и интонации, но, видимо, для того, чтобы вернуться к ним на новом витке творческого полёта. Не будем забывать, что Оренбуржье, где она сейчас живёт и работает, да и Самарский край, ставший её поэтической отчиной, прославлены в веках как край Пугачёвского восстания. Мало кто знает, что пленён Емельян Пугачёв был на территории Пестравского района и через село Мосты этапирован генералиссимусом Суворовым в столицу к месту казни. Как ни крути, придётся признать, что неоднозначная личность Пугачёва навек породнила Урал с Волгой, а Оренбуржье – с Самарским краем:

*Край мой мятежный. Край мой крамольный...
Ветер-ведьмак пугачёвщиной дышит.
Край мой, далёкий от Первопрестольной,
Горем завейся – Москва не услышит.*

*Горем завейся, ветром укройся,
Песней утешься, а я буду рядом...
Ойся ты, ойся! Столицы не бойся,
Край мой крамольный, оно тебе надо?*

*Царь ли царевич? Король, королевич?
В баньке уважь их да в печь на лопату.
Кроток в молитве и страшен ты в гневе,
Край мой, кровавым рассветом объятый.*

Сегодня все понимают, что идёт активное уничтожение страны «новыми ляхами». И Россия, особенно в глубинке, как бы притихла и сосредотачивается на мысли, что же с этим делать и где тот спаситель Отечества, которого так ждут, но в которого при этом никто не верит? Потому что не все хотят, чтобы он пришёл с огнём и мечом. Вот как видит возрождение России путём эволюции Диана Кан:

*Он вёл их молча по былинным,
По диким муромским лесам –
Иуд, что верили наивно
В то, что и он иуда сам.*

*Вёл, обходя в пути святыни,
Не тратя понапрасну слов,
Духовно-ядерной твердыни,
Что называется Саров.*

*Он вёл их, Китеж огибая
И светлый болдинский приют...
Знать, на Руси судьба такая,
Что первыми героев бьют.*

*В пути не раз им повстречался
Шальной разбойник-соловей.
Вослед ведомым так смеялся,
Что листья сыпались с ветвей.*

*Вёл, обходя Урал и Волгу,
Хоть их никак не обогнуть...
Во временах-пространствах долгий –
Единственно возможный путь!*

*И мысль одна терзала сердце,
Ведомым вовсе не в укор:
Как миновать в пути Освенцим,
И Саласпилс, и Собибор?..*

*...А дальше, братья-ляхи, сами.
Эх, ни покрывки вам, ни дна...
«Кажись, пришли! – вздохнул Сусанин. –
Варшава-матушка видна!..»*

Вновь наступило время гражданской лирики.

Я частенько звоню Диане, и говорим мы в основном о политике, как и все. Но при этом я согласен с ней, что судьба России уже решается не на земле...

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет замечательного поэта
Диану Елисеевну Кан
с юбилеем!**



**Нина
ТУРИЦЫНА**

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Мы с мамой вернулись домой в июле 1945 года. Брат погиб, отец лежал в госпитале после ранения.

Зимой 1944-го нас угнали из родного города в симферопольскую тюрьму гестапо. Теперь, полтора года спустя, мы не узнавали родных мест. Города не было. Остались бесконечные развалины, остовы сожжённых зданий, мусор и завалы на улицах, а на столбах кое-где надписи: «Осторожно, мины».

И всё-таки мы были счастливы! Это чувство жило несколько дней, но потом, после ночёвок у знакомых, оно притупилось. Никто нам не был рад. Надо было самим устраивать свою жизнь.

Мама уходила утром, предьявляла справки о муже-красноармейце, награждённом медалями и находящемся на лечении в госпитале, и наконец смогла устроиться на неплохую работу в цехе Войковского завода, а потом и получить комнатку в бараке, где в длинный коридор выходили бесконечные двери. Народу там было – как муравьёв в муравейнике!

Взрослые с утра уходили на работу (в городе уже работали многие предприятия, а другие восстанавливались) на разборку завалов, а мы, дети, оставались одни. Сидеть дома никому не хотелось, и все собирались во дворе.

Мне было уже двенадцать лет, и я понимала всё, о чём предупреждала меня мама: не болтать о нашей жизни в Германии, о работе на ферме бауэров. Я помнила холодное недоверие офицера, допрашивавшего всех нас на пересыльном пункте в течение трёх суток, и я была, как мама, этим ошеломлена! Ведь мы плакали от счастья и целовали наших освободителей – бойцов Красной Армии! Только то, что мы были в партизанском отряде, спасло маму от лагеря, а меня – от спецдетдома.

И ещё одно мучило меня: осенью я пойду в школу. Во второй класс! Я, уже большая девочка, буду сидеть в одном классе с малышами, которые младше меня на 4 года – на целую войну!

Я даже хотела что-то учить сама, но никаких книг, учебников – ничего не было. Никто даже не знал, где будет устроена школа, куда мы пойдём осенью.

-
- Нина Николаевна Турицына – член Союза российских писателей. Автор трёх книг прозы (повесть, рассказы, детективы, мемуары о знаменитых людях). Пишет стихи, публицистику, занимается переводами. Публиковалась в литературно-художественных журналах «Юность», «Аврора», «Урал», «Бельские просторы», «Идель», «Подъём», «Башня» и многих других. Произведения вошли в шорт-лист Международного конкурса переводов «Ак торна» и лонг-лист Бунинской премии. За рассказы о Керчи награждена медалью «60 лет освобождения Украины от фашистов».

Люди ютились как могли: кто-то привозил на самодельных тележках камень-бут и заделывал пробоины в полуразрушенных домах, кто-то жил в землянках. Лето стояло сухое, жаркое, но что будет осенью и зимой? На разбомблённом консервном заводе наши уцелевший склад с тарой, и целый город занялся остеклением своих строений: пол-литровые банки ставили рядами друг на друга, и так вместо голых проёмов получались окна.

Хлеб выдавали по карточкам, по 300 граммов на человека, и пособие на детей. Основная пища была – кукурузная каша мамалыга.

Однажды соседская девочка Оля, с которой мы подружились, сказала мне по секрету, что видела шелковицу с необобранными ягодами. Следующим утром мы отправились за тутой и вдруг увидели понурюю колонну грязных мужчин, которых гнали конвоиры. Люди в колонне молчали, но по военной форме мы догадались, что это пленные фашисты. Прохожие на улице останавливались и тоже молча смотрели на них. Никто не кричал им вслед ругательств, не показывал на них пальцами, но хмурые лица и повисшая в воздухе тишина, казалось, заставляли немцев пригнаться к земле, они не смели поднять глаза и распрямить втянутые в плечи головы.

Мы тоже остановились, а потом почему-то, не сговариваясь, пошли за ними, стараясь быть как можно незаметнее – то отставали от колонны, то скрывались за густыми деревьями. Так мы дошли до длинного склада в конце улицы и увидели, как конвоиры загоняют туда пленных. Немцы снимали с себя котомки, намотанные шинели. Мы поняли, что здесь они будут жить.

Мы отметили для себя этот пункт и пошли далее, за тутой. Ягод было много, и мы договорились, что через несколько дней пойдём снова, но уже с котомками и кошёлками.

Так и сделали. Дома всё равно есть было нечего, и мы целый день провели под шелковицей. Мы её ели, запивая водой из ближней уцелевшей колонки, давили в кружке, делая подобие компота. У нас набрались две полные котомки и корзинка.

Обратный путь пролёг по той улице, где находился склад. День клонился к вечеру, и опять мы увидели длинную колонну, которую сопровождали всего два конвоира – один спереди, другой сзади. Пленные не шли – переставляли ноги. Видно было, что они очень устали после длинного трудового дня.

Один пожилой немец в очках приостановился, заведя нас. Сквозь очки мелькнул его взгляд, голодный и затравленный. И Ольга протянула ему свою корзинку!

Он недоверчиво посмотрел, потом оглянулся на конвоиров, а затем быстрым движением запустил руку, взял полную горсть ягод и закивал:

– Danke! Danke!

Я остановилась как вкопанная, но протянуть свою корзинку – не смогла.

И никто из колонны не попросил.

Так и пошли дальше, они – к себе в сарай, мы – в свой барак.

Пришла с работы мама, порадовалась моей добыче, но про эпизод с пленными я почему-то не рассказала. Лежала ночью на своём топчане и думала. У бауэров мы жили вроде неплохо – голодными не были и спали в чистом сарае при ровнике на мягких матрасах.

Но прежде чем попасть к ним, на невольничьем рынке нас с мамой, как и других русских, дотошно осматривали немецкие домохозяйки, заставляли скалить зубы и оценивали силу рук. У мамы были сильные руки бывшей доярки, а потом повара – и нас взяли. А я была худая после подземелья, после симферопольской тюрьмы, так что на завод, на самую страшную рабо-

ту, я не попала. Там мало кто выжил, хотя в конце войны немецкие мастера, приставленные смотреть за рабами из Восточной Европы, хитро инструктировали:

– Сюда нельзя сыпать песок, а то станок испортится.

– И вот сюда сыпать нельзя! – И прямо показывали пальцами, где может сломаться.

У нас с Олей появилась тайна: мы бежали к шелковице, а по дороге заворачивали смотреть на длинный сарай. И однажды увидели неожиданную картину: после рабочего дня несколько немцев вышли и стали подметать свой двор. Добровольно, без конвоира!

А другие окапывали грядки и сажали в них что-то, что потом проклюнулось и оказалось – цветами! И старый немец в очках был там. Он узнал Олю, улыбнулся, но кивнуть или подойти не посмел.

А у Оли на следующий день в руках появилась ещё одна маленькая самодельная кошёлка. Она и в неё набрала туты, а на обратном пути чуть замедлила шаг возле сарая и поставила кошёлку на край грядки.

Старый немец вопросительно воззрился на нас. Подошло ещё несколько пленных. Мы чуть кивнули им. Тогда они взяли кошёлку и стали кланяться:

– Danke! Danke schon!

А я неожиданно для самой себя ответила им:

– Bitte schon!

Если бы меня спросили, я бы ответила, что ненавижу фашистов, что никогда не прощу им смерть старшего брата, раны отца, наше с мамой рабство! Но эти пришибленные, голодные, усталые люди, после тяжёлой работы добровольно метущие двор и сажающие цветы, – кто были они? Такие же угнанные к нам на войну, как мы к ним – в рабство? Они были – люди? У них были семьи? Дети? И они их не видели много лет, как мы много лет не видели наших отцов.

Это не укладывалось в голове.

Иногда мы, дети, ходили в город на рынок просто так, не надеясь ничего купить – не на что было. Мы видели в городе пленных немцев, одни разбирали завалы, оставшиеся после бомбёжек, другие – уже строили новые дома.

Эти сталинские дома до сих пор прочно стоят в разных частях нашего города, длинной полосой тянущегося вдоль моря. У них толстые стены, высокие потолки, широкие подоконники, крепкие двери.

А нам к осени пленные успели построить новую школу, двухэтажную. Конечно, пока одну на весь наш район. Учеников было так много, что учиться нам пришлось в три смены: с 8, с 11.30 и с 3.50.

Осенью же приехал из госпиталя отец.

Я почти не помнила его, ведь мы не виделись столько лет! Я помнила только, как он провожал меня в первый класс. Это было рано утром, перед смелой, на которую рабочих звал гудок. Он не успевал проводить меня до самой школы и только поцеловал на перекрёстке, а потом долго махал рукой.

А теперь на вокзале даже мама с трудом узнала его в том маленьком, худеньком, сморщенном человечке, в которого он превратился.

Она заплакала, а я пряталась за ней, боясь и не смея его обнять. И он выглядел смущённым и каким-то виноватым. Мама стояла – молодая, с накрученными волосами, в красивой косынке, которую она для этой встречи и купила, чтобы скрыть старенькое вылинявшее своё платье. Мы должны были все вместе идти домой, ведь городского транспорта ещё не было, но оказалось, что каждый шаг даётся отцу с трудом. Пришлось просить шофёра попутки подбросить нас до дома.

Там отца ждал накрытый стол – мама собрала всё лучшее, что было в доме, и даже купила чекушку. Но оказалось, что отцу не нужно ни картошки, ни рыбы и что есть он может только жидкую кашку. А рюмку он даже не пригубил.

Так мы начали жить втроём.

Мама уходила утром на работу, я в школу, а он лежал один, почти не поднимаясь.

Однажды ночью я проснулась от глухо звучащего разговора. Страстный, захлёбывающийся голос, говоривший шёпотом, принадлежал отцу, а мама отвечала спокойно, мягко, но в монотонных её интонациях было что-то безнадёжное.

Отец говорил:

– Человек ведь как живёт? Когда с ним случается беда – он ждёт, когда это кончится. Он верит, что ненадолго. Только это ожидание и помогает жить. Но если проходит месяц, второй, полгода – а конца мучениям нет, тогда начинаешь понимать, что и не будет. Что всё тебе врал и врут – и врачи, и медсёстры... А когда выписывают, уже ясно понимаешь, что всё, лечение кончилось, ничего не вылечили. А чем тогда жить? Зачем тогда жить? Себя и других мучая... Я был дурак, думал, тут, в родном месте, что-то изменится, наладится. Нет, Галя, мне не выздороветь, мне даже на ноги не встать. Я это чувствую.

Мама что-то зашептала в ответ.

– Ох, не надо меня утешать! Не надо мне врать. При чём здесь кашка, диета. У меня внутри всё отбито. Не жилец я.

Я лежала не шелохнувшись.

Утром всё было как обычно. Мама ушла на работу, я побежала в школу. После уроков было торжественное собрание – нас должны были принимать в октябрята. Я по возрасту не подходила, и этот вопрос решали отдельно. Я надолго задержалась.

Когда я пришла домой, папа был ещё жив, но смотрел – как из другого мира, дышал – но с предсмертным хрипом.

Я кинулась к нему, страшно закричала, он хотел мне что-то прошептать, но уже не смог.

Я побежала к соседям за помощью, а когда мы вернулись, он уже отошёл. Сообщили маме. Она прибежала, растрёпанная, напуганная.

Так человек ждёт и знает, а когда ожидаемое случается – он всё равно не готов.

Только на следующее утро мама обнаружила, что нет целой буханки чёрного хлеба.

Она спросила меня. Нет, я не ела.

И тогда мама поняла. Отцу надоело мучиться и мучить нас, а ускорить смерть по-другому он не захотел – пошли бы сплетни соседей и косые взгляды в мамину сторону: мол, довела инвалида. Он ушёл из жизни так, чтобы понятно было только ей. И он знал, что буханку хлеба в голодное время она ему простит. Только бы она не осудила, другого суда он не боялся.

Я проучилась во втором классе полгода, одновременно сдавая экзамены за третий, в зимние каникулы ходила на дополнительные занятия и так сдала за первое полугодие третьего класса, а к весне меня перевели в 4-й класс. Всё лето я ходила в школу, занималась с учительницей, делала домашние задания, и к началу нового учебного года после сдачи экзаменов мне разрешили перейти в пятый класс.

Но в пятом в расписании появилось много новых предметов, все учителя были разные, учиться стало труднее, и ни о каких досрочных переводах уже и речи не было. Троек бы не хватать!

Училась я старательно, и учителя у нас были хорошие, каждый объяснял свой предмет, пока не станет всем в классе понятно.

А дальше пошло: в 1948-м, когда отменили карточки, я окончила 6-й класс, весной 1949-го – 7-й.

Отлично сдала экзамены за семилетку и решила поступать в техникум. Но наша директриса вызвала меня к себе в кабинет:

– Неля, – впервые обратилась она не по фамилии, как было принято в школе, – подумай! Техникум – это четыре года. Но ты получишь только среднее образование. Потом нужно будет отработать по распределению. Ещё три года. А там – замуж выйдешь, так и останешься недоучкой.

Помню, как резануло меня это слово.

– Получи аттестат, – продолжала она, – у тебя есть все возможности окончить с медалью, а тогда – поедешь в университет!

У меня голова закружилась от таких перспектив, но я робко возразила:

– Мама не потянет. В техникуме стипендию дают...

– А пока можешь заработать. Мы дадим тебе путёвку в пионерлагерь. Правда, ты не подходишь по возрасту, но будешь в старшем отряде, да ещё поставят тебя помощником вожатого. Согласна?

– Ещё бы не согласна!

Лагерь был недалеко, в Феодосии. Корпусов ещё не было, жили в палатках и бараках. Но – рядом было море, золотой песчаный пляж, весёлое солнце над головой и песни у костра, где пекли картошку.

Через несколько дней ко мне подошёл парень, мой ровесник, и что-то спросил про комсомольское собрание. Я ответила по-деловому, и тогда он признался:

– А я тебя сразу заметил.

– Как, я же работаю помощником вожатого? – не поняла я.

А потом посмотрела в его глаза – и поняла. Глаза у него были серьёзные и внимательные, только от волнения я не заметила, какого они цвета, да разве это важно?

– Тебя зовут Неля.

– Откуда ты... вы знаете?

– Знаю. А я – Борис. Познакомимся.

Он протянул руку, как взрослый.

– У нас тоже два моря. С одной стороны – Охотское, с другой – Берингово. А мы на берегу океана.

– Так это – так далеко?

– Дальний Восток.

– Другой конец страны.

Как люди, живущие так далеко друг от друга, уже через несколько дней понимают, что новому знакомому можно доверить свои маленькие тайны, что всё будет понято, всё будет принято?

Он рассказывал о сопках, о гейзерах, о медведях, кормящихся у кипящих от рыбьих стай рек, об удивительных лесах, не похожих на наши. Да у нас и лесов-то в Восточном Крыму никаких не было, только лесополосы, посаженные пионерами.

На следующий день во время завтрака он спокойно пересел за наш столик. Это было почти нарушение, но как-то сошло.

Он не таился и не скрывался. Ходил везде за мной. Разговаривал, шутил, помогал оформлять стенды, рисовать стенгазету, и так всё хорошо у него получалось.

Выяснилось – от сотрудников, со стороны, – что у себя в городе он – комсорг школы, отличник и спортсмен. Сам он ничем не хвастался.

«Мы же просто товарищи», – уверяла я себя, а сама думала и думала о нём. Целыми днями! А потом – стала считать дни до конца нашей смены. Дни таяли, таяли...

Оказывается, он тоже переживал, что мы скоро расстанемся. Однажды он пригласил меня после ужина на берег моря и заговорил об этом.

– Не представляю, что я буду делать без тебя. Вот не представляю!

И мне стало страшно. Я ведь тоже не знала, что делать, когда он уедет.

За несколько дней до отъезда он подошёл и сунул мне в руку конверт.

Я сначала подумала, что пришло письмо от мамы. Нет, конверт был новый.

– Это я приготовил для тебя. Здесь мой адрес. Я первый напишу тебе, а ты мне ответишь. Ведь ответишь?

Неужели он сомневался?

– Отвечу, конечно.

Стало немного легче. Мы улыбнулись друг другу.

Я любила его первой в жизни любовью. И теперь, когда жизнь прошла, могу сказать, что – главной любовью. Эти 28 дней оказались лучшими во всей моей жизни.

Мы узнавали друг друга всё больше, рассказывали каждый про свою жизнь, уже не боясь, что тебя не поймут.

Конечно, не могли не заговорить про недавнюю войну. Я рассказала про гибель брата, ранение и смерть отца. О себе всё же молчала, помня наставление матери. Я говорила Борису, что нашу школу строили пленные немцы. И от него узнала, что на Дальнем Востоке тоже много строят пленные японцы.

– А ты их видел?

– Ну разумеется, видел.

– И какие они?

– А ваши какие были?

– Понурые, усталые, совсем теперь уже не страшные. Не то что в войну. Но люди им ничего обидного не кричали, а конвой... не видела, чтобы бил их.

– А подавали?

– Нет. Да и что подавать-то? Мы сами голодные. Как вспомним, как они зверствовали в оккупацию... Это так сразу не забудется.

Как мы их угощали ягодами шелковицы – почему-то ему не рассказала.

– А у нас подавали, – сказал задумчиво Борис, – я сам однажды наблюдал. Колонна японцев, тоже все понурые, голодные, но идут строем. А женщина одна, немолодая уже, несла хлеб, отломала ломоть и подала крайнему. Он взял и закивал ей головой. Благодарил. А потом этот ломоть он стал делить на всех!

– Как это? – не поняла я

– Ломал по кусочку и передавал соседу, а сосед – своему соседу. И так, пока они не разделили весь ломоть. Всем, конечно, не досталось, но несколько рядов получили. А дома они у нас тоже строят. Мы вот должны осенью переехать в такой дом. Отцу обещали комнату. Он военный.

– А как же адрес? – испугалась я.

– Так это будет не раньше осени. Если ты мне сразу ответишь, я успею получить по старому адресу. Нового, понятно, я ещё не знаю.

Мама сначала с улыбкой принимала эту переписку, потом – даже с умилением, но наконец через два года, видя, как меня это захватило, стала с неудовольствием говорить, что надо думать не о том, кто живёт на краю земли и кого никогда не увидишь, а о парнях, которых знаешь, которые рядом. Глядишь, среди них и жених найдётся.

Но я-то знала, что мы увидимся.

Борис писал: «Мы обязательно будем вместе, я знаю, что ты самый дорогой для меня человек. Что бы с нами ни случилось, главное, что я знаю: мы будем вместе».

Я окончила в то лето 9-й класс, а он – школу. С замиранием сердца ждала письма, где он должен был сообщить, куда решил поступать.

А вдруг – в Москву? Он же отличник. А Москва – это близко, от нас полутора суток!

Я помню, как долго не могла уснуть, зная, что назавтра должно прийти его письмо. Там обязательно будет – об окончании школы и куда он решил ехать поступать.

Потом я словно провалилась в какой-то удивительный сон – то ли ужасную сказку, то ли сказочный ужас. Мне снилась никогда мною не виденная Москва. Она вся была – как Кремль с картинки, а я ходила по каким-то лестницам каких-то древнерусских соборов, рядом росли огромные ели. Было торжественно и немного страшно. Ходила – и не могла в гулких бесконечных коридорах-лабиринтах встретить Бориса.

Сон оказался в руку.

Наутро пришло его письмо, в котором он сообщал, что поедет поступать в Хабаровск – это ближайший к ним крупный вузовский город. Оставил адрес для следующего письма: Хабаровск, Главпочтамт, до востребования.

У меня оборвалось в душе – значит, не увидимся...

Но он опять писал: «Мы будем вместе».

Только – когда?

В следующем письме он радостно сообщал, что поступил. А я ответила, что работаю вожатой в лагере, организованном при нашей школе. Впереди – 10-й класс. А после школы решила поступать в Ростовский университет.

После первой сессии он написал: «Наверно, в конце года я переведусь на заочное. Отец должен выйти в отставку и будет получать только небольшую пенсию. Зато у меня есть для тебя потрясающая новость! Таким, как он, теперь даётся разрешение на переезд. Куда, ты думаешь? В Крым! Родители знают про тебя, и всей семьёй решили, что будем переезжать в Керчь. Я ведь не зря писал тебе все эти годы, что мы будем вместе!»

Я кружилась по комнате с этим письмом. Я танцевала и пела!

Всего полгода! Всего полгода!

Ой, а ведь надо шить себе нарядное платье к его приезду. Надо спросить, точно ли идёт мне эта причёска: гладко зачёсанные назад волосы. Надо научиться ходить на каблучках.

Все в городе стали одеваться намного наряднее. Женщины старались шить платья из ярких тканей с цветами, а на голову кокетливо повязывали косынки узелками вперёд. О шляпках никто и не вспоминал.

Мужчины сняли свои шинели и перешивали их на штатское. А парусиновые туфли тщательно чистили зубным порошком.

В Крым пришла весна. Это был абрикосовый год в Керчи. Такого буйного цветения я не помню за всю жизнь! Город стоял в бело-розовом облаке. Как все радовались будущему урожаю! А я с гордостью думала, каким богатством и красотой встретит осенью семью Бориса наша Керчь.

Мое нетерпение достигло крайних пределов. Как я жила целые годы? Теперь я не могла дотерпеть десяти дней до его очередного письма.

Я отметила в отрывном календаре примерную дату его приезда и каждый вечер перебирала пачку календарных листов до заветной даты. Пачка была толстая, она почти не убывала!

А надо было ещё готовиться к экзаменам, выпускным и вступительным, надо было помогать маме по дому и в маленьком огороде, который теперь каждый из жильцов нашего барака-муравейника устраивал себе на газоне перед домом. Люди сажали там даже картошку.

А потом...

Прошли очередные десять дней – а письма от него не было.

Это было невероятно! Впервые за все годы, когда ждать осталось так немного!

Мама говорила мне:

– Люди готовятся к переезду. До тебя ли тут!

Разве могло меня успокоить такое заявление!

Прошёл ещё день, ещё... Нет.

Тогда мама высказала другую версию:

– Ведь бывает, что письма и не доходят.

– За все годы не пропало ни одного письма!

– Вот именно! Когда-нибудь должно было это случиться!

– И что теперь делать?

– Ждать, наверно... Напишет он ещё.

Я ждала.

Я ходила на уроки, там что-то говорили, что-то объясняли.

Кто бы объяснил мне, что случилось? Что могло случиться?

И через следующий обычный наш срок между письмами – от него ничего не было.

Ну, предположим, первое письмо не дошло. И он тоже ждал моего ответа.

– Мама! А если он не дождался... Может, письмо пропало, как ты предположила...

– Ты хочешь спросить, можно ли самой ещё раз написать?

Да, именно это я хотела спросить. Мама задумчиво покачала головой:

– Давай подождём ещё. Подумает, что набиваешься. Кто его знает, что там приключилось...

Вон даже как! У меня всё задрожало внутри. Приключиться может только приключение. Неужели у него кто-то другой? Какая-то другая?

Что страшнее – неизвестность или предательство?

Всё-таки – неизвестность.

Если человек тебе изменил – его легче забыть, как всегда стараются забыть всё плохое. Ведь не зря говорят: презирать предателя, но – терзаться неизвестностью.

Я знала Бориса. За годы переписки я узнавала его всё больше и больше и теперь могла бы сказать, что знаю его. Если бы он встретил другую – он бы честно написал об этом.

И я решила – втайне от мамы – написать ещё раз. К сожалению, я упустила время. Может быть, они уже уехали со старой квартиры? Я написала в Хабаровск. Прошла неделя, две...

Ответа не было.

Тогда, чувствуя, что опоздала, зря потеряла время, мучая его и себя своей гордостью, когда, может быть, с ним что-то случилось, я написала в Петропавловск-Камчатский.

И ответ пришёл.

Никому, даже врагам, не получать бы таких ответов!

Нам в почтовый ящик положили извещение, что на почте меня ждёт заказное письмо.

Я помню, что радость тогда у меня мелькнула лишь на миг. Её сменила тревога.

Сбросив только туфли, как была, в пальто, я забежала в комнату и лихорадочно начала искать паспорт. До почты я старалась не бежать, но всё равно часть пути пронеслась рысью, как напуганная лошадка.

Там стояла очередь. Я спросила, кто последний, и прислонилась к стене.

Очередь медленно ползла к окошку.

Наконец я подала служащей свой паспорт.

– Вам чего? – спросила она.

– Мне пришло заказное письмо...

– А где ж ваша квитанция?

Я растерянно посмотрела на неё:

– Дома забыла. Да вы же мне сегодня в ящик положили.

– Ничего не знаю. Я не ложилась. Дайте квитанцию.

– Ну не вы, а с вашей почты почтальён.

Я едва стояла на ногах...

Тут уж очередь вступилась:

– Да дайте уж девушке! Она ж с документом пришла! Чужого письма ей не надо!

Почтальёнша для вида ещё поворчала, но всё же полезла в коробку, где друг за другом, как солдаты в колонне, стояли письма, заказные и те, которые не нужно было разносить по адресам. Она быстро нашла письмо, ещё раз придирчиво проверила паспорт и протянула мне конверт. Я хотела крикнуть:

– Это не мне!

Был чужой конверт, адрес отпечатан на машинке. Но фамилия стояла моя. И имя моё.

Я взяла. Вышла на улицу. Здесь читать или до дома донести? Лучше узнать позже, лучше дома.

Там, в прихожей, которая служила и кухней, я разулась, сняла пальто и, неся письмо, как маленький гробик, прошла в комнату. Что же в нём? Чужой рукой, может быть, женской, а может быть, его родителей, отпечатанный мне отказ? Но почему на машинке? Этот машинописный адрес пугал больше всего.

Я надеялась, что хотя бы письмо будет от руки. Но и письмо оказалось официальным ответом какой-то официальной организации.

В нём сообщалось, что дом, который строили пленные японцы, они, как вредители и враги нашей Родины, строили с нарушением технологий. В бетон, как установила комиссия, они замешивали слишком много песка. За годы эксплуатации перекрытия пришли в негодность и обрушились. Есть человеческие жертвы. В их числе...

– Нет, – страшно закричала я. – Нет!

А потом неудержимым потоком полились слёзы. Я не плакала – я рыдала. Какое-то дикоое счастье было в этом рыдании.

Мама пришла на обед. Она подумала, что дочь сошла с ума, повторяя бессмысленно:

– Слишком много песка. Слишком много песка...



**Татьяна
ЭЙХМАН**

В ЭТОМ ДАЛЬНОМ СЕЛЕ НАД РЕКОЙ...

ВЕНЕЦ НАД ВОЛГОЙ

Над Волгой зыбится туман,
Вода дрожит от ветра.
Отчалив, лодка отплыла
От дальнего мыска.
Стрелой своей подъёмный кран
Расчерчивает небо...
Но почему на сердце, брат,
Тревога и тоска?

Огромной стаей закружив
В предчувствии разлуки,
Кричат прощальные слова
Окрепшие птенцы,
Всё дальше, выше виражи...
Бел парус у излуки.
Торопятся на свой причал
Уставшие гребцы.

Забыв о золоте руна,
Последние туристы,
Листву по склону вороша,
На станцию бредут.
Упрямо в берег бьёт волна,
Где порыжела пристань,
Где одинокая баржа,
Где никого не ждут.

Ах, август! Твой последний день
Умоется слезами!
Твоих причуд не разгадав,
Не позабыв разлук,
Последних стай растает тень.

-
- Татьяна Александровна Эйхман – член редакционного совета литературного журнала «Симбирскъ», координатор открытого ежегодного литературного молодёжного конкурса «Друзья по вдохновению». Автор более 20 книг стихов. Лауреат областной поэтической премии имени Н.Н. Благова в номинации «Край мой на Волге». Автор публицистической книги о Николае Аркадьевиче Пластове. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

За жёлтыми ветрами
Гудит метелями зима.
Времён не замкнут круг...

Ужель погибну, как листок,
Оторванный от ветки,
Когда начнут снега пуржить,
И сгину в скуке вьюг?
Ужель земной окончен срок?
На юг стремятся реки...
И мне за птицами спешить
На юг? На юг... На юг.

Как неприкаян дальний лес,
Как горестны поляны,
Но гроздя алые рябин
Украсили Венец.
Над Волгой город милый есть,
Где буду я отныне
Мечтать о сходе белых льдин...
Вернись сюда, птенец!

ПРИСЛОНИХА

Речка Каменный Брод. Прислони́ха.
Непокой бесконечен и свят.
Крик гортанный... В полях журавлиха
Кличет в небо своих журавлят.

Зыбким маревом воздух разжижен.
Шорох. Запахи. Солнечный сад.
Под прогнутыми ветками вишен
Шаровидные тыквы лежат.

И старушки у светлого Храма,
В белых, кипенно-белых платках,
Незабвенно, грешно, неустанно
С разговорами на устах...

Как уставшая мамонтиха,
У дороги седая гора.
Речка Каменный Брод. Прислони́ха.
Будет завтра... И было вчера...

Только вдруг непохоже, наивно
В дальней улице всхлипнет окно,
Звякнет цепь у ворот. Неизбывно
Воды льются, и льются, и... Но...

Как желаю я жизни смиренной
В этом дальнем селе над рекой.
В этой зыбкости благословенной
Над тревожной, бегущей водой.

ТЫ УШЁЛ

Скрипят простуженно ветра,
Шевелятся, как зверь...
Как будто ты ушёл с утра
И не захлопнул дверь.

Висят в шкафу пиджак, ремень,
Ботинки у тахты,
И на столе стоит пермень*
Из сизой бересты.

Распахнутые книги ждут
На стульях, на полу,
Когда их на руки возьмут,
Чтоб лгнуть листам к теплу...

Но ветер за окном скулит
Иль воет собачня?
А крест высокий твой стоит
Один уже три дня..

*Памяти народного художника СССР
Аркадия Александровича Пластова*

Вечер падает на землю,
Скинув жаркое ярмо,
Лунный диск дрожит и дремлет
Золотеющим клеймом.

Всюду здесь краса земная.
Не спеши, остановись!
Пахнет красками тугая
В мастерской старинной кисть.

Ночь, усердная портниха,
Скрыла гумна и погост,
Сшила плат над Прислонихой
В блёстках жемчугов и звёзд.

И молочною вуалью
Стёрла колокольни грань,
Речку и холмы за далью,
На окошечке герань,

В волглой темноте ограду,
За оградой старый крест.
Дай мне, Господи, отраду
В прославленье этих мест.

* Пермень – табакерка из бересты (архан.).



**Николай
МАРЯНИН**

КОД ПАМЯТИ

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

Поникшие, уставшие,
заблудшие в пути,
мы – без вести пропавшие,
нас могут не найти.

Заветного свидания
дождёмся вряд ли впредь:
из центра мироздания
до нас не долететь.

Не потому ли злобою
наполнены сердца
и в ярость твердолюбую
мы верим без конца?

Самоуничтожение
проникло в гены к нам –
и вечное скольжение
по пепельным волнам...

От адских пут сбежавшие,
терзаем дух и плоть.
Мы – без вести пропавшие,
спаси нас всех, Господь!

-
- Николай Викторович Марянин родился в 1956 году в селе Три Озера на Средней Волге. Поэт и краевед, автор поэтических сборников «Спасение от безумия», «Бог умер», «Звёздный ковчег», «России кварцевое сердце», «Симбирская рапсодия», а также текстов более 200 песен, в том числе гимнов Ульяновской области, городов Ульяновска и Читы. Награждён медалью Н. М. Карамзина. Член Союза писателей России. Живёт в Ульяновске.

ВИРУС

Птицы-галактики мчатся из гнёзд
по мириадам небесных дорог.
Мы – результат эволюции звёзд,
мы – промежуточных истин итог...

И ускоряется в острой борьбе
тел человеческих вечный транзит:
каждый невидимый атом в себе
тайну рожденья Вселенной хранит!

С жаждой безумной влезают умы
в этот субстанции тонкий эфир,
страхом терзаясь, а вдруг это мы –
вирус, который погубит весь мир?

КОД ПАМЯТИ

Во все земные времена
у памяти значенье схоже:
кто помнит предков имена,
того потомки вспомнят тоже.

Во тьме беспамятства сильней
сердца от Бога отвыкают...
Деревья тоже без корней
и не растут, и засыхают.

И я хочу хотя б тайком,
шепча о прошлом заклинанья,
себя почувствовать листком
на древе вечного познания.



**Шафик
ИМАТДИНОВ**

ПРЕКЛОНЯЮСЬ ПРЕД СВЕТОЙ ЛЮБОВЬЮ...

*Авторизированный перевод
с татарского Александра ЛАЙКОВА*

Я был мальчишкою курносим,
Один поэт на весь аул,
Когда отважно и без спроса
Твою калитку распахнул.

А ты ждала меня под сливой,
Красивая, как первоцвет!
Я был влюблённым и счастливым.
...Но в прошлое возврата нет.

ВЕСНА ПРОСЫПАЕТСЯ

У горной опушки зелёного леса
Весной под обрывом ревёт водопад.
В пушистом наряде берёзки-невесты
В роскошных серёжках у Волги стоят.

Задумчиво плещутся волны залива,
Горит, одиноко мерцая, костёр...
А двое влюблённых, обнявшись счастливо,
Мечтательно смотрят в небесный простор.

-
- Шафик Хасиятуллович Иматдинов – поэт, прозаик, председатель Совета татарской национально-культурной автономии Засвияжского района г. Ульяновска, заведующий отделом по работе с писателями президиума Ульяновской областной татарской национально-культурной автономии. Родился в 1950 году в деревне Старые Какерли Дрожжановского района Республики Татарстан. Окончил Ульяновский строительный техникум, затем политехнический институт. Работал директором Красногуляевского завода железобетонных изделий. Является постоянным автором Ульяновской областной татарской газеты «Өмет» («Надежда»). Выпустил две книги на татарском языке: «Дәръяларга каршы йөзәм» («Плыву вопреки всему») и «Сиңа гына» («Только тебе»), сборник стихов и прозы на русском языке «Своей дорогой иду». Член Союза писателей Татарстана, лауреат премии имени Габделжаббара Кандалий.

Ночной Симбирск, и тихо катит волны Волга.
Бросаются в глаза, мерцая, фонари..
По ветреной судьбе плутал я слишком долго,
Но вспоминал всегда большие корабли.

Любимый город мой! Я вновь к тебе вернулся
И вышел на Венец, где были мы близки..
Как будто вновь в былую юность окунулся.
Горят и дразнятся, как свечки, огоньки.

Шумит прибой, и свет луны прозрачно-ломок,
И видно далеко с прохладной крутизны..
А старый городок, притихший, как ребёнок,
Удобно спит в объятьях модной новизны.

Приходят поезда с далёких важных станций,
Над пристанью шумят залётные ветра..
Но мне теперь совсем немислимо расстаться
С любимым городом уюта и добра.

Не горюй, что листва облетает:
Наша жизнь – только миг бытия.
Снежным комом дела налипают
И совсем одолели тебя.

Кто до времени бег остановит
И отпустит на отдых, скажи?
Время тает снежинкой в ладонях,
Оседает в копилке души.

От кручины, нужды и печали
Где найти утешенья слова?
От бессонниц кружится ночами
И седеет твоя голова.

Но счастливые нити остались
У заветного жизни клубка..
Пусть болезни подкрались и старость –
Умирать ещё рано пока!

Будут песни, любовь и тревоги,
И не стоит пенять на судьбу.
Если струсил однажды в дороге,
Кто потянет с поклажей арбу?

Впереди ещё дел, как соломы
В стоге сена на заднем дворе.
И не спорь! Ведь отрадно у дома
Босиком пробежать по траве!

Жаль, всё меньше листвы остаётся,
Запиликал предзимний смычок...
Счастье в руки само не даётся:
Куй железо, пока горячо!

Как тревожно колотится сердце,
Всё изранено временем злым...
Это сердце досталось в наследство –
Не заменишь его молодым!

Я сегодня совсем одинок.
За окошком – простуженный город.
Милый друг несусветно далёк.
Мне обидно, тоскливо и горько.

Сердце ноет совсем неспроста
И болит молчаливою болью.
Ты как ангел небесный чиста!
Преклоняюсь пред светлой любовью.

С корабля, уходящего вдаль,
Ты махнула прощально рукою...
Неужель тебе друга не жаль,
Что не знает ни сна, ни покоя?

Выйду ночью в намокнувший сад,
Переполнен печалью и болью...
В чём же я пред тобой виноват?
Что же делать с моею любовью?

Я искал тебя в городе тихом,
На проспектах, в степи и в лесу,
В стылой тундре, где снежные вихри,
В лютый зной и в шальную грозу!

Я искал тебя преданно всюду,
Обошёл сто путей и дорог...
И однажды, подобная чуду,
Ты возникла, как дивный цветок!

Провожая весной теплоходы,
Я увидел вдруг твой силуэт...
Пусть летят табуном мои годы,
Знай, милей на земле тебя нет!

Стала ты мне Прекрасною Дамой,
Незнакомкой в волшебных цветах
И любимой – единственной самой! –
Той, что мне предназначил Аллах!



Елена
САМОГАЕВА

ЛЮБШИНСКИЙ РОДНИК

Вагон скрипел, как старая полуразвалившаяся телега. В полумраке чернели откосы тяжёлых полок, скрученные в валики грязные матрасы и одеяла.

Кажется, воздуха совсем нет в этих грязных и затёртых стенах плацкартного вагона. Кто придумал эти удушливые узкие купе с жёсткими сиденьями?

От жары мысли путаются, слова застряли где-то в горле. Кажется, всё спасение заключается только в конце пути. Скорее туда, где свежий воздух, чистые простыни и горячая вода! Но меня в лучшем случае ждёт гостиничный номер, и не факт, что все эти мечты сбудутся.

– Я знаю, когда вы купили билет, – как-то странно начал разговор попутчик, мужчина лет сорока, скромно расположившийся напротив. – Вы купили его сегодня утром.

Поднимаю на него удивлённые глаза.

– Всё просто. Мой друг сдал его. Сорвалась командировка.

– Будьте любезны, откройте окно. Жарко, – прошу я, отрываясь от своих бумаг.

Мужчина лихо сдвинул складную раму, будто всю жизнь этим и занимался. В купе влился сладко-жасминный запах уходящего лета.

– Вы едете в гости? – включается в разговор парнишка лет двадцати, сидящий в боковине купе.

– Нет, в командировку.

Лес обступает со всех сторон железнодорожное полотно. Огромные деревья подставили свои изумрудные плечи под жаркие лучи полуденного солнца. Хочется спать, но жара не даёт уснуть.

– Как ты тут? В порядке? – кто-то тянет за рукав хлопчатобумажной блузы.

Огородников пришёл. Опять опекать будет. Не сидится ему в своём купе.

– В порядке.

– Пошли поешь с нами.

-
- Елена Николаевна Самогаева родилась в 1978 году в г. Красный Кут Саратовской области. Окончила исторический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Работает научным сотрудником в историческом парке «Россия – моя история». Стихи публиковались в сборнике саратовских поэтов «Нетерпеливые строки» (2013). Автор документально-краеведческого издания, книги «Никто не забыт» о героях Великой Отечественной войны города Красный Кут (в соавторстве с краеведами Красного Кута, 2013 г.).

Пашка вздохнул, присел рядом, вытянув длинные ноги, обутое в смешные тапки. Своими ногами, привыкшими к комфорту кабинетной жизни, Огородников прославился на весь институт. При всей своей интеллигентности он всегда умудрялся обходить пресловутый дресс-код, не роняя при этом своего непререкаемого авторитета.

– Ты есть будешь? – Рыжие пряди Пашкиных волос сердито встрепенулись. – Сколько можно читать?

Попутчики весело переглянулись. Видимо, приняли нас за влюблённых.

– Она с нами поужинает, – весело ответил за меня сосед напротив.

– Твоя подружка? – подмигнул Пашке парень с «боковушки». – Неразговорчивая какая-то.

– Коллега, – смутился Огородников.

Ставлю десять против одного, что он покраснел. Я украдкой взглянула на него. Пашка насупив брови внимательно изучал носы своих тапок. Не уйдёт ведь, придётся идти с ним к нашим в соседний вагон.

Соседи тем временем выкладывали из своих дорожных сумок всякую снедь. Картошка, кем-то заботливо пересыпанная зеленью, колбаса, огурчики заняли свои почётные места на маленьком столике.

– Можно мы подвинем ваши бумаги? – тактично осведомился сосед. – Меня Сева зовут. А его Сашка. А вас?

– Наталья. Бумаги уберите, конечно.

Сева отодвинул папки и книги в сторонку, аккуратно накрыв их газетой.

– Что читаете? – поинтересовался только что представленный Сашка. – Странная у вас книга. Больше похожа на подшивку листов.

– Это письма.

Огородников усмехнулся, увидев у меня в руках пачку аккуратно сшитых писем из архивов.

– А мы с Сашкой тоже в командировку едем. Мы монтажники.

– Что ремонтируете? – Огородников перестал изучать свою нелепую обувь и воззрился на попутчиков.

– Автобусы для детей. Устанавливаем всякие прибабасы – согласно новым стандартам, – весело ответил Сева, пережевывая кусок колбасы. – Утощайтесь, Наташа. И вы тоже... как вас?

– Огородников Павел Николаевич.

Пашка протянул парням свою тонкую, почти женскую руку.

– Спасибо. Мы в соседний вагон пойдём. К своим.

Вагон вдруг резко дёрнулся, сбавляя ход. Зазвенели стаканы, наполненные кипятком.

– А кто эти ваши – свои? – улыбнулся Сашка.

Огородников махнул рукой в сторону.

– Археологи мы. На раскопки едем.

– Здорово! – восхитился Сашка.

– А давайте все к нам, – предложил Сева, – дорога длинная, вместе поужинаем, пообщаемся.

– Идёт, – сказала я.

Мне всегда интересно общаться с людьми не моей профессии.

Мальчишки, Фима Емельянов и Вадик Солоухин, расположились через несколько минут на полке около Севы.

Сева оказался душой компании, засыпая нас анекдотами. Атмосферу омрачил Сашка, юный и любознательный.

– Наташа, расскажите что-нибудь о вашей работе.

– Расскажи историю про родник, – проговорил Огородников, исподлобья посмотрев на меня.

Ребята вдруг замолчали. Вадик поёжился, закутываясь в летнюю куртку.

– Нет, лучше не надо, – проворчал Фима. – На ночь глядя не стоит.

Год назад я бы не на шутку разозлилась, что Огородников напомнил мне о роднике, но сейчас на душе было неожиданно легко.

– А что особенного было в этой истории? – удивился Сашка, отхлёбывая кипяток. – Я смотрю, ребята малость побледнели..

– Давай жарь, – неожиданно перешёл на «ты» Сева, усаживаясь поудобнее, – интересно же!

Я вздохнула. Не люблю я об этом рассказывать.

Солнце спит так ярко, словно начищенное золотое блюдце. Ни ветерка, ни тучки. Тишина. Слышно только, как ребята переговариваются между собой.

Лагерь мы разбили в удачном месте. Палатки устроили прямо под исполинскими дубами, в тени их узорчатой листвы. Справа от лагеря – тихая мелководная речушка, усыпанная по берегам разноцветной галькой.

Даже не верится, что здесь когда-то была война. От нее всё же остались следы – вот эти рывины вдоль реки, поросшие высоким бурьяном.

Слева от лагеря раскопки идут полным ходом. Ребята из «Поиска», раздетые по пояс, с носовыми платками на головах, затянутыми по углам в узелки, старательно копают грунт. Пока только гильзы, немецкие каски и ржавые железные остовы – вот и все их трофеи.

– Зря копаем, – донёлся чей-то знакомый голос.

Кажется, Данилов. Главный у поисковиков. Старательно подавив в себе лёгкую неприязнь, я всё же радовалась, что он здесь. Он, как никто другой, мог установить в лагере идеальный порядок и железную дисциплину.

– Почему зря? – слышу голос Фимы Емельянова, нашего лаборанта.

– Скорее всего, наши войска уходили, своих подобрали. Но братской могилы до сих пор обнаружить не удалось.

– Судя по остаткам техники, бои были. И нешуточные. Почему нет братской могилы? Что говорят старожилы?

– Да нет тут никого. Две деревни – обе обезлюдели: кто-то умер, кто-то просто уехал.

– Да, дела...

– Завтра проведём совещание, подумаем, как мы будем совмещать нашу работу. А на сегодня – рыбалка, продуктивный отдых и спать. Годится?

– Годится.

Спускаюсь вниз к реке. Удивительно красивое название у речушки – Любшина. Узкий рукав реки убегает за горизонт, словно ловкая серебристая змейка.

Как солнце печёт! Иду вдоль берега, густая трава смягчает шаги. Искушаться бы в этой тёплой голубоватой воде...

Пройдя несколько шагов, замечаю небольшую ложбинку между деревьями, поросшую лебедой и белёсыми кустиками пастушьей сумки.

Снять бы сейчас тяжёлые походные ботсы, расстегнуть пиджак и поваляться в траве, наслаждаясь тишиной и прохладой.

Странно вода шелестит, ведь ветра почти нет. Кто-то сипловато кашлянул рядом. Я открыла глаза.

Парень лет двадцати, по пояс голый, в штанах защитного цвета, с платком на голове, стоял по колено в воде и смотрел в сторону горизонта. А-а, один из поисковиков. Тоже любит побродить в одиночестве. Отворачиваюсь и снова закрываю глаза.

– Смуглянка, не лежи на траве, простудишься.

Это вода шелестит или голос чей-то? Мысленно обидевшись на этого парнишку, я инстинктивно сморщила нос. Смуглянка. Это потому, что я вся в дорожной пыли? Никогда не была смуглой.

– Здесь неподалёку родник. Не хочешь воды?

Голос странный.словно вода шелестит. У самого носа ощущаю холодную фляжку. Снова открываю глаза.

Лицо простое, лёгкие веснушки на щеках. Глаза, кажется, серые.

– Ты из лагеря? – спрашиваю, неуклюже приподнимаясь на локтях.

Парень кашлянул, прикрывая рот кулаком. Астматик, что ли?

– Не найдут они здесь ничего. У просеки надо искать.

Ещё один умник. Вроде Данилова. Я снова прилегла. Глаза закрываются сами собой. Усталость берёт своё. Солнце жарит, и как будто дышать нечем. Душно. Надо побороть усталость, встать и окунуться в воду...

– Ну, где ты бродишь, обыскались тебя...

А это уже Огородников. Ну и пекло!..

Вдруг стало темно и холодно. С трудом разлепив ресницы, удивилась: как это я очутилась в палатке, в лагере?

– Слава Богу, пришла в себя, – услышала я снова голос Паши, на этот раз уже более отчётливо.

– У тебя был солнечный удар, Наташка.

Рядом с Пашей в палатке Валентина, наш медицинский работник.

– Натка, ты как маленькая, честное слово! – возмущается Огородников, подкладывая мне под голову мягкую атласную подушечку.

В порыве негодования Пашка совсем забыл, что эта подушка – подарок нашей медсестры. Валентина вспыхнула, но ничего не сказала. Её тёплое отношение к моему коллеге давно известно. Вот только Огородников не видит этого. Или не хочет видеть?

– Утром отправим её в город, – заявляет Валентина.

Ей очень хочется, чтоб меня здесь не было.

– Я никуда не поеду. Извини, Валечка. Археологи – народ живучий. И упрямый.

Вечером я вышла к костру. Ребята из «Поиска» и две девушки из нашего института пели под гитару. Пахло ухой, на углях жарились жирные линии. Ребята, которых я знала по прошлому лету, весело приветствовали меня.

У костра замечаю Данилова. Его седая голова отчётливо выделяется на фоне зелёной листвы. Говорят, он посидел за одну ночь после того, как получил похоронку на сына: Олег, мой бывший однокурсник, геройски погиб в Чечне.

– Здравствуйте, Виталий Петрович, вашего полку прибыло? – спрашиваю я Данилова.

– Вы про кого? – не понял главный поисковик.

– Где же ваш новенький? – я присела поближе к огню.

Огородников тут же принёс мне большую кружку ухи и рыбу, завёрнутую в толстый слой бумаги.

– Какой новенький? – удивился Данилов, тонкой веточкой мешая угли. – Все старенькие.

– Вчера у реки видела парня. Светловолосый такой. С фляжкой, с платком на голове.

Данилов переглянулся с Огородниковым.

– Наталья, ты хорошо себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Пашка вчера придумал, что ты утонула. Пошёл с ребятами в лес, а ты валяешься без сознания у реки. Ещё одна подобная выходка, я не посмотрю, что вы, мадам, знатный учёный, отправлю обратно в институт писать монографии.

Данилов всегда в своём репертуаре. Все привыкли к его вспыльчивой натуре. Ну что ж, я провинилась.

– Спасибо за комплимент, Виталий Петрович. Я учту.

– Да знаю я твою либеральную линию. Наплевать тебе на всех, кто за тебя переживает.

Огородников сердито раздул ноздри, убирая со лба лохматые рыжие пряди.

– Как можно получить солнечный удар у реки? Может, он по голове тебя ударил да обокрал?

Глупости какие. Теперь они будут думать обо мне всякую дребедень.

– Наверное, мне приснилось, – пробормотала я.

Странно. А сон был такой явный. Я даже чувствовала холод от походной фляжки.

Неделя прошла безуспешно. Никаких следов. Снова груды металла, гильзы, шесть противотанковых мин. Приезжали сапёры, колдовали над ними. Нам пришлось свернуть лагерь и на два дня ехать в город.

Огородников – большой любитель побродить по старым улочкам провинциальных городов. Везде, где бы мы ни бывали, отовсюду Паша привозил горы фотоснимков. Его квартира буквально завалена фотографиями обветшавших и запущенных усадеб давно почивших князей, деревянных церквушек, старинных кладбищ с заросшими травой часовнями.

Вот и сейчас мы стоим у таинственного заброшенного дома, выложенного из красного кирпича. Огородников восторженно машет руками, доказывая архаичность постройки.

– Ты посмотри на эту кирпичную кладку. На этот орнамент в боковой части. Наташа, это девятнадцатый век, причём его первая половина! А мне говорили, то этот город совсем молодой, основан в начале двадцатого! Дудки! Нужно срочно сказать Данилову о находке..

Поток слов не прекратился, даже когда мы по старой привычке присели под первое попавшееся дерево и зажевали по бутерброду.

– Слушай, а что за сон привиделся, когда тебя солнечный удар хватанул? – вдруг спросил Паша.

Я рассказала.

– Интересный сон, – подивился мой приятель, – он так и сказал: копать нужно у просеки? Просека. Глупо там копать. Мы там даже гильз не найдём.

– Да, так и сказал. Но то же сон, Павлик, не забивай голову. Забудь.

Павел терпеть не может, когда его Павликом называют. «Звучит как-то буржуазно», – всегда говорит он по этому поводу.

Но сейчас он как будто не слышал меня. Он о чём-то вспоминал. Восторженный взгляд сменился на задумчивый, с примесью грусти.

– Ты знаешь, меня очень любила моя бабушка, – вдруг сказал он. – И после своей смерти она часто приходила ко мне во сне, говорила со мной. И многие вещи, которые она мне поведала, становились явью.

Я улынулась, вспомнив про байку о знаменитом профессоре Герасимове. Её знают даже юные студенты-первокурсники. Герасимову удалось первым вскрыть могилу легендарного Тamerлана, в древние времена наводившего страх на всю Азию. Местные аксакалы уговаривали «не беспокоить великого воина, иначе в тот же час на земле пробудится война». Герасимов вскрыл могилу 21 июня 1941 года... С тех пор археологи – народ суеверный...

Слушая эту историю ещё студенткой, я думала о том, как странные совпадения могут повлечь за собой совершенно нелепые выводы.

– Я не верю в потусторонние силы. Мне кажется, это бред, – говорю я.

– По этим местам шла смерть. Тысячи неупокоенных душ бродят по земле...

– Я не верю. Человек – это сгусток органического вещества. А души у него нет. И наукой это не доказано.

– Я всё же поговорю с Даниловым, – задумчиво промолвил Паша.

За брезентовыми стенами шумел прохладный летний дождь. В палатке, как во времена войны, горела керосинка. И где Данилов находит такие антикварные вещи?

Ребята насупив брови сгрудились у старой потрёпанной карты, разостланной на грубо сколоченном подобии стола.

– Вот здесь проходила танковая армия немецких войск, – Данилов рассказывает тихим голосом, словно боится кого-то разбудить. – Попав в окружение, фашисты были уничтожены. По историческим данным, наши войска вели кровопролитный танковый бой в районе реки Любшина. Это доказывают куски искорёженного металла по обоим берегам.

– А что дали раскопки у просеки? Вы зачищали там культурный слой? – вдруг задал вопрос Огородников.

Сейчас его не отличить от поисковиков – в защитного цвета костюме и в сапогах он выглядит очень мужественно.

– Данные нулевые. Бой в лесной зоне исключён. Танки в лесу не пройдут, – Данилов неумолим.

– Странно. Железа здесь – на два завода хватит. И ни одного трупа... Так бывает?

– Бывает, если где-то есть коллективное захоронение.

– Хорошо. – Огородников вытянул из кармана салфетку и протёр свои очки. – Я согласен, судя по грунту и остаткам железа, бой шёл только на берегу. Но война – не кукольный спектакль. Людей могли схоронить в лесу. Ты как считаешь, Самойлова?

Взгляд на меня из-под рыжих смешных ресниц. Мы с Пашей не в первый раз работаем вместе. И привыкли стоять друг за друга горой.

– Паша дело говорит. Попытка не пытка.

– Предлагаю разведку боем, – встаёт на сторону Огородникова Фима Емельянов.

Все смотрят на нас как на детей.

– Вы с ума сошли, товарищи, – Данилов ухмыляется.

И всё же мне он неприятен. Нет, не неприятен. Что-то другое. Почему я всё время чувствую себя рядом с ним маленькой глупенькой девочкой?

– Я привык, что Самойлова ничего не смыслит в археологии, но ты, Павел?!

Он считает меня душой. Замечательно.

– Вы теоретик, Наталья Дмитриевна. Книжный червяк. Монографию написать, статейку – это ваше. Но археологом вам не стать никогда.

– Спасибо, Виталий Петрович, на добром слове. Но я не отступлюсь. Вы можете идти вдоль берега столько, сколько хотите. Но я завтра выезжаю на зачистку просеки. В результатах я уверена.

И выбегаю из палатки. Надо пройтись. Одной мне думается легче. За мной следом кто-то бежит. Огородников, кто же ещё.

– Зачем ты так? – слышу голос моего заступника.

И ответ в том же даниловском стиле:

– Жениться вам надо, Павел Николаевич, а не бродить по городам и весям. Ваше здание, которое вы приглядели в Дубове, всё же построено в начале двадцатого. В архиве есть данные.

Огородникову, возможно, обидно...

Дождь перестал моросить. Прохладно. Я не заметила, как дошла до реки. Вода сегодня какая-то мутная, беспокойная. Вот и лес рядом. В темноте едва различимы макушки деревьев. И звёзд на небе совсем нет.

Слышу шаги за спиной. Огородников, наверное, не хочет подходить. Но мне почему-то вдруг стало страшно.

– Смуглянка, простудишься. Холодно здесь, в наших краях, в августе.

Меня словно пригвоздили к земле. Мурашки побежали по спине. В двух шагах от меня стоял тот самый парень, по пояс раздетый. На ногах кирзовые сапоги. В руках та же фляжка. Смотрит приветливо. Дышит только тяжело, как будто только что пробежал дистанцию на сто метров.

– Привет, напугал ты меня, – выдавливаю из себя. – Ты не местный?

– Я из Любшин.

Голос как шорох листьев под ногами. Еле слышный. И снова тот же хриплый кашель.

– А как тебя зовут?

– Алексей... Ларионов...

Сказал и повернул к лесу.

– Ты куда?

– Я в лес. Ребята ждут...

Секунда – и силуэт растаял в темноте. Приземистые деревья зашелестели листвой. Повеяло прохладой. Мне вдруг стало жутковато в темноте.

– А откуда ты знаешь, где копать надо?

Я почти кричу.

– Где копать надо? – спросило эхо моим голосом.

– Ты чего орёшь? – услышала я голос Огородникова, а потом увидела его самого.

Немного отдышавшись, Пашка упал на мокрую траву и хрипло произнёс:

– Испугала ты меня, Наташка! Когда ты бросишь свою странную привычку бродить одна? Ты понимаешь, что это опасно?

Первая вспышка гнева за многие годы совместной работы. Паша – человек редкостного спокойствия, всегда владеющий собой. Привычки мои переносил стойко. Что сейчас на него нашло?

Но тут некогда разбираться, почему Огородников так выражается.

– Паша, – говорю я мёртвым голосом. – Я снова видела его. Он назвался Алексеем Ларионовым. Сказал, что живёт в Любшинах.

– В Любшинах? Там же нет никого. Деревни давно нет в помине...

– Он ушёл в сторону просеки...

Меня бьёт озноб. Я видела привидение, сошла с ума или...

– Слушай, а может, это турист какой-нибудь гуляет тут? – Пашка словно прочёл мои мысли.

Ну как же я сразу не догадалась? Конечно, он так и сказал: «Я пойду к ребятам». Видимо, они разбили лагерь в лесу и весело проводят время.

– Завтра приедем на просеку, увидишь своего ухажёра, – ухмыльнулся Паша. – Пошли спать.

В шесть утра лагерь гудел как улей. Поисковики пытались разжечь костёр, но на сырых ветках он отказывался разжигаться. Наконец после долгих усилий зафыркал чайник, на большой сковороде зажарились изрядно поднадоевшие рыбины. Данилов с унылым видом сидел у своей палатки и в сотый раз изучал карту.

Я в задумчивости сижу на траве. Деревья шелестят над головой. Кто-то шестьдесят с лишним лет назад под этими деревьями очень хотел жить. Мечтал о будущем. Хотел любить в свои неполные двадцать лет. Страшная штука – война.

Просека. Исполинские деревья вдоль широкого дорожного полотна. Парни снова берутся за дело. Грунт тяжёлый, спутанный корнями растений и кустарников. Зря ковыряемся. Глупо верить какому-то мальчишке.

Прочёсывая лес, мы услышали журчание воды. Так вот же он, родник.

Не удивлюсь, если встречу сейчас этого мальчишку с фляжкой.

– Странно, – удивился Огородников, и мы вместе с ним. – Ты говоришь, что парень предлагал воды из родника? Но к нему ведь не подобраться!

Мы увидели огромные кусты колючего шиповника, усеянного яркими ягодами. К роднику, чьё журчание доносилось из-под кустов, даже не было тропинки.

Данилов взял широкую лопату и подрубил куст в надежде подобраться к воде. Шиповник отчаянно сопротивлялся, подставляя колючие ветви. Рука Виталия Петровича внезапно замерла. Лопата выпала из рук, с громким звоном ударилась оземь. Прямо перед ямкой с родниковой водой, отчётливо белея на тёмных камнях, лежал скелет. Рядом с ним лежала фляжка.

Через пару часов мы нашли братскую могилу. По остаткам одежды стало ясно: мы нашли останки воинов 6-й танковой дивизии, ведшей здесь, в районе деревни Любины, свой последний бой.

– Наталья Дмитриевна, посмотрите сюда! – слышу удивлённый голос Фимы Емельянова, нашего институтского лаборанта.

Рядом ошалевший Огородников.

– Как, ты сказала, его зовут, твоего знакомого с реки?

– Алексей Ларионов, кажется.

Осторожно пинцетом Фима открыл миниатюрную крышку почерневшего от времени медальона.

– Мы нашли этот медальон там же, у родника. – И Фима подставил огромную лупу.

С медальона смотрела удивительно красивая девушка с тёмными вьющимися волосами. На крышке отчётливо было написано: «Алёшеньке Ларионову от Кали. ... августа 1941 года».

– Какая смуглянка! – присвистнул Данилов, разглядывая портрет.

Потом были письма. В архивы, в районные центры, ветеранам, воевавшим под Ростовом-на-Дону. По найденным медальонам и гильзам с личными данными бойцов мы пытались найти родственников погибших солдат. Ответы приходили, но не те.

Слоняясь между книжных полок, я не находила себе места. История с любшинским родником облетела весь институт. Из любопытства и сочувствия все как могли помогали нам в поиске родственников этого загадочного призрака с Любшин. Но никаких сведений ни о нём, ни о его возлюбленной Кале не было. Архивы молчали.

На следующее лето мы копали в районе Супруновки, что в пяти километрах от Любшин.

Недели через две Данилов привёз невесть откуда взявшегося старика. Опираясь на палку, дед устало присел у костра.

Оказалось, старики – дед и его престарелая супруга – так и остались жить в заброшенном селе. Детей нет, родственникам не нужны.

– Вы знаете о боях в здешних краях? – удивлённо спросил Огородников, не веря в такую удачу – найти живого свидетеля прошлых событий.

– Я родом отсюда. Мне шестнадцать было. Деревню сожгли, я ушёл в партизаны. Немцы здесь лютовали, дивизию нашу всю почти что положили. Остальных немец газом затравил.

Я вспомнила, как солдат с фляжкой всё время кашлял, словно больной астмой.

Огородников вынул из кармана копию фотографии той самой загадочной Кали.

– Откуда у вас это? – удивился дед.

Он схватил фотографию и, вытащив из-за пазухи старенькие очки, стал вглядываться в лицо девушки.

– Мы нашли этот медальон вместе с останками погибшего солдата у родника. Вы бывали у родника, наверное?

– К роднику у нас никто не ходил никогда. С войны ещё повелось: плохая слава у этого родника.

– Тогда как медальон оказался в том злополучном месте? Вы знаете эту девушку?

– Это Каля, – выдохнул старик, потрясённо тараща глаза. – Калерия. Жена моя.

Поезд снова качнуло, как лёгкую баржу на волнах.

– Ну что, ещё раз по чашке чаю? – спрашивает Паша, обращаясь к нашим попутчикам.

Сева и Саша как будто его не слышали. Фима Емельянов, везунчик, давно уже видит десятый сон, развалившись на моей полке. Меня же мучает бессонница. Впрочем, не меня одну.

– Я что-то не понял, – озадаченно спрашивает Сева. – Если эта ваша Каля оказалась женой этого старика, тогда какое отношение она имела к Ларионову?

– Самое прямое. Она его не дождалась, хотя ждала более десяти лет. Даже не знала, что он погиб в двух шагах от дома.

– Да, история..

Поезд неожиданно замедлил ход и остановился. За окошком купе забрезжил пустой перрон незнакомой маленькой станции. Сонная проводница прошла по вагону, следом за ней – новые пассажиры в поисках своих полок. Ребята молчали.

В повисшей тишине мне вдруг вспомнились дрожащие плечи худенькой старушки, сидевшей у плошки с тёплым тестом. А ещё тонкие шершавые пальцы, держащие мокрый от слёз медальон.



**Дарья
ТАТАРЧУК**

ДАВАЙ УГОНИМ ЛИФТ...

В ранневесенний пейзаж чёрно-белый
Пёстрою мартовской птицей ворвусь.
Зонтик цветастый, в нём спицы, как стрелы,
Просто пронзают февральскую грусть.

Люди поймут и привыкнут не сразу,
Станет им странной картина вокруг.
Просто к грачам прилетевшим Саврасов
Взял и добавил ромашковый луг.

Март до апреля ещё не проснётся,
Разве что краски с дождями взбодрят?
В ранневесеннем пейзаже без солнца
Просто свой зонтик раскрываю не зря.

НЕ ВОКЗАЛ

Камни продрогли, и плиты застыли,
Холодом дышит уставший вокзал.
Тонут ресницы под снежной пылью,
Пылью, мне брошенной прямо в глаза.

В бликах дрожащего мёртвого света
Тронулся поезд твой, в небо скользя.
Только обратно не будет билета,
Встретить тебя у вагона нельзя.

Может, ты знал, что границы закрыты?
Жаль, что с собою меня не позвал.
Там – бесконечность, тут – холод и плиты,
Здесь мы прощались, и здесь – не вокзал.

-
- Дарья Юрьевна Татарчук родилась и живёт в Саратове. Работает библиотекарем в Поволжском институте управления им. П. А. Столыпина. Является участником литературной студии «Голоса поколений» при Саратовском региональном отделении Союза писателей России, членом ПК «Диалог», членом клуба гражданской поэзии «Свободный микрофон», а также резидентом Саратовской региональной общественной организации «Творческая молодёжь».

САНОЧКИ

Я привыкла в горку подниматься,
Я привыкла саночки возить.
Начала, наверное, лет в двадцать,
И тянуть до смерти эту нить.

О весне споют нам скоро птицы,
И растает горка изо льда.
Не забыть бы в саночках скатиться
Хоть разок, пока я молода.

ДЕВОЧКА С ЗОНТИКОМ

Девочка с зонтиком жёлтого цвета
В небе со снегом вела хоровод.
Девочка в платье из шёлка одета,
Тёплые песни про лето поёт.

Вьюга бросает колючками в лица
Людам, укутанным в коконы шуб.
Девочка прямо над ними кружится,
Солнечный зонтик – её парашют.

Девочку вдаль провожает прохожий
Взглядом замёрзшим, и он не поймёт,
Чем же она на других не похожа,
Так бы и сам он пустился в полёт.

Девочка с зонтиком цвета цыплёнка,
Шёлковой куклой по ветру скользя,
В небе летает за снегом вдогонку,
Ей не сказали, что это – нельзя.

ДАВАЙ УГОНИМ ЛИФТ

Давай угоним лифт,
На нём умчимся к небу
До самых туч – на них
Построим дом из снега.

Посмотрим вниз – туда,
Где в панике все люди.
Случилась там беда!
Подъезд без лифта будет.

А будет лифт над ним
На тучах припаркован.
Послужит нам двоим,
Для них он – бестолковый.

Не пустит выше страх,
Чем на этаж девятый.
Не быть им в облаках
Со вкусом сладкой ваты.

Свобода не для них,
Никто свободным не был.
А мы угоним лифт,
Прокатимся по небу.

Старый город навек погрузился во тьму,
Паутиною улиц опутал дома.
Бесконечным потоком летят в пустоту
Сотни тысяч машин, разрывая туман.

В тёмном парке под тусклым огнём фонарей
Мрачной тенью витают обида и грусть,
Прижимая к земле сотни тысяч людей,
Что несут за собой этот призрачный груз.

Лабиринты домов как безвыходный плен,
Серой сетью растут к небесам этажи.
Остаться тут дольше? Не знаю, зачем.
Каждый год здесь печальней становится жизнь.

Я уйду далеко, я уйду в никуда,
Ничего даже взять не успею с собой.
В неизвестной дали я найду города,
Где, вздохнув, не почувствуешь тяжесть и боль.

Но, пройдя километры вдоль пыльных дорог,
Я смогла осознать и понять наконец;
Не витает над городом грусть, будто смог,
А живёт в сотнях тысяч усталых сердец.



ОТ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ ДО АЛЬП

ВОСПОМИНАНИЯ КОМБАТА СМИРНОВА

*Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред Господом Богом,
чисты.*

*На живых порыжели от крови и глины шинели,
На могилах у мёртвых расцвели голубые цветы.*

*Расцвели и опали... Проходит четвёртая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не извели счастья ремёсел.
Нам досталась на долю нелёгкая участь солдат.*

Семён Гудзенко. «Моё поколение»

Есть на Саратовщине широкая долина со скромной, но неповторимой природой, с негустыми перелесками и просторными полями, с редкими озёрками и быстротечной речушкой Чернавкой. На южной стороне, у подножья живописных холмов, рассыпались посёлки Шиханы-1, Шиханы-2, Шиханы-3, Шиханы-4, Шиханы-5. Теперь они называются городом Шиханы. А на севере под высокой красивой горой привольно раскинулось большое село Верхняя Чернавка. Здесь моя родина, здесь я ходил в школу, помогал родителям, бултыхался с друзьями в холодной воде крохотного озёрка посередине села, где били ключи. Отсюда в юные годы мне предстояло уйти в дальнюю дорогу и одним из немногих односельчан вернуться.

...Жизнь была трудной: совсем недавно прошла коллективизация, да и от гражданской войны отделяли считанные годы. Новое врвалось нежданно и становилось обыденным, а старое отходить не хотело, упиралось, и немало в нём было полезного людям. Помню, как всем миром чистили прихотливо петлявшую по селу Чернавку: жива ещё была старая русская община, хотя в Верхней Чернавке, как, наверно, и везде в Нижнем Поволжье, жили не только русские, но и татары, чувашы...

Здесь я рос, присматривался к жизни, после 7-го класса пошёл работать. В десятке километров от родного села, в посёлке Шиханы-2, где когда-то было родовое имение известных графов Орловых-Денисовых, набирал силу институт военных химиков; меня взяли туда в артиллерийский отдел.

Кто знает, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, но пришёл июнь 41-го, а за ним июль, когда я получил повестку и отбыл к первому месту своей службы. Затем всё было как у многих юношей военной поры. Училище. Фронт. Мне везло: военная дорога оказалась длинной и безостановочной до самой последней станции: «9 Мая». На войне я прожил звёздные часы своей жизни. Для кого-то это прозвучит странно, но... так было! И не только у меня одного.

Потом многое получалось не совсем так, как хотелось, или совсем не так. Суровая проза послевоенных лет, молодая семья... Жёну я выбрал под стать себе: она прошла нелёгкой дорогой прифронтовых госпиталей, жили в ладу, рождались дети, семья требовала своего, а после войны выбор у тех, кто имел только семь классов, оказался невелик, и никто не собирался считаться с нашими заслугами перед Отечеством. Другое время – другие требования...

Ездил рубать уголёк на шахты Воркуты. Работал в Шиханах, куда потом переселился, на складах боевых химических веществ. Опасная это была работа. Как и многие тогда в посёлке, держал овец – хлопотно, зато подспорье.

Постепенно жизнь становилась лучше, выросли и получили высшее образование дети, сын стал офицером, служил на Дальнем Востоке. К 30-летию Победы нам с женой дали отдельную двухкомнатную квартиру – живи да радуйся, но с годами незаметно ушло здоровье...

В 60-х–70-х годах в Шиханах жило ещё много фронтовиков. Были в Шиханах и свои герои – Рыбаков и Полещиков, но они пали на поле боя. Помню, как дочь Рыбакова, Мария, вернулась в родные края с мужем и детьми, и ей тут же выделили квартиру. Приятно было видеть её мальчишек, поразительно похожих на своего молодого деда, смотревшего на них с портретов в клубах и школах. Мёртвые не стареют...

К сожалению, с годами из памяти ушли многие подробности моего долгого пути на войне, поэтому моё повествование будет не очень продолжительным, и о значительных событиях, например, о сражении у Балатона, я буду говорить очень кратко, а о некоторых незначительных, но лучше запомнившихся эпизодах, – подробнее.

...25 июля я прибыл в Ульяновское пехотное училище. Наш быт мало напоминал жизнь нынешних курсантов. Готовили нас по сокращённой программе, но легче от этого не было: тактика боя, материальная часть, военная топография, огневая подготовка... На стрельбы в поле возили один раз. Меня это огорчало: мечтал об артиллерии, а тут и пострелять толком не дали. В сентябре меня назначили командиром отделения.

Увольнительные случались крайне редко, по воскресеньям было полетче, но всё равно непременно какая-нибудь лекция или занятие. Один раз нас сводили строем в дом-музей Ленина. Ну а в увольнительные в основном гуляли в парках, по берегу Волги. Кому повезёт – с девушкой, а большей частью своей же курсантской компанией.

С фронта приходили плохие вести, и в октябре тем курсантам, кто учился похуже, присвоили звание сержантов и отправили на передовую. После их отъезда нам стало совсем тоскливо: ещё немного – и для нас тоже закончится нелёгкое, но уже ставшее привычным курсантское бытие, и двинемся мы навстречу неизвестности.

Но грустить нам не давали – занятия стали ещё более напряжёнными, преподаватели стремились научить нас всему, что знали сами. Из них запомнились комвзвода Переведенцев и наш ротный, старший лейтенант Плакса. Особенно Плакса. Очень толковый и культурный офицер, всегда проводил

батальонные учения. Нам было известно, что он пострадал во время репрессий 30-х годов.

Как мы и догадывались, наше курсантское времечко не затянулось: 13 декабря нас выпустили досрочно, хорошистов и троечников – младшими лейтенантами, а отличников – лейтенантами. Никакого торжественного вечера, оркестра и танцев! Приказ об этом объявили в столовой, и ребята тут же стали вырезать красные квадраты на своё солдатское «хб», вырезал по два квадрата и я.

На следующий же день повезли в Горьковскую область, где в Балахне формировалась 145-я стрелковая дивизия, там нас встречал комдив – полковник Волков. Я попал в 725-й стрелковый полк, что стоял в Городце, во втором батальоне мне доверили взвод. Формировались мы торопливо, нервно и довольно неорганизованно. Времени на сколачивание подразделений и притирку людей не хватало, зато было немерено хлопот с уголовниками, немалое число которых сразу после освобождения влилось к нам в полк.

Наконец-то выдали полевую офицерскую форму: вместо шинелей белые полушубки, валенки; курсантские кирзовые сапоги я повёз с собой.

Морозной ночью в Балахне грузимся в эшелон и медленно тащимся мимо насторожённого и притихшего Горького, после Коврова сворачиваем на ленинградскую ветку. Эшелон то подолгу стоит, то бешено мчится на север или запад. Тепло только возле раскалённой докрасна печурки, которую дневальные топят не переставая. В крохотном оконце под крышей непроглядная темень, в заметённых снегом городках и полустанках ни звука, ни огонька. Не спится. Тревожно. Всё ближе край снежной пустыни, где нас ждут те, кто остановил врага этой суровой зимой.

На больших остановках выходим из теплушек, строимся и идём к полевым кухням. На коротких – разносят в термосах горячее или раздают сухой паёк. Кормят нас уже по фронтовой норме 2: 800 граммов хлеба, а я получаю ещё офицерский доппаёк – полкило масла или сала, пачка печенья, немного сахара – всё это с расчётом на месяц. Так что главное – это норма 2!

Выгружаемся на станции Кувшиново, недалеко от Калинина, значит, воевать нам на Калининском фронте. На машинах нас подбрасывают до Ильино – мы в 4-й ударной армии. Ильино недавно отбили у врага после упорных боёв, много сгоревших домов.

Дальнейший наш путь – на посёлок Кресты, туда мы идём по узкой дороге с высокими сугробами по краям. Кругом густой, тёмный и высоченный лес, совсем не такой, как у нас на Волге. До Крестов не очень далеко – их тоже недавно освободили. Но нам дальше – на юг.

...Потом всё слилось в белую февральскую круговерть, и дальнейшие события я помню плохо. Бои, еда на ходу, ночёвки в сугробах. Покрытый изморозью металл, заиндевелая одежда и даже лица товарищей, мороз и метель. Никогда я ещё так не мёрз.

Около Демидова и Велижа, небольших городков уже в Смоленской области, наступательный порыв нашей 4-й ударной остановлен, и мы занимаем позиции оборонявшегося здесь до нас батальона. Так мне приказал ротный.

Взвод вместо батальона?! Осмотрел своё «хозяйство» и немного успокоился. То, что считалось полосой обороны батальона, – едва заметный пригорок, на котором кое-как зацепился расчёт станкового пулемёта. Наверное, от батальона осталось одно название...

Прямо перед нами, на возвышенности, виден краешек большого села Ратиковино, точнее, то, что от него осталось. Там немцы. Кое-где тянутся к небу дымки – значит, враг в тепле и даже в уюте, если можно говорить о каком-то уюте на передовой.

А мы внизу, в болоте. Пытаемся окапываться, роем в снегу ячейки, долбим землю сапёрными лопатками. Но на ровных местах, едва копнёшь, сразу выступает вода. Там, где повыше, можно выкопать траншею по колено, не глубже. Вот и лежим в таких траншеях, строим дзотики из стволов деревьев прямо на снегу, в кустарниках. От пуль они ещё как-то защищают, и в них постоянно дежурят пулемётчики и стрелки.

Немецкие траншеи совсем близко – на бросок гранаты, но немцев мы не видим, хотя ночами слышим их разговоры, и на первых порах нам от этого не по себе. Кажется, что мы одни в этой всеми забытой заснеженной глуши наедине с коварным и незримым врагом. Наша передовая молчит...

Отдыхаем метров за 200–300 от переднего края около бездымных костров: греться можно только днём, ночью жечь костры запрещено.

Немцы вяло, но методично обстреливают наши позиции. Хорошо, что не прицельно, а по площадям. Наша артиллерия отвечает гораздо реже: снарядов у батарейцев негусто. У нас тоже с боеприпасами туго – расходует в исключительных случаях. Моё личное оружие в те дни – револьвер системы Нагана. «Система», конечно, устаревшая, зато надёжная. Потом появится современный «ТТ», но он окажется более капризным.

Иногда к нам навевывается знаменитая «рама» – самолёт-разведчик. Не похоже, что она корректирует огонь артиллерии, бомбардировщики после неё тоже не прилетают. Вероятно, она хочет узнать, нет ли у нас чего новенького, и отметить изменения в обстановке.

В одну из ночей соседней роте пришлось отбивать немецкую разведку. Начальство нас не беспокоит: за 2–3 месяца мы ни разу не видели даже комбата...

Через много-много лет я прочитаю мемуары маршала Ерёмко («В начале войны»), командующего 4-й ударной горячей зимой сорок второго, и узнаю о славных делах нашей армии побольше, чем знал когда-то лейтенант Смирнов.

В составе левого крыла Северо-Западного фронта 4-я ударная в январе начала своё наступление из района Осташкова и очистила от врага большую территорию Калининской и Смоленской областей. Некоторые соединения в марте дошли до Витебска, но из Белоруссии пришлось отступить, так как прорвались туда без тяжёлого вооружения надолго, да и малыми силами.

Успешное наступление нашей армии надолго нарушило связь между группами армий «Центр» и «Север». Немцы не скоро смогли восстановить здесь плотный фронт. Из выдававшегося далеко на запад нашего выступа почти непрерывным потоком до осени 42-го шли за линию фронта партизанские отряды и отдельные группы, а с оккупированной территории выводились на «большую землю» советские люди, партизанские семьи, раненые. Были так называемые «Витебские ворота».

К сожалению, зимние наступательные операции Красной Армии на Калининском фронте, в состав которого позднее была передана 4-я ударная, остались незавершёнными. Армии, наступавшие южнее нас, немцы сумели остановить у Ржева. Наш сосед слева, 22-я армия, стоял фронтом на восток, трудностей хватало и у нас, и у немцев.

...Подходит к концу март, начинается оттепель, и фронтовые дороги становятся непроходимыми даже для лошадок. Продовольственные запасы быстро иссякают, и наше положение вскоре оказывается совсем скверным.

Отправляем бойцов за продуктами в тыл. Ходят они по 3–4 суток: до ближайшей железнодорожной станции 40 километров по воде и раскисшему снегу! Пока боец притащит наш нехитрый харч, бывает, чуть ли не половину съест. Не расстреливать же его за это! Чтобы нести тяжёлый мешок, нужны силы. И получаем мы на сутки горсть гороха и по два сухаря, а потом дня два опять зубы на полку! Откапываем из-под снега клюкву и добавляем её в кипяток.

Но нет худа без добра! Снег тает всё больше, и обнажаются трупы погибших то ли зимой, то ли осенью лошадей. Обнаружив такую лошадь, бойцы мигом разделяют её, а потом варят в касках. Лично мне не было плохо от такой конины, да и другим тоже.

Из этой голодухи мы вышли не без потерь. Немцы особой активности не проявляли, но наше бедственное положение знали хорошо. Часто «вещали» по громкоговорителю, призывая переходить к ним: «У нас хлеб! У нас сало!»

Обещали и другие блага, заверяли, что у нас будет работа. Последнее вызывало у нас иронию – работы в Советской стране хватало на всех. Но в одну из ночей к ним перебежало трое бывших уголовников из соседнего взвода. Последствия могли быть очень неприятными, но обошлось: начальство ограничилось внушением и требованием повысить бдительность.

Сырая весна 42-го затянулась, но наконец пришла теплынь, подсохли дороги и нам подвезли продукты. Подвезли железные бочки. Мы греем на кострах в них воду и впервые за много дней устраиваем себе баню, выпариваем одежду и стираем.

...Конец апреля–начало мая. Меня вызывают в штаб батальона. Адьютант батальона (начальник штаба) предложил мне направление на учёбу в роту КУКС¹ Калининского фронта. Я согласился. В штабе полка мне сообщили о присвоении звания старшего лейтенанта.

Рота располагается в Торопце, путь туда неблизкий, через Старую Торопу. Вместе с другими направленцами дивизии идём пешком по деревянным мосткам, по дорогам, больше напоминающим канавы, наполненные водой. Мои ещё курсантские кирзачи буквально развалились, топаю в ботинках с обмотками. Когда я стану комбатом, мне сошьют хромовые сапоги, но пока я взводный...

Рота не в самом Торопце, а рядом, в лесу. И нам спокойнее, и город меньше бомбят, если на улицах не видно военных. Жили в больших шалашах – на весь взвод, занимались на улице, сидя на лавочках за самодельными столами. Если дождь, то занимались в шалаше, открыв для света дверь. Ходили без оружия – оно хранилось в отдельной землянке. Учились без выходных, «окна» бывали только случайно, и в город почти не ходили, благо парикмахерская была на окраине. Торопец запомнился тем, что стоял он почти без разрушений – в январе его освободили очень быстро.

На курсах учился недолго. Через месяц вызвали в штаб курсов и предложили должность командира взвода в штабной роте, где готовили батальонных адъютантов – начальников штабов батальона. Здесь я пробыл до августа. Собирали со всего фронта способных и отличившихся бойцов и обучали их премудростям штабной работы. По окончании курсов присваивали им звание младших лейтенантов...

После выпуска курса меня откомандировали в 358-ю стрелковую дивизию и назначили командиром роты автоматчиков. Эта дивизия, как и вся

¹ КУКС – курсы усовершенствования командного состава.

4-я ударная армия, находилась в обороне, после зимне-весенних боёв была крайне измотана, требовалось пополнение людьми, боеприпасами и материальной частью. В роте вместо трёх было два взвода по 15–20 человек, и не все из них были вооружены. Стрелкового оружия не хватало, даже пистолетов, и некоторые офицеры ходили с винтовками.

И всё же дивизия упорно готовилась к новым боям. Собирали людей из разных батальонов, учили приёмам рукопашного боя и сколачивали из них группы по 35–45 человек, в задачу которых входили штурм или блокирование укрепленных огневых точек противника. В одной из таких групп довелось быть и мне. Занятия проводили комдив Усачёв и комполка. Специально готовили дот, как на передовой. На пути к доту надо было преодолеть пересечённую местность, овраги, бурьян, подползти на бросок гранаты.

На одном из таких занятий мы ползли к блиндажу или доту, где находились политработники нашего полка вместе с комдивом и комполка. Все наблюдали за подступами к своему укрытию, но атакующих нет и нет. Стали пытаться начальство. В ответ им предложили немедленно покинуть блиндаж, так как в него сейчас полетят гранаты. Но поздно – подкрались мы совсем незаметно, и в блиндаж полетели наши «гранаты»...

Через два дня после «успешного штурма» меня отозвали в распоряжение штаба дивизии и назначили командиром роты дивизионной разведки. Бывший командир её после тяжёлого ранения лежит в госпитале, и ротой какое-то время командовали младшие командиры. Теперь командовать разведкой дивизии буду я, двадцатилетний пацан! Меня здорово озадачил такой поворот военной судьбы. Фронтовой опыт подсказывал, что я оказался на самом остром опасения. Что и говорить, не хотелось оставлять себе такой ничтожный шанс. Да и по мне ли ноша? Но начальство совсем не интересовалось тем, что происходит у меня в душе.

...В калининские леса пришла осень. Здесь её золотая пора минует быстро. В низко нависшем небе плывут последние вереницы птиц, хлопает под сапогами холодная грязь, и ветер взмётывает вороха уже не жёлтой, а пожухлой бурой листвы и гонит студёную рябь по лесным озёрам и канавам. По вечерам опускается туман, и промозглая осенняя ночь становится совсем непроглядной.

В такую тоскливую пору греет душу память о дальней родной стороне, где вместо здешних сумрачных лесов и мокрых низин открытые просторы и много солнца, где на высоких холмах стоят прозрачные дубовые рощи, а с вершины холма наш приволжский край виден на десятки вёрст. Где и в октябре совсем не редки тёплые погожие деньки и мальчишкам ещё можно искупаться в степном озёрке. Где пахнет жнивём и полынью, где ждут и тревожатся родные.

К нам, на Верхневолжье, приходят вести из Сталинграда. Мы знаем, что немцы остановлены везде, но в Сталинграде идут тяжёлые бои. Одно то, что он держится, поднимает нам настроение. Этот далёкий город носит имя нашего вождя и Главнокомандующего. И здесь я хочу сказать, что Сталин для нас, фронтовиков, был величайшим авторитетом. Так было! И так для меня останется до конца.

В октябре мне приказывают захватить языка. Вместе со своими замами (здесь у меня их двое – по строевой и замполит) намечаю план действий. На участке обороны дивизии – это 6–8 километров – сплошной линии обороны нет, с обеих сторон опорные пункты на высотках. Правда, у немцев они господствующие. И немцы, и мы упорно окапываемся.

В первом поиске нас постигает неудача. Немцы нас обнаруживают и открывают огонь. Приходится отходить. Но командование настаивает, и через несколько дней снова идём воровать к немцам, и снова всё повторяется. После возвращения следует неприятный разговор в штабе дивизии с начальником отдела разведки майором Васильевым.

Выбираем другой участок, идём группой 15–20 человек. У каждого автомат ППШ, 5 лимонок, две противотанковые гранаты, пистолет и финка – на то мы и разведка!

Уже конец октября, подмораживает, но снега пока нет. Здесь немцы ещё не установили минные заграждения, и нам удаётся доползти до их траншей незамеченными. Оставляем наверху группу прикрытия, и двумя группами по шесть человек крадёмся влево и вправо по траншее. В одной из групп крадусь я. Вдруг слышим негромкие шаги по ответвлению, ведущему в глубь обороны. Трое разведчиков тут же забираются наверх, а мы ждём у выхода. Наконец немец подходит к нам вплотную. Один из разведчиков прыгает ему на плечи, однако немец сбрасывает его, прыгает второй и тоже отлетает в сторону. Третьему удаётся повиснуть – завязывается борьба. Пытаюсь схватить немца за ноги, но немец очень крепок и ловок, борется с разведчиком и норовит садануть меня ногой, и это ему удаётся. Выхватываю финку и всаживаю ему в бедро. Немец тут же обмяк и неожиданно произнёс по-русски:

– Ну, теперь я ваш!

Здоровенный ефрейтор. Странно, что он не кричал, когда мы на него набросились. Может, растерялся? Вот он, первый живой немец, которого я так близко вижу за 9 месяцев на фронте!

Вторая группа тоже тащит ефрейтора, захваченного в сходных обстоятельствах. Быстро отходим. Командир дивизии доволен, но пеняет мне, что шесть человек не смогли справиться с одним немцем без оружия. Отмалчиваюсь, но думаю: это не так просто в тесной траншее.

Пленных отправляют в штаб армии, и вскоре оттуда поступает приказ: привести «контрольного» пленного. Несколько дней наблюдаем и снова ползём к немецким позициям. Подбираемся к траншее, где ведёт огонь одинокий пулемётчик. Короткая схватка – и ошеломлённый пулемётчик у нас в руках. Однако кто-то из разведчиков не рассчитал силу удара и нанёс ему, как потом окажется, смертельный удар финкой. Подколотый пленник ведёт себя смиренно, но в штабе дивизии умирает... Контрольного пленного нет, а сверху требуют. Опять наблюдаем: у немцев уже выставлены мины и проволочные заграждения. И снова на поиски!

На этот раз с нами идут сапёры. Снега ещё нет, но стоит довольно крепкий морозец. Переходим овраг, а дальше ползём. Сапёры обезвреживают противотанковые мины и делают проходы в проволочных заграждениях. Мы один за другим переползаем туда и начинаем обезвреживать противопехотные мины. Фашистская траншея всё ближе. Вот-вот закончатся последние приготовления, но меня подзывают к проволоке и показывают на траншею. Там оживлённо двигаются каски – нас явно заметили и ждут, когда мы все проползём за проволоку, чтобы прихлопнуть нас, как в ловушке, а кого-то и в плен взять. Кто-то из разведчиков предлагает отойти.

Поздно! Это уже наша неминуемая гибель. Приказываю всем проползти немного вперёд. Бросаем в траншею по две-три гранаты и сразу после взрывов кидаемся туда сами. Там тела убитых немцев, кто-то стонет. Если кто-то из них и уцелел, то наверняка покинул эту траншею. Быстро осматриваемся, проверяем свои ряды и, захватив раненого немца, отходим. Уже за оврагом

попадаем под неприцельный огонь – убит командир одного из взводов, кого-то поцарапало...

Наш пленный – обер-лейтенант. Майор Васильев получает орден Отечественной войны. Из непосредственных участников захвата никто не награждён и не отмечен.

Под Новый год из госпиталя возвращается старый командир разведроты, а меня назначают командиром роты десантников, которые формировались в каждой дивизии. Во главе её я убыл из дивизии в Старую Торопу. Там роту забраковали, так как командование 358-й укомплектовало её в основном пожилыми людьми со слабым здоровьем, а то и вовсе больными. Комдиву Усачёву здорово за это влетело от командарма 4-й ударной, а меня из «десантников» направили в 296-й отдельный артиллерийско-пулемётный батальон. Его задачей было обеспечение надёжной обороны: при малом количестве людей он обладал большой огневой мощью, включая тяжёлые пулемёты и пушки вплоть до 152-миллиметровых.

Когда я привёл туда людей, то оказалось, что батальон уже сформирован. Прибывшие со мною пополнили его, а меня после того, как я сдал людей, направили в 436-й полк 155-й стрелковой дивизии командиром роты автоматчиков. На этом причудливые зигзаги моей фронтовой судьбы закончились – в этой дивизии мне было суждено пройти весь оставшийся путь до Победы.

С 4-й ударной я расстался и теперь нахожусь в 22-й. Дивизией командует полковник И. В. Капров, тот самый Капров, командир 1075-го стрелкового полка Панфиловской дивизии! Это его бойцы во главе с политруком Ключковым суровой осенью 41-го встали на пути вражеской танковой армады у разъезда Дубосеково. Капров – мой земляк: он родом из нашего Вольского района, деревни Вязовка².

Батальоном командует майор Шкородёнок, не очень спокойный человек, отношения у нас с ним сугубо служебные. Зато в новой роте у меня вскоре появился друг – комвзвода автоматчиков Миша Балашов. Миша местный, калининский: на озере Селигер есть большой остров, называется Хачин, и на нём стоит его родная деревня. Ему едва исполнилось девятнадцать, но землячка Маня обещала ждать, и письма от неё приходят часто и быстро – до Селигера отсюда недалеко.

...Идёт к концу февраль 43-го. Уже деблокирован Ленинград, радостные вести пришли из Сталинграда. Наш Калининский фронт после жестоких боёв освободил Великие Луки, разгромив крупную группировку противника и взяв много пленных. Не прекращаются бои на других участках фронта, а в начале марта в составе 39-й армии переходит в наступление и наша дивизия. Это моё первое наступление, и сейчас, спустя без малого сорок лет, почти исчезли из памяти подробности. Их заслонили другие, более масштабные события той войны, дальние походы, чужие страны.

² Город Вольск и Вольский район – это земля героев. И редко какой областной город может с ними сравниться. Число героев-вольчан поражает. В специальном издании о героях-вольчанах говорится о 37 уроженцах вольской земли и о 33 с ней связанных. Конечно, не все они родились здесь. В частности, среди героев-вольчан числится Василий Ключков. Родился он в селе Синовское Саратовского района, а в Вольске жил перед отъездом в Казахстан. Деревенька Терса на берегу Волги – родина Виктора Талалихина. Это я назвал только самых известных. Свой герой был почти в каждом селе и посёлке, а в селе староверов Белогорном их даже несколько (прим. – Л.М.).

Помню, вначале мы продвигались довольно быстро: немцы спешно покидали ржевско-вяземский выступ. Но так продолжалось недолго. Мы двигались пешком, а немцы выставляли мобильные заслоны, которые позволяли их основным силам организованно отходить и закрепляться на новом рубеже. Нам приходится преодолевать их подготовленную оборону, и так раз за разом. У наших артиллеристов маловато боеприпасов – по 15–20 снарядов на «сорокопятку» в сутки, поэтому огневая поддержка слабовата.

Кругом истерзанная войной калининская и смоленская земля: жаркой зимой 42-го эти места неоднократно переходили из рук в руки. Везде сгоревшие избы, обгорелые печные трубы, стылый ветер гонит снег и пепел.

Как-то вечером на одном из таких пепелищ к нам подошёл мальчишка лет двенадцати и передал приглашение на посиделки в соседнюю деревню. В ней остались две чудом не сгоревшие избы. В одной из них сидели на лавках несколько девчонок лет двенадцати-тринадцати, те, кому удалось спрятаться, когда немцы угоняли население. Кто-то затренькал на разбитой балалайке, и наш маленький проводник пошёл по кругу, мастерски выбивая дробь. Девчонки на нас вопросительно посмотрели, и те, кто был из ребят пониже, немного с ними потоптались, а вскоре мы поднялись и зашагали к своим кострам. Невесёлые вышли посиделки...

В конце марта–начале апреля немцы сопротивлялись всё упорнее, навязывая нам тяжёлые бои. Раскисли дороги, и Калининский фронт, пройдя 90–100 км, остановился.

В начале мая 155-я стрелковая дивизия погрузилась на станции Ломоносово в эшелоны, и вскоре с Курского вокзала Москвы мы помчались в южную сторону.

Прощайте, калининские и смоленские леса и болота! Прощайте, холод и голод! Впереди будет всякое, но то, что там бывало, не повторится. Позади не очень удачные бои с сильным и умелым врагом, бесчисленные могилы боевых товарищей³.

Выгрузились на востоке Орловской области. Здесь более привычная мне природа: широкие поля, весёлые рощи и перелески на невысоких холмах, напоминающие родные места. Немцев здесь нет, и сёла стоят неразрушенные. С запада еле слышно доносится канонада. Близятся жестокие бои на Орловско-Курской дуге, и нас к ним усиленно готовят. Пополнение в стрелковые роты приходит с автоматами, полковые батареи получают 76-миллиметровые и 122-миллиметровые орудия. Как и все, мы напрягаем силы, чтобы не повторились трагедии лета 41-го и 42-го. С рассвета и дотемна ведём занятия по тактике с солдатами и сами учимся. Отрываем траншеи полного профиля на случай глубокого прорыва мотопехоты и танков противника. Пропускаем через траншеи танки, кидаем в них болванки и отсекаем «вражескую» пехоту. Нас впервые снабдили бутылками с горючей смесью, которые не надо было, как ранее, перед броском поджигать спичкой. К занятиям все относятся чрезвычайно серьёзно.

³ На Калининском фронте, в политотделе 155-й дивизии служил корреспондент Гришаев. После войны он написал несколько художественных книг о событиях, свидетелем которых был: «Прощай, мой батальон», «Капель ломает лёд», «Костры на дорогах», «Батальоны идут на запад». Те немногие однополчане Василия Григорьевича, которые с ними ознакомились, мнения о книгах были довольно критического. Он очень хотел прочитать их сам, но не довелось. Первые две из них я прочёл. На мой взгляд, вполне достойные произведения. Конечно, фронтовикам виднее, но редко о какой дивизии написаны книги – 155-й в этом плане здорово повезло, и жаль, что прочитали их очень немногие её ветераны (прим. – Л.М.).

И всё же молодость брала своё. Иногда вечерами собирались вместе. Вспоминали о доме, о близких, говорили о предстоящих боях. Кто-то из ребят завёл знакомства с местными, может, и невесту себе присмотрел. Кто знает...

Была ли девушка? Была! А то, думал, убьют, и не узнаю, как это – любить по-взрослому... Я же тогда совсем не такой был, живота не было, высокий, стройный...

5 июля земля задрожала от грохота десятков тысяч орудий, гул канонады с юго-запада всё усиливался. Ночью 8 июля нас подняли по тревоге – начался трудный переход на юго-запад. Шли форсированным маршем ночью, а днём отдыхали в придорожных рощах. Через неделю сосредоточились на окраине Курска. Город лежит в развалинах. Здесь нам приказали встать в оборону и в течение суток вырыть траншеи полного профиля.

...Новый приказ: форсированным маршем выйти в район Косилово Харьковской области (ныне Белгородской) и организовать там противотанковую оборону. В один из дней попали под бомбёжку. Побежали в придорожный лесок, но укрыться там было трудно – такой он был жидкий. Отбежали чуть в сторону и залегли. К счастью для нас, основной удар пришёлся по дороге, где двигалась техника. Поэтому потерь было немного. Но разбито много техники, и погиб полковник – командир артиллерийского полка дивизии. У меня такое впервые за 1,5 года на фронте. Ранее попадать под бомбёжку мне ещё не приходилось.

На место пришли 6 августа под вечер. Мы по-прежнему на Воронежском фронте. Провели с бойцами беседу на тему танковых сражений и снова всю ночь рыли окопы, почти не спали. Рубеж обороны моей роты метров триста. Утро немцы начали с мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Затем на нас стали двигаться танки, за ними густо бежала пехота.

Чувствовали мы себя уверенно и несколько атак отбили, но натиск врага усиливался. Отдельным группам танков, в основном «тиграм», удаётся прорваться к нам в тыл. Некоторые из них проносятся в каких-то ста метрах от меня. Пехоту нам удаётся отсечь и на этот раз, сходимся с врагом врукопашную, в набегающую на меня группу немцев кидаю противотанковую гранату... Прорвавшиеся танки уничтожают артиллеристы второго эшелона.

Под вечер мы контратакуем вместе с танкистами 4-го танкового корпуса. По приказу майора Шкородёнка на атаку поднимаю роту, и цепь бойцов врывается в немецкие траншеи. Снова сходимся с врагом врукопашную. Кто-то из бойцов орудует прикладом, кто-то строчит из автомата, а я опять швыряю противотанковую.

Немцы дрогнули и побежали. К ночи вошли в небольшой украинский городок Грайворон. Так закончился этот бесконечный день. Первая немецкая танковая атака, первый рукопашный бой. Сколько их впереди...

С утра преследуем врага в направлении Ахтырки – крупного узла немецкой обороны, выбивая гитлеровцев из населённых пунктов, стоящих на дороге. В Гарбузах и Бродях снова сходимся с ними врукопашную. Перед самой Ахтыркой едва успели окопаться, как последовал мощный контрудар немцев превосходящими силами. Выстояли и здесь. 25 августа Ахтырка наша!

Ожесточение боёв нарастает. У Саранчёвки смертельно ранен наш доблестный комбат майор Шкородёнок, тяжело ранен его заместитель по строевой части. Заместителем назначают меня. А нового комбата нам присылают вечером, прямо из академии...

Уже потерял счёт схваткам с гитлеровцами, освобождённым деревням и городкам, и как само собой разумеющееся мы воспринимаем радость людей, бросающихся нам навстречу. Побывав в оккупации, потеряв близких, надеясь их встретить среди нас или хотя бы получить от них весточку, они переживают этот неповторимый для них миг. Нам же шагать ещё далеко – так далеко, что об этом не хочется и думать. И, радуясь вместе с ними, всё же у каждого из нас мелькнёт мысль: а придётся ли мне увидеть такую встречу в следующем селе? В одном из посёлков ко мне бросается женщина, обнимает, целует.

- Павлуха! Мой Павлуха!
- Нет, мать, не Павлуха это, а Василь!
- Да... А в точности как мой Павлуха...

И снова в поход. Вокруг бескрайняя украинская степь с редкими рощами и большими сёлами. Поля подсолнуха, пшеницы. Там, где их пощадила война, зреет обильный урожай. Невольно вспоминается родное Поволжье, наши ещё более просторные, но и более скромные нивы, высокие холмы, редкие речушки. Здесь, конечно, благодатные места. Буйно цветёт лето, и, хотя на подходе сентябрь, часто спим прямо на улице среди садов, в рощах и балках. С лёгкой руки украинских товарищей, меня стали звать Василь, а не Василий...

К 6 сентября отбили у врага Ново-Михайловку, Рубаны и ещё несколько сёл и посёлков. 17-го числа дивизию выводят из боёв, и мы совершаем 258-километровый марш к Днепру.

Что-то не ладится у нашего «академика», может, из-за отсутствия боевого опыта, и мне приходится фактически командовать батальоном. Через две недели командир полка Гащенко вызывает меня и назначает на должность комбата – к Днепру батальон подвожу уже я. В 21 год такое назначение очень лестно, но теперь я один отвечаю за подготовку сотен людей к форсированию Днепра.

27-го подходим к хутору Чаплин. Сквозь заросли ивняка видим широкий плёс великой реки, в прибрежных кустах роём окопы. Когда темнеет, ищем в камышах лодки, готовим переправочные средства – сколачиваем плоты и плотики. Всё сами – инженерных частей рядом нет.

Уже 28 сентября вызывает комполка и требует обеспечить готовность к форсированию следующим утром. Я предлагаю форсировать сегодня вечером с наступлением темноты: возможно, для врага так будет неожиданнее. Моё предложение понравилось, он тут же связался с комдивом полковником Капровым и получил добро.

Тёплым ясным вечером, где-то в одиннадцать-двенадцать часов, мы начинаем форсировать Днепр – 600–650 человек, пара «сорокопятки», миномёты... Пушечки и миномёты на плотках, а сам плыву на деревянной лодке, нас 12 человек, на носу – «максим». Лодка то и дело черпает бортами. Бойцы налегают на вёсла изо всех сил, но тот берег приближается очень медленно.

Очевидно, противник нас не ждал и почти до самой высадки на правый берег не обнаружил, хотя кидал отдельные ракеты и вёл методичный огонь по площадям. Нас увидели, когда до берега оставалось 15–20 метров. Под огнём врага выскакиваем из лодок и бросаемся вперёд, вода по грудь, оружие на руках. Яростно лезем на кручи, где располагаются немецкие траншеи. Когда до них остаются считанные метры, приказываю всем залечь и приготовить гранаты. Бросаем их по команде и врываемся в окопы. После короткой

рукопашной схватки траншеи первой линии немецкой обороны наши! Немногие уцелевшие немцы спешат воспользоваться спасительной темнотой.

...Два часа ночи. Торопливо приспособляем под свою оборону их траншеи. Переправившийся с нами артиллерийский офицер-корректировщик налаживает связь с левым берегом – вскоре нас оттуда поддержат огнём.

На тех же лодках и плотках под нашим прикрытием переправляется остальной полк, и утром мы атакуем вторую линию немецкой обороны на самых кручах по окраинам большого села Григоровка. Снова сходимся с врагом врукопашную – Григоровка взята, но теперь атакуют немцы, потом снова мы, и снова немцы. Они хотят сбросить нас в Днепр, за день полк отбивает 15 контратак. Наши ряды быстро редуют, но держимся стойко, а из-за Днепра нам хорошо помогают: только мой батальон поддерживают огнём три артдивизиона (орудия калибра 76, 122 и 152 мм)! Так проходит наш первый день на знаменитом Букринском плацдарме.

Наступившей ночью переправляется вся дивизия вместе с техникой, боеприпасами и прочим довольствием. С новыми силами продолжаем теснить немцев от Днепра. В начале октября со мной приключился случай, ставший одним из самых ярких воспоминаний военной молодости. Утром я отправился с командного пункта (штаба батальона) на свой НП. Идём вместе с инженером полка, в овраге отрыты землянки, в которых обитают селяне Григоровки в ожидании прекращения боёв. Инженер предложил мне зайти к ним.

– Давно с цивилизными не общался, очень хочу с ними покалякать.

Но я торопился и не стал задерживаться.

– Ну, как знаешь, а я найду...

Не успели пройти несколько шагов, как начался сильный артобстрел. Бросаемся на землю, затем я вскакиваю и бегу по направлению к своему НП мимо позиций 1-го батальона, мимо мостков, по которым в Григоровку через овраг проходят две дороги, не обращая внимания на разрывы и на то, бежит ли за мной ординарец. И вдруг на краю оврага вижу двух немцев с карабинами, немного дальше стоят несколько наших бойцов – ни меня, ни друг друга те и другие не видят. Один из немцев оборачивается и замечает меня, они стреляют и бегут ко мне. Что было сил бросаю к едва заметному пригорку. Мне не позавидуешь: обычно беру с собой пару лимонок и противотанковую, а сейчас со мной только пистолет. Стреляю в первого немца – он падает, второй поворачивает обратно, но снимаю и его. Однако задерживаться здесь нельзя: если немцы добрались до этого оврага – в любую минуту может начаться атака на позиции моего батальона.

Прибегаю на НП, вижу одного из ротных, едва хватает сил произнести: «Пулемёт!» Показываю рукой в сторону встреченных немцев, быстренько устанавливают «максим». Но... пока нас не атакуют.

Прихожу в себя, чувствую, что жжёт руку выше кисти – но всего лишь содрана кожа. Пустяки! Осматриваюсь. Связи с КП батальона нет, посылаю связиста протянуть связь, но не напрямую, через овраг, а вкруговую, поближе к Григоровке.

Тем временем неожиданный оборот принимают события в штабах полка и батальона. После артналёта возвращается инженер полка. Он тяжело ранен в гортань – может только мычать. Уходит в тыл мой ординарец, опираясь на карабин: он ранен в ногу.

Командир полка интересуется, где Смирнов. Говорят, что его после артналёта не видели, связи с батальоном нет. Остаётся предположить, что комбат-2 или погиб, или попал к немцам. Гащенко вызывает начхима полка и приказывает ему принять мой батальон. Начхим приходит на наш КП

и ставит в известность адъютанта батальона о своём назначении. Следом за ним со всеми атрибутами заходит наш связист, крутит рукоятку, берёт трубку и требует «первого»: «первый» – это я.

– Товарищ капитан, связь действует.

– Ну, добро.

Начхм с изумлением спрашивает связиста:

– Так Смирнов жив?

– Так точно.

– Ну, тогда я побегу доложить командиру полка!

Очень обрадованный тем, что ему не нужно больше заботиться о батальоне, начхм покидает наш КП.

...Все эти дни отбиваем немецкие контратаки. Особенно трудно было 3 октября. В тот день немецкая авиация нас бомбила почти непрерывно, «юнкерсы» прилетали большими группами и старательно утюжили наши позиции. Советской авиации почему-то не видно, но из-за Днепра гремит наша тяжёлая артиллерия, и мы неуклонно расширяем свой плацдарм.

От Днепра нас отделяет пока неширокая полоска земли, но чувствуем себя уверенно. Не испытываем нехватки ни в патронах, ни в продовольствии, вечером нам доставляют горячее, а днём обходимся сухомяткой, да часто бывает и не до еды.

За форсирование Днепра меня награждают орденом Александра Невского.

Во второй половине октября немцам удаётся приостановить наше наступление на Букринском плацдарме, и бои здесь затихают. Зато всё сильнее гроыхает севернее, на Лютежском плацдарме. В ночь на 19 ноября снимаемся с позиций и покидаем Букринский плацдарм. Пройдя за 4 дня почти 200 км, в районе Бышева и Тимошовки дивизия вливается в состав 38-й армии Москаленко, уплотнив её боевые порядки.

Здесь месяц стояли в обороне, рыли траншеи полного профиля, и хотя рядом были деревни, пришлось вырыть землянки и в них ютиться. Правее нас шли ожесточённые бои с противником, прорвавшим фронт у Житомира и рвущимся к Киеву. У нас шли бои местного значения за улучшение позиций. Разведка боем, иногда всей дивизией. Однажды выбили врага из траншеи, но по приказу командования пришлось отойти на исходные рубежи. Почему так, зачем – нам не объясняли. Но своими действиями наша дивизия, как и соседние, не позволила немцам снять войска с нашего участка и усилить свою ударную группировку. Бои за Житомир завершились успешно.

В последние дни 43-го года перешли в наступление и мы, и за двое суток почти непрерывных боёв взяли городки Дивин, Турбовка и Корнин. Всё время сеял холодный дождь, на дорогах сплошная грязь. Запомнился бой за Корнин. Наступали мы стремительно, частью сил обходя городок. Когда пробились к центру, увидели на площади 12 брошенных танков. Немцы поначалу упорно сопротивлялись, но, видимо, опасаясь окружения, не решились отходить с техникой и бросили, как потом оказалось, вполне исправные машины, устремившись из города через мелкий кустарник и редкий лесок. Вторую половину городка мы заняли без боя. Это, конечно, были не «тигры», но всё же...

В январе наступали на юг, на Ильинцы, Немиров – это уже Винницкая область, Подолия. Да недолго. Противнику наше продвижение здесь ока-

залось совсем некстати. Он бросил навстречу нам много танков и авиацию и вынудил остановиться, а затем сам начал яростные контратаки. Мы отбивали их несколько дней, но не отдали ему ни пяди отвоёванной земли, и гитлеровцам тоже пришлось стать в оборону. Немцы уже не те, что на Курской дуге: с их танками на пути к нашим окопам расправляется артиллерия, а стоит нам дать хорошего огоньку – откатывается назад пехота.

Ранней весной дивизия прорвала их оборону и стала наступать фронтом на запад, один за другим освобождая городки Винницкой и Каменец-Подольской областей, в конце марта перешли Збруч, это была уже Тернопольская область, Западная Украина – держи ухо востро! Перебежали по понтонам речку Серет около посёлка Угрень и встали в оборону во втором эшелоне корпуса в большом селе Хмельнивка, что юго-западнее Тернополя. До передовой 5 км. Но в хатах нам жить не разрешили. Наверное, не из-за заботы о селянах, а чтобы сократить потери личного состава от огня дальнбойной артиллерии и ударов авиации. Конечно, это была совсем не лишняя предосторожность. Одним словом, снова пришлось на окраинах села рыть землянки.

...Иногда меня спрашивают, какие на фронте были отношения или ситуации с особистами. Помнится, был в нашем полку особист по фамилии Просов. Держался с нами на равных, свою работу делал как-то незаметно, незаметно появился в полку, незаметно куда-то отбыл. Иначе себя повёл его преемник – фамилию его запомнил, но стиль поведения запомнил. Считал себя выше нас, армейских офицеров, и не стеснялся говорить об этом в лицо. Ты капитан, а я Капитан – разные, мол, мы с тобой капитаны...

Народ мы были вполне раскованный, в основном молодой и не из пугливых. На одной из офицерских пирушек в полку не выдержали – стали его бить. Командир полка смотрел, смотрел, а потом сказал: «Хватит!» Унесли хлопца, и больше мы его не видели. Вот так было у нас по этой части.

В июле 1-й Украинский фронт начал Львовско-Сандомирскую операцию, и мы в составе 1-й гвардейской армии через местечко Подгайцы с боями устремились к Днестру, где противник создал мощную оборону. 24 июля начали форсирование этой реки у города Галич. На весь батальон одна лодка, бойцы переправлялись на подручных средствах. Сначала через Днестр под огневым прикрытием наших пушек и миномётов переправилась небольшая группа, которая должна была закрепиться на правом берегу и прикрывать огнём переправу уже основной части нашего батальона, за которым последует весь полк.

По-видимому, форсирование проходило дружно и напористо на всём участке нашего корпуса – мне с левого берега было видно, как после переправы группы прикрытия и части батальона немцы вдруг посыпались из своих окопов и ячеек. На единственной лодке переправляюсь и я. Немцы ещё какое-то время ведут беглый огонь по площадям, но наш хозвзвод и остальной полк переправляются уже без артиллерийских помех. В тот же день взяли Галич. Дальше на Калуш, на Стрый. Столица Прикарпатья Станислав остаётся левее, его освобождают другие дивизии, но мы им активно способствуем. Здесь нам начинают попадаться в плен бандеровцы.

После прорыва обороны у Стрия продвигаемся стремительно. 6 августа наш Дрогобыч, 7-го – Борислав. Мы теперь на 4-м Украинском фронте. За стремительное продвижение по Прикарпатья каждый воин нашей дивизии

получает благодарность Верховного Главнокомандующего, дивизии присваивается почётное звание Станиславской, а наш 436-й стрелковый полк становится Стрыйским, Ордена Богдана Хмельницкого. За эти бои я был удостоен ордена Боевого Красного Знамени. По представлению комдива Иванчуры командующий 1-й гвардейской армии генерал Гречко присвоил мне звание майора.

За Самбором выходим на польскую границу по речке Сан, а 11 сентября форсируем её. Здесь, в верховьях, она совсем неширока: прыгаю с камня на камень – и вот, не начерпав в сапоги, я в Польшу! В тот же день отбиваем у немцев городишко Санок.

Дивизию заворачивают на юг, и мы всё дальше втягиваемся в Карпаты, надо через горы пробиться к Ужгороду и освободить Закарпатье. Наступаем в направлении Руске, Вельске-Поляна...

В горах мы впервые. Каждый метр стоит нам очень дорого. Мы наступаем, а противник активно обороняется, используя ту же тактику, что и весной 43-го на Калининском фронте: после упорной обороны очередного рубежа немцы садятся на грузовики и мчатся к следующему, заняв его, успевают отдохнуть и подготовиться.

Нам здесь всё незнакомо, а противник прекрасно знает местность и может небольшими силами препятствовать нашему продвижению. Мы не видим врага, а он, заняв господствующие высоты, подкарауливает нас и наносит неожиданные удары. Враг стреляет трассирующими пулями, которые, налетев на ветку или камень, взрываются, горы многократно повторяют эхо, и нам кажется, что стреляют со всех сторон.

Мы идём пешком, а когда время на марш нам даётся ограниченное, стараемся усесться на предназначенные для перевозки боевого снаряжения конные повозки и мчимся, как цыганский табор. Но слишком круты бывают дороги и тропы; приходится тащить на себе не только стрелковое оружие и пулемёты, но и нашу артиллерию: 82-миллиметровые миномёты, 76-миллиметровые пушки и «сорокопятки». Нелёгкий опыт войны в горах осваиваем на ходу. Готовим вьючных лошадей, шьём для них специальные вьючные сёдла.

И вот так идём день за днём по горным дорогам, подталкивая лошадок или взваливая в самых труднопроходимых местах их груз себе на плечи. Карабкаемся на кручи и затаскиваем туда лошадок со всем нашим добром.

В один из таких дней мы потеряли Мишу Балашова – попали под обстрел «сорокопятки» из соседнего полка. И на войне случаются порой нелепости: что-то напутали артиллеристы и жажнули по своим. Вот так закончилась его славная фронтовая карьера...

Юный ротный лежит у дороги, а бойцы спешно роют могилу. Война торопит нас, и вот уже «мрамор лейтенантов» – фанерная звезда водружена над свежим холмиком. Скупые слова прощания, салют из пистолетов. Прощай, Миша! Спи! А нам, пока мы живы, надо идти дальше и дальше. Сотня шагов по горной дороге – и за поворотом скрылась его могила.

Эх, Миша, Миша! Два года мы шагали рядом по военным дорогам, понимали друг друга с полуслова и не по книжкам постигали, что есть боевое братство. А теперь лежишь ты в чужой земле. Будет ли покоен твой вечный сон, сохранят ли словаки твою могилу и хоть какую-то память о молодом русском воине, освобождавшем их землю? Кто знает...

Не дождётся тебя добрая и скромная землячка Маня, и не побегут вдоль синей селигерской волны весёлой гурьбой твои русоголовые дети, и не встречать тебе рыбацкие зорьки в заветном родном краю...

*...Зарыдает ровесница, мать на пороге забудётся.
У погодков моих ни стихов, ни покоя, ни жён!..*

Мы идём вперёд через горечь утрат и ещё не знаем, как тяжела будет жизнь советских людей после войны...

Фашисты дерутся умело и ожесточённо, но удержаться не могут. Отвоёвываем горные посёлки Русске, Вельске-Поляна и наконец знаменитый Русский перевал. С этого перевала открывается путь в Закарпатье, к Ужгороду. Теперь не надо штурмовать хорошо укреплённую немецкую линию Арпада – мы её обошли!

Нашу дивизию передислоцировали и направили в Закарпатье. Мукачёв, Ужгород. Здесь мы закрепились и развернули бои в направлении Чопа. Чоп взяли, но немцы непрерывно контратакуют. Их командование сосредоточило здесь крупные силы и стремилось вернуть этот важнейший железнодорожный узел, на котором скопилось множество составов с разным имуществом, которое противник не успел эвакуировать. Их контратаки мы отбиваем, но бои не прекращаются ни днём, ни ночью несколько суток. Гитлеровцам приходится отступить...

Стремительный марш к венгерской границе – и наша дивизия оказывается в составе 7-й гвардейской армии. Мы теперь на 2-м Украинском фронте – это уже четвёртый фронт, где мне приходится воевать. Сапёры под прикрытием артиллерийского огня навели понтонный мост через Тису. Перебегаем по нему на её левый берег – мы в Венгрии! Ещё стоят погожие октябрьские деньки. С любопытством присматриваемся к незнакомой стороне. Трудолюбивые мадьяры уже убрали с ухоженных полей кукурузу, пусто на виноградниках...

Стараемся идти форсированным маршем, пока вот-вот подступающие дожди не превратили здешний чернозём в кашу. Небольшие городки Кишварда, Ньиредьхаза, Польгар берём после ожесточённых боёв. В них не задерживаемся, быстро пробегаем, порой ночью.

Фашистская пропаганда непритязательна, но вполне образна: «Идут большевики! С рогами, с ножами!» И поначалу венгерские сёла встречают нас полным безлюдьем, и тишиной, которую нарушают отдаляющаяся канонада да скотина – она бродит голодная по осиротевшим дворам. Заходят во дворы наши бойцы, черпают из колодцев воду – пьют сами и наполняют большие колоды посередине двора для поила скотины. Затем ищут корм и потчуют всю бродящую во дворе живность. Через несколько часов по одному, по два сходятся крестьяне и, убедившись, что в селе стоят обычные люди, начинают заниматься своими делами.

Сёла в Венгрии большие и богатые: просторные дворы, добротные кирпичные дома, большие сени. В сенях несколько дверей, каждая ведёт в отдельную кладовую: для муки, для круп, для мяса и прочей снеди. Везде по две-три коровы. Поражает обилие колбас и окороков. У каждого хозяина под сараем подвал, иногда подвал и под домом, у кого-то даже двухэтажный. В подвалах бочки с вином, которое в эту военную осень не находило обычного сбыта: виноторговцам сейчас не до скупки.

Эти бочки, полные золотистой или рубиновой жидкости, притягивают нас как магнитом в каждом селе, где удаётся задержаться. Иногда мы располагаемся в винном подвале помещичьего дома, брошенного насмерть перепуганным хозяином. Ну, так на то и война, на то и молодость, чёрт возьми!

В этом виноградном изобилии можно выбрать вино любой выдержки и на любой вкус. Оно легко и приятно пьётся, заметно снимает напря-

жение от недавнего боя и от той страшной ноши, что уже больше тысячи дней давит на каждого из нас. И, если позволяет обстановка, наше «застолье» затягивается на долгие часы. После многих выпитых кружек начинается казаться, что самое лучшее вино осталось в нераспечатанной бочке, что стоит в дальнем углу подвала.

...Поздняя осень – дело идёт к декабрю, но стоит тёплая, мягкая погода, ходим в одних кителях. Своими извечными заботами заняты крестьяне, как будто не прокатилась день-два назад через их село война. Суетятся бойцы, налаживая свой немудрёный фронтовой быт. Где-то очень далеко, на Калининском фронте, остались суп из дохлой конины и ржавые сухари. Здесь, в Венгрии, славяне вдруг стали очень разборчивыми и даже привередливыми в еде. Неторопливо подтягиваются к походным кухням, скептически присматриваясь к творениям поваров.

– Опять эти щи! Опять каша!

А ведь теперь в котле нередко варится пара косуль, которых отстреливают на кукурузных полях. Но бойцы критически тянут носами и, решив, что из вещмешков у них запашок получше, отходят в сторону и садятся наворачивать сильно переперчённую венгерскую колбасу или окорок.

Русский человек и здесь, за много вёрст от родной земли, прост и понятен. И хотя стоим обычно 2–3 дня, от силы неделю, наши воины и «селяне» успевают подружиться, а когда уходим дальше, некоторые женщины и девушки даже плачут. И то ли по волнам Тисы, то ли другими неведомыми нам путями добрая молва о красных воинах перенеслась по ту сторону фронта, и ближе к Будапешту население перестало разбегаться перед нашим приходом.

Прошли городишко Асод. Сплошного фронта нет, на ночь расставляем секреты. Ближе к Будапешту к нам всё чаще перебегают венгерские солдаты, группами и поодиночке. Где-то в 12 километрах от столицы уже поздней ночью ко мне приводят венгра-перебежчика. Он знает русский. Их рота желает сдаться в плен, и его послали на переговоры с нами, комроты, по его словам, отсутствует. Предлагаю ему отправиться назад и привести всю роту, с ним добровольно отправляется наш лейтенант.

Вскоре они приводят роту в полном составе, при оружии и даже с крупнокалиберными миномётами. Докладываю командиру полка.

– Как они себя чувствуют?

– Да ничего. Вот только очень голодные...

– Накорми и отправляй в тыл!

– Есть!

Вскоре венгры со своим оружием отправились на сборный пункт.

Но сопротивление врага не ослабевает. Немцы ставят позади венгерских частей заградительные отряды, которые препятствуют их отступлению, или расстреливают при попытке сдаться. Поблизости от сдавшейся нам роты немцев не было, что, очевидно, и определило их решение прекратить борьбу.

Вот и Будапешт. С конца ноября долго двигаемся вдоль его окраин. Многоэтажный, так называемый Большой Будапешт мы видим, но пока он в стороне от нашего пути. Наконец в двадцатых числах декабря врываемся с северо-востока непосредственно в столицу, точнее, в её левобережную часть – Пешт. В огромном городе нам воевать ещё не приходилось...

Как много всего на войне впервые... Первый живой немец, первая немецкая атака, наша атака, освобождённый нами городок, большая река, которую надо переплыть, чтобы достать врага, никогда не виденные раньше горы...

Каждое здание фашисты используют под оборону, и все дома, как прошлых веков, так и более поздней постройки, отличаются исключительной прочностью: после прямого попадания снарядов из 152-миллиметровых и даже 203-миллиметровых орудий, которые батарейцы выкатывают на прямую наводку, в стенах остаются только дыры, а сами стены и не думают рассыпаться. В квартирах таких домов гитлеровцы устанавливают орудия и бьют вдоль улиц по наступающим. Будапешт окружён, но противник не испытывает недостатка в боеприпасах и дерётся ожесточённо. Говорят, что Гитлер грозился сдать скорее Берлин, чем Будапешт.

Отчаянное сопротивление фашистов, трудные условия действий в городских кварталах вынуждают нас к затяжным боям, требуют перестройки в организации подготовки и самого боя. Вновь создаём штурмовые группы с усиленным огневым обеспечением. Бойцы таких групп уничтожают укрепленные пункты врага, забрасывают гранатами или обстреливают из гранатомётов артиллерийские орудия и пулемётные точки. Нередко они действуют ночью.

Стараюсь расположить свой КП повыше, в крайнем случае, на первом этаже, чтобы видеть хоть какую-то часть своей полосы наступления. Борьба идёт не только в воздухе и на земле, но и под землёй. Жаркие, часто рукопашные схватки разгораются в бункерах, имеющихся почти под каждым домом. Это именно бункеры, а совсем не те подвалы, которые знакомы нашим горожанам. В бункере чисто и просторно; бывает, он по размерам превосходит дом, под которым вырыт, иногда в нём есть отдельные большие и малые залы, разделяемые крепкими стенами и надёжными дверями. В подвале имеются канализация, водопровод, электричество, вентиляция; на случай перебоев с электричеством стоят вентиляторы с ручным приводом. Вот в таких бункерах и дерутся бойцы штурмовых групп, пробив стену одного бункера, они вполне могут оказаться в бункере уже под следующим домом. Может быть, так можно дойти до самого Дуная...

В одну из ночей, проникнув в очередной бункер, бойцы ворвались на этажи дома и обнаружили там вражеский штаб. Венгры были ошеломлены неожиданным появлением русских, зато наши не растерялись: когда мне об этом доложили и я туда пришёл, венгры уже были обезоружены и построены. На этот раз мы взяли штаб венгерского полка во главе с его начальником. По требованию командира нашего полка их проводили к нему, для этих штабистов война закончилась.

В этих же бункерах стремятся спастись от военных невзгод жители Будапешта. Немцы всё, что смогли, вывезли, остальное разграбили, жители голодают. Оказавшись в нашем тылу, они выходят из бункеров и пытаются найти хоть какое-то пропитание. Во дворе большого п-образного дома происходит очень характерная сцена. На дворе под навесом лежит множество мешков с мукой, огромный штабель пятьдесят на четыре метра, высота метра два. Предлагаем толпящимся неподалёку венграм брать муку. Не берут! Спрашиваем: в чём дело?

– Нельзя! Приедет хозяин – убьёт!

– Какой ещё хозяин?! Мы теперь хозяева! Берите! Ешьте!

Нет, не берут. Только двое при нас взяли и унесли, а остальные не притронулись. Значит, не верят, что сбежавший с немцами хозяин не вернётся. Зато охотно кормятся с наших кухонь, здесь венгерки часто предлагают свою помощь.

Уже после Нового года командование потребовало от нашей дивизии овладеть зданием венгерского парламента, причём выбить оттуда гитлеров-

цев, не причинив этому старинному зданию разрушений. Мне в здании парламента побывать не довелось, я его толком даже и не видел. Но знаю, что, хотя нас поддерживали танки, его взяли без серьёзных разрушений, сохранив для потомков⁴.

После успешного штурма парламента мы вышли к Дунаю, а 18 января был освобождён весь Пешт. Он красив, несмотря на многие разрушения, но гораздо большее впечатление производит Буда, которую мы видим на высоком правом берегу Дуная. Там ещё немцы. За взятие Пешта наш полк вскоре станет Будапештским, а меня наградят орденом Отечественной войны.

Командование нам даёт два дня на отдых, что очень кстати. Ужинаем, укладываемся, но... в два часа ночи нас поднимают по тревоге. Весь корпус сажают на машины. Мчимся на юго-запад. Второй раз за всю войну на машине, а не пешком или, в лучшем случае, на лошади. Видно, произошло что-то из ряда вон. На внезапно осветившемся на миг придорожном транспаранте успеваю прочесть призыв: «Вперёд, орлы Толбухина!»⁵. Значит, наша дивизия снова оказалась на другом фронте – до этого мы были «орлами» Малиновского.

Вскоре прибываем на внешний фронт окружения будапештской группировки. Немцы здесь раскололи войска 3-го Украинского фронта надвое, вышли к Дунаю и остервенело рвутся деблокировать Будапешт.

В районе озера Балатон нас уже поджидают наши танки, а вдали в предрассветных сумерках видны немецкие. Начинается танковая дуэль. Снова сходимся с гитлеровцами в атаках и контратаках, сначала останавливаем их, а затем отбрасываем от Дуная на прежние позиции. Они нас забрасывают листовками: «Жукова пустим в Берлин, а Толбухина утопим в Дунае».

«Солдатское радио» сообщало, что главные испытания для 3-го Украинского фронта на венгерской земле ещё впереди, и не ошиблось.

Гитлер перебросил сюда с Запада свой последний стратегический резерв – 6-ю танковую армию СС. Это было отборное соединение, укомплектованное танками новых конструкций: «пантеры», «тигры», «королевские тигры». За рычагами у башенных орудий сидели заклятые враги Советского Союза. Соотношение сил по танкам резко изменилось в пользу противника.

6 марта 1945 года началось мощное наступление немецких войск между озёрами Балатон и Веленце, оно было последним, но страшен смертельно раненный зверь...

155-я стрелковая дивизия оказалась в полосе их главного удара. В первый день боёв наш 436-й стрелковый полк немного отступил, траншеи несколько раз переходили из рук в руки, и на 200 метров нам пришлось отойти. На второй день мы выбили немцев и вернули утраченное. В последующие дни они атаквали с нарастающей силой, но нам удалось выстоять, и в свои траншеи мы немецкие танки не пустили.

Трагично сложилась обстановка на участке соседнего, 1-го батальона. Там их тяжёлые танки прорвались к траншеям, батальон понёс большие

⁴ Как нам благодарны за это венгры – вопрос риторический. Ответ на него давно очевиден: никак! Не думаю, что в развитии послевоенной истории Венгрии что-то серьёзно сложилось иначе, если бы наше командование, подобно американскому, берегло своих солдат, а не чужие шедевры архитектуры. Такого рода печальным примерам несть числа. Краков, Вена, Прага... Таков уж, видно, менталитет русского человека: когда он «находится в чинах больших», забота о сбережении наших людей отходит на второй план (прим. – **Л.М.**).

⁵ Маршал Толбухин – командующий 3-м Украинским фронтом. Маршал Малиновский – командующий 2-м Украинским.

потери, лейтенант Киселёв обвязался гранатами и бросился под танк. Его подвиг отражён в Истории Великой Отечественной войны, посмертно ему было присвоено звание Героя.

В конце концов гитлеровцы отказались от своего намерения вновь вырваться к Дунаю – только в полосе обороны нашего полка было уничтожено несколько десятков их танков. У немецких танкистов на Балатоне произошёл психический надлом: многие экипажи элитных частей отказывались идти в очередную атаку. Когда об этом стало известно Гитлеру, он в ярости приказал сорвать с них нарукавные повязки с его именем...

На Балатоне был ад – это самое жестокое испытание за всю войну. Но, остановив немцев, мы вскоре снова пошли вперёд. Секешфехервар. Всем, бывавшим на Балатоне, не забыть его! Дальше Веспрем. И тоже с боями. А дальше вперёд и вперёд. Пол-Венгрии прошли за считанные дни – 31 марта у Шахендорфа вступаем на территорию Австрии.

И вновь переключка поколений, снова, как и полтора столетия назад, русская армия несёт свободу австрийской нации! Тогда это были суворовские чудо-богатыри, а теперь мы – советские воины.

Вскоре на горизонте показались Альпы. Их предгорья быстро становятся всё выше и выше, и вот мы уже в настоящих горах. Как и полгода назад, борьба в условиях горно-лесистой местности потребовала от нас очередной перестройки. Опять готовим вьючных лошадей, опять по кручам тащим на себе пушки, пулемёты и прочее боевое имущество. Поднимаемся на вершины, которые порой повыше, чем в Карпатах, спускаемся в неширокие долины, продираемся сквозь еловый лес или идём по прекрасно ухоженным шоссе.

Немцы в Австрии сопротивляются не так яростно, как в Венгрии, чувствуется, что они осознают свою обречённость. Но своей активной обороной они всячески стремятся задержать наше продвижение к шоссе Вена–Грац–Загреб, по которому враг держит связь с группой армий «Е», продолжающей удерживать часть Югославии. Потому на каждом сколько-нибудь удобном для обороны рубеже нам стараются навязать бои.

Сложный характер местности приводит порой к забавным, но чаще драматическим ситуациям как для нас, так и для немцев.

Однажды заняли небольшой хутор на склоне горы. Утром завтракаем с комбатом Григорием Чередниченко, моим бывшим заместителем по строевой. Я на террасе одного дома, он на террасе другого. Вдруг вижу, как под его террасой преспокойно тащится гружёный мул, которого ведёт немец в форме и с оружием. Терраса высоко над землёй, и Григорий его не видит.

– Гришка! Немец!

– Да где?!

– Да вон!

– Да где?!

– Да у тебя под носом!

Выскакиваем и разоружаем его. Оказывается, он спокойно разъезжал у нас в тылу и собирал продукты на хуторах. Набрал полные вьюки и возвращался в свою часть. Отправили его в тыл, а продукты реквизировали.

Во второй половине апреля вели бои в районе Форау. Мой батальон вырвался вперёд, наступая на правом фланге полка, а соседей слева немцы задержали. Так мы оторвались километра на два, основными силами выйдя к не обозначенной на карте дороге. Это меня озадачило. Уже смеркалось. Решил остановиться, позвонил комполка. Тот сказал, что утром будет выравнивать фронт. Заночевали на хуторе в три-четыре дома.

Утром меня разбудила сильная стрельба в нашем тылу, связи с полком не было. Послал разведку. Вернувшись, разведчики доложили, что немцы на лёгких танках разогнали наш хозвзвод, заночевавший километрах в двух позади от нашего батальона на маленьком хуторе у просёлка, проходящего справа от нашего батальона.

Перегруппировываю батальон и веду его к злосчастному хутору, последние сотни метров ползём. Там, где стоят немцы, просёлок выходит на опушку. На её краю стоит батарея, несколько дальше домик, в котором располагалась прислуга орудий. Мы лежим в ста метрах от батареи, а затем подползаем вплотную. В этот момент нас заметили с бронетранспортёров. Но поздно! Рванули на «ура» и смяли гитлеровцев. Слева, с той стороны, где был наш хозвзвод, ударили из крупнокалиберного пулемёта. Разворачиваем пушки и обстреливаем хутор. Через полчаса всё было кончено. Немцы отошли, и мы соединились со своими.

Товарищи уже знали, что мы пробиваемся. Им были слышны не только выстрелы, но и наше «ура». «Василь подходит», – говорили знакомые ребята. Немцы от нашей решительной атаки порядком растерялись, и весь полк устремился на преследование...

Наш батальон вышел к идущему почти вдоль линии фронта шоссе, по которому мчалось десятка полтора немецких грузовиков. Приказал обстрелять первые две машины из крупнокалиберных пулемётов. Колонна остановилась, из кабин посыпались водители. Сначала залегли, хотели отстреливаться, но, вероятно, увидев всю массу наступающих войск, подходящих к шоссе, сдались. Осматриваем машины. В кабине первой лежит какая-то женщина в гражданской одежде – её, наверное, убило с первых выстрелов. Одна из бесчисленных трагедий огромной войны. Куда она ехала с военной колонной, зачем...

Весь груз и исправные машины – наши трофеи. Докладываю в полк, ответ краток.

– Двигайтесь дальше, трофеи заберём и без вас!

Чем дальше на запад, тем выше горы. В этих местах мы стали встречаться с влассовцами. Последние, пользуясь глухими горными тропами, пытаются уйти к американцам.

Население здесь, в Австрии, не разбегается, как это было в Венгрии. Если немцы ушли, то над каждым домом висит белый флаг – верный признак того, что гитлеровцев в этом населённом пункте нет. Мне здесь очень нравится природа, нравятся ухоженные и уютные хуторки и сёла, поражает чистота во дворах и домах. Но крестьяне против венгерских заметно беднее, пахотной земли мало, и ценится она очень дорого. Немцы, отступая, всё вывозят, продуктов почти нет, население голодает. К нашему приходу остаются в основном женщины и дети.

Покончив со своими ратными делами, уже в темноте делимся с ними тем, что имеем. И в дальнейшем, уже после завершения боевых действий, приходится подкармливать население со своих кухонь. Австрийки предлагают свои услуги по кухне даже за остатки пищи...

В первых числах мая мы вели бои северо-западнее местечек Фридберг, Мёнихкирхен, а 8 мая солдатское радио донесло до нас весть о том, что завтра кончается война. После обеда позвонил мой хороший знакомый, первый помощник начштаба полка капитан Шапкин.

– Василь! Особо не старайся! В 2 часа ночи по местному времени будет объявлено перемирие.

До двух ночи не спали, сидели в окопах, постреливали из всех видов оружия, в два часа всё смолкло. Тишина. Перестали запускать ракеты немцы. Позвонил комполка. Говорил сдержанно и буднично, но в голосе прорывались торжественные нотки.

– Боевые действия закончены! Ура!

Передали его слова по траншеям. Победа!

Бойцы стреляли в воздух, каждый стремился вложить свою радость в салют. Долго звучали пистолетные и пулемётные выстрелы...

Утром я послал разведку – в немецких окопах противника не обнаружено, видно, снялись и ушли по темноте. Рассвело. Выстроил батальон, поздравил всех с Победой и поблагодарил за верную службу Родине. Затем по приказу комполка двинулись в горное курортное местечко Пайербах, недалеко от большого города Грац.

Где-то впереди наши подвижные части резко вырвались вперёд, на запад, препятствуя отходу противника к американцам. Может, задержали и тех, кто почти полтора месяца пытался остановить нас в австрийских Альпах, а потом так тихо покинул поле боя...

В Пайербахе и окрестностях наш полк охранял железнодорожные мосты и туннели. Это было совсем не лишним: по лесам и горам ещё какое-то время бродили недобитые гитлеровцы. Так простояли до середины июля. Мы гуляли по посёлку и окрестностям, смотрели на высокую гору, на которую вела канатная дорога, на вершине был ресторан, где до войны веселились богатенькие. Сейчас дорога была разрушена, ресторан не работал. Была чудесная погода, распускались сады, сверкали свежей листвой леса, и этот расцвет природы отвечал нашему настроению, которое было прекрасным, несмотря на хоть и мирную, но суровую жизнь в этом красивом уголке.

В местечке не было никакой торговли, население не обеспечивалось ни продуктами, ни промтоварами – всё это пришлось налаживать советским тыловикам.

В июле дивизию передислоцировали в Румынию. Незадолго до этого мне пришло направление на курсы «Выстрел» в Москву. Для меня это была большая радость: конечно, я хотел остаться в армии, хотел служить! Тяжёлая война ушла в прошлое, мне было всего 23 года и казалось, что всё впереди. Ведь жизнь ещё только начинается! Но беды и неприятности стерегут нас там, где их не ждёшь. На марше в Румынию я умудрился упасть с лошади, сломал ногу и вместо курсов «Выстрел» попал в госпиталь в венгерском городке Кечкемет.

Долечивался уже в Румынии, в городишке Браилов. Здесь нашу дивизию расформировали, дослуживал в резервной роте на Украине, в Черновцах. Армия спешно сокращалась, а здешние кадровики вели свою работу формально, не считаясь ни с нашими желаниями, ни с нашим фронтовым опытом. Когда стало ясно, что увольнение из армии – вопрос времени, подал заявление на демобилизацию. Был апрель 1946 года. Тогда же отпустили и мою жену, с ней познакомился в госпитале Кичкемета, а расписались в нашем посольстве в Бухаресте. Вскоре мы отправились на мою родину.

Записал Леонид Иванович Морозик
1981, 2019,
пос. Шиханы-1



**Пётр
СВИСТУНОВ**

МНЕ ДВАДЦАТЬ ДВА...

В синем море под водою,
На огромной глубине
Корабли лежат веками
И хранят забытый клад.
Глубже моря – только чувства.
В глубине души моей
Дремлет, словно поджидая
Своего аквалангиста,
Клад, потерянный когда-то, –
В море злости и обиды
Затонувшая любовь.

В ясный день и в мрачное ненастье
О душевном я прошу тепле.
Я хотел бы умереть от счастья,
Если б было счастье на Земле.

МНЕ ДВАДЦАТЬ ДВА...

Мне двадцать два, и в возрасте моём,
Каким бы это ни казалось странным,
Мой дед уже женился, стал отцом,
Да и отец ухаживал за мамой.

Моя судьба отнюдь не такова.
Мне двадцать два, а чувства словно мёртвы.
И лишь с глухой тоской вздыхаю я,
Узнав, что друг поссорился с четвёртой.

-
- Пётр Вячеславович Свистунов родился в 1995 году. Публиковался в «Литературной газете», журнале «Бийский вестник» и сборнике «Поэзия XXI века» издательства «Бёркхаус». Победитель IV межрегионального конкурса «Золотой микрофон» в номинации «Авторское слово» и финалист чемпионата «Дыши поэзией» в номинации «Поэзия». Живёт в г. Химки Московской области.

Мне двадцать два, и творчества угар
Мне заменил страстей любовных голод.
Для лёгких отношений слишком стар,
А для серьёзных, право, слишком молод.

ХОЛОДНОЕ

Снова настала осень.
Просим тепла у Создателя,
Сидя ночами возле
Электрообогревателя.

Кофе глотая молотый,
Твержу и твержу: «Небожители!
Снова темно и холодно
Стало в моей обители».

Халатом пуховым греясь
И не выключая конфорки,
Снова замазкой клею
Щели в оконных створках,

Где за стеклом качается
Луна половинкой диска...
Терпение истощается –
Зима ведь и вправду близко.

В ответ лишь молчание. Попусту
Обманутое поколение
Просит ночами у Господа
Скорее включить отопление.

Крепись, из гребня вынимая
От жизни поседевший волос, –
Ведь всё, что нас не убивает,
Потом попробует ещё раз.

К 75-ЛЕТИЮ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Победа начинается с того,
Что ты бросаешь грустный взгляд назад –
На залпами сожжённое село,
Куда вступает твой заклятый враг.

Победа начинается, когда
Иссякли силы дальше отступать,
Сдавать врагам родные города,
Друзей в сырую землю зарывать.

Победа создается в тот миг,
Когда сосредоточен на одном:
Любое место, где родной звучит язык,
Так дорого, как материнский дом.

Победа прорастает из любви,
Когда последнее боишься потерять –
Когда лицом к врагу, а позади
Осталось то, чего нельзя отдать.

Пускай терзают зимние ветра
Под Ленинградом или под Москвой;
Но если за тобою правота –
Останется победа за тобой.

Пусть кажется: во времени сгорят
Победы, на которых мир мы зиждем,
Но вспомнят внуки – и благодарят,
Когда минует четверть века трижды.



**Евгений
НОВИКОВ**

Окончание. Начало №№ 3–4 2019

«ГЕНИАЛЬНЫЙ СКУЛЬПТОР С БЕРЕГОВ ВОЛГИ»: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Дмитрия Цаплина

ПАРИЖСКИЕ БУДНИ СКУЛЬПТОРА (1927–1929)

*Я здесь в гостях.
Поработаю, поучусь и вернусь домой...*

Д. Ф. Цаплин

Первая страна, куда приехал скульптор, была Франция. Париж конца 20-х годов являлся мировым центром художественной жизни. Здесь работали такие известные скульпторы, как Майоль, Бурдель и Деспю, группа анималистов – Мартель, Лассер и Помпон. Попасть сюда было заветной мечтой для большинства начинающих, пробующих и ищущих себя поэтов и писателей, скульпторов и художников, артистов и драматургов. Все в каком-то умопомрачительном творческом угаре, в упоении искусством, в предчувствии славы! Но большинство бедны как церковные мыши и должны думать о хлебе насущном. Кому-то удаётся, кому-то нет, кто-то голодает и добивается признания, а кто-то просто спивается...

В Париже Дмитрий Филиппович поселился на небольшой и тихой улочке, носящей имя Жана Буссенго, на нижнем этаже скромного отеля в доме № 53 бис, расположенном недалеко от парка Монсури.

После внимательного изучения жизни и творчества Дмитрия Филипповича приходишь к выводу, что всё, что с ним происходило, имело свою определённую закономерность. Так и в данном случае: выбор мастерской на улице, носившей имя прославленного учёного Жана Буссенго, – знаменательный знак. Ведь и Жан, и Дмитрий вышли из народа и добились признания своей целеустремлённостью и упорным трудом.

Помещение состояло из двух комнат: большой и просторной мастерской с каменным полом и высоким застеклённым потолком, где скульптор работал, и жилой, отделённой от мастерской тремя ступеньками. Здесь же, в мастерской, он выставил свои уже готовые работы (шестнадцать скульптур) и начал работать над новыми.

Вторая комната была значительно меньших размеров, с таким же стеклянным потолком, как и мастерская, в котором имелась рама, открывавшаяся с помощью верёвки.

Жил скульптор в спартанских условиях. Мебели не было, а вместо неё стояло несколько деревянных ящиков, заменявших стол и стулья. В углу комнаты находился платяной шкаф, а вдоль стен тянулись полки. В противоположном углу «располагалась огромная кровать XIX века, под балдахином из изъеденного молью пурпурного бархата». И всё! Ничего лишнего, только самое необходимое. Потому что если Дмитрию что-то мешало сосредоточиться, то он испытывал сильное беспокойство.

Разместившись в отеле, Дмитрий повесил на двери своей мастерской табличку: «Советский скульптор Д. Ф. Цаплин». Надо отметить, что на всех заграничных выставках, в которых Дмитрий принимал участие, он выставлялся под советским флагом. Он понимал, что Советская власть дала ему, малограмотному крестьянину из глухой Саратовской губернии, возможность заниматься любимым делом и добиться таких высот в искусстве. Поэтому он чувствовал себя обязанным своему народу, рабоче-крестьянской власти. Дмитрий Филиппович часто повторял: «Это не мои работы. Вот тут нет ничего моего. Это – ваше...»

Режим трудового дня скульптора Цаплина был постоянен, подчинён работе и не менялся практически десятилетиями. Каждое утро Дмитрий Филиппович спускался в мастерскую и обливался ледяной водой. После чего шёл за покупками. Благо, далеко не надо было ходить. Улица, где располагалась мастерская, с раннего утра до обеда была импровизированным рынком.

Дмитрий Филиппович привык сам заниматься домашним хозяйством и особенно любил готовить. Готовил прямо там же, в мастерской. И, как всякий старый холостяк, считал, что такого супа, какой готовит он, ни в одном парижском ресторане не попробуешь. На вопрос: «Почему?» – с крестьянской хитринкой в глазах отвечал: *«В суп добавляю немножко души, и он от этого только выигрывает...»*

Затем Дмитрий отправлялся в поход по музеям и выставочным залам Парижа. Скульптор считал это частью своей заграничной учёбы. «Столица искусств», как именовали в то время Париж, открыла перед советским скульптором свои сокровища и захватила его своими музеями и картинными галереями, садами и парками, дворцами с величественной архитектурой ранней готики. Он с жадностью всматривался во всё новое, изучал, что-то принимая, а что-то отвергая. Цаплин воочию видел искусство Передней и Восточной Азии, Египта и Европы. Однако, несмотря на свою впечатлительность, он не поддался ничьему влиянию, остался самим собой. Дмитрий Филиппович Цаплин был подлинным самородком и, как точно подметил заслуженный художник России Г. В. Животов, ученик великого мастера, *«являлся русским космистом, ообразителем возвышенного телесного образа».*

Одним из любимых мест скульптора стал музей Гимэ, где была представлена обширная коллекция египетской, древнеиндийской, китайской и японской скульптуры.

В этом музее Дмитрий Филиппович увидел те чудеса, о которых зимними долгими вечерами рассказывала ему в Саратове его домашняя хозяйка и учитель Александра Васильевна Горяйнова. Он был просто потрясён. Часами созерцая в музее древнеегипетские скульптуры, Цаплин убеждался, что его первая догадка, вспыхнувшая в голове во время посещения древнего турецкого кладбища на Кавказе, где он подолгу рассматривал скульптуру барана, верна. Славянская скульптура действительно уходит корнями в Древний Египет и Древний Восток. Во Франции Дмитрий всерьёз увлёкся каменной скульптурой средневековых соборов. Его поразили их мощь и в то же время аскетическая красота и удивительная психологическая выразительность. Под впечатлением увиденного скульптор *«создаёт «готический» вариант «Гаммы» и «кубического» «Человека с шаром» (1928–1931)...»*

15 мая 1934 года Д. Ф. Цаплин отправил письмо М. Горькому, а также в газеты «Известия» и «Правда», в котором высказал своё мнение по поводу проекта Дворца Советов в Москве:

«Считаю долгом высказать моё мнение о представленном проекте Дворца Советов. Может быть, моё замечание принесёт пользу. Товарищи, прошу слова.»

Постройку Дворца Советов не следует громоздить в облака... Мы не будем строить свой Дворец, как американцы строят свои богоскрёбы. То другое дело. Будущий Дворец Советов должен быть высокохудожественным произведением, которому предстоит заглянуть в тысячелетия истории будущего.»

Дворец Советов требует быть построенным крепко, фундаментально. Корень советской архитектуры и скульптуры находится в египетских и восточных образцах. Европейский классический стиль не наш, не советский. Я люблю большое, глубокое в искусстве и потому преклоняюсь перед мудростью древних мастеров...

Товарищи, пишу так, ибо искренно желаю, чтобы Дворец Советов был образцом искусства. По опыту моего труда знаю: хорошо подготовленная, хорошо продуманная работа успешнее выполняется. Иначе приходится чесать за ухом.

Земно кланяюсь всему СССР.

Скульптор Дмитрий Цаплин»

После посещения музея или выставки скульптор принимался за работу. Любимой рабочей одеждой Дмитрия Филипповича была старая, как он называл её, «накидушка». К этому времени это была сильно поношенная шерстяная накидка, привезённая им ещё из Саратова и служившая скульптору талисманом. Иногда он надевал клеёнчатый большой фартук, защищавший от мелких осколков, или халат. И вообще Цаплин любил носить свободные блузы или простые рубахи из сурового полотна, привычные с детства.

Дмитрий был очень подвижен и не мог сидеть «сиднем», может, поэтому он часто работал над несколькими скульптурами одновременно. Весь его день проходил в движении. Возможно, поэтому он и стал скульптором, а не художником.

Но не всегда задуманное получалось сразу. Приходилось переделывать порой уже готовую вещь. Так, например, однажды в Париже в своей мастерской скульптор разбил уже готовую фигуру слона.

«Был только слон, физическая анатомия, а меня не было...» – вспоминал Дмитрий Филиппович.

И это не единичный случай. Такая же история произошла и со скульптурой «Кошка». Есть ремесленники от искусства, которые, сделав вещь, всю жизнь гордятся ею. А есть гении, старающиеся выразить в скульптуре суть

данной вещи, её внутренний мир и именно в своей творческой манере. Таков был и скульптор Цаплин.

Сам Цаплин не раз говорил:

«Искусство должно поднимать человека до богоравных высот, а не снижать божественное до уровня быта. Иначе получится ширпотреб, а не искусство».

В отличие от современников, особенно европейских, делавших скульптурные композиции в изнеженных и утончённых формах, Дмитрий старался показать русский, даже, скорее всего, славянский, необузданный, свободолобивый и мощный дух.

По вечерам Дмитрий Филиппович очень любил гулять. Идя на прогулку, он одевался также чрезвычайно просто, и только по праздникам надевал свою любимую домотканую рубашку с васильками, подаренную ему отцом и вышитую старым и преданным другом – Доминикой Петровной Кравцовой. О ней он рассказывал так:

«Доминика – почему она на всю жизнь мне приятель: она мне вышила рубашку васильками. А то я оборвался весь – не в чем ходить было. Но рубашку я ту берёг и в Париж взял. Сурового полотна, а понизу васильки – ты знаешь... Вот вернусь домой и Доминике спасибо опять скажу!»

Он предпочитал два определённых маршрута: до укреплений, уцелевших ещё с 1871 года, и до расположенного недалеко от отеля парка Монсури. В этом прекрасном парке было большое количество аллей, водопадов и речушек. А в восточной части Монсури располагалось очень красивое озеро, облюбованное птицами, придававшими ему особую романтическую и уютную атмосферу. Здесь Дмитрий Филиппович любил часами наблюдать за поведением и жизнью пернатых.

А начиная с лета 1930 года Цаплин стал почти ежедневно бывать в городском зверинце, расположенном в Венсенском лесу. Богатая коллекция зоопарка потрясла воображение скульптора. Животные со всех стран мира были прекрасны своей неповторимой красотой. Звери содержались на воле, а не в клетках. Даже для опасных хищников железные прутья были заменены рвами с водой.

Под впечатлением увиденного в парке Монсури и Венсенском зоопарке в голове скульптора начали рождаться замечательные образы, которые Дмитрий начал воплощать в камне в своей парижской мастерской, но большинство работ сделал уже в Испании. Почему в Испании, спросите вы? Да потому, что в горной местности было множество природного камня разнообразной формы, послужившего Дмитрию материалом для его скульптур.

Несмотря на то, что Монпарнас славился большим количеством ночных баров, кафе и кабаре, где вечером можно было встретить Эрнеста Хемингуэя, Жана Кокто, Пабло Пикассо и других не менее известных личностей, а также кинотеатрами, где шли новинки мирового кинематографа, однако Дмитрий практически никогда не посещал их, считая это пустой тратой времени. Он всегда помнил, что послан за границу учиться и работать, а посещение этих заведений будет отвлекать его от поставленной цели.

ВЫСТАВКИ, ВСТРЕЧИ, ЗНАКОМСТВА

Обосновавшись в Париже, скульптор Цаплин практически сразу же начал выставляться. Так, уже в феврале 1928 года в «Салоне Независимых» экспонировались три его работы – «Волжский грузчик», «Танец» и «Страж».

Надо отметить, что «Волжский грузчик» просто ошеломил парижан своей новизной и мощью, а падкие до сенсаций газеты поведали читателям о *«гениальном русском мужике с берегов Волги»*. Молва о его необычных работах поползла по Парижу. В мастерскую скульптора стали заходить коллекционеры, коллеги по ремеслу и просто ценители искусства. Их привлекала необычность цаплинских скульптур.

Дмитрий Филиппович с юмором вспоминал, как перед открытием выставки в «Салоне Независимых» пришедшие первыми посмотреть на его скульптуры французские рабочие, окружив только что привезённого к зданию салона «Волжского грузчика», прямо на улице горячо и страстно спорили.

«Чувствовалось, что «Грузчик» им нравится, – рассказывал Дмитрий Цаплин. – И я не смог удержаться и не сказать, что это моя работа, что сам я русский, из России.»

Один из французов, прищёлкнув пальцами, сказал своему приятелю: «А! Я говорил тебе, что это оттуда...»

О работах скульптора Цаплина, представленных на этой выставке, газета «Тан» написала:

«В иностранном отделе две скульптуры приковывают к себе внимание своей силой и величию. Это «Страж» и «Грузчик», высеченные из стволов старого дуба русским скульптором Цаплиным. Сначала они дают своей тяжёлой массивностью, но при рассмотрении поражают и увлекают своими серьёзными достоинствами... Эти две фигуры были бы великолепными кариатидами для какого-нибудь Народного Дворца». (Сиссон Тьеболт. Салон независимых//Тан. 27 февраля 1928).

Французская критика высоко оценила работы скульптора.

«Цаплин считался очень талантливым и участвовал в различных выставках – даже в «Осеннем салоне» и в салоне Тюильри, куда жюри допускает далеко не каждого», – вспоминала впоследствии Т. Лещенко.

Первые три года (1927–1929) Дмитрий Филиппович принимает участие в «Осеннем салоне» (1928), «Весеннем салоне» (1929) и салоне Тюильри (1929), выставляя скульптуры, сделанные уже в парижской мастерской. Это целая серия человеческих лиц и фигур, птиц и животных.

Дмитрия Филипповича часто видели на выставках своих коллег, где он познакомился и подружился с близкими ему по духу, а впрочем, и по происхождению известными художниками Шарлем Деспю, Пабло Пикассо, Ханой Орловой, Осипом Алексеевичем Цадкиным.

В скульпторе Цаплине восхищались и вызвали уважение не только его талант, одержимость, аскетизм, но и его серьёзность и правдивость. Дмитрий всегда держал данное им слово.

В скромную мастерскую Дмитрия Цаплина часто приходили как русские, так и французские художники, скульпторы и просто ценители прекрасного. Надо отметить, что Дмитрий Филиппович со всеми, будь то торговец на улице или знаменитый маэстро, держался одинаково просто, без рисовки и фальши, но в то же время с большим достоинством... Малоразговорчивый, он резко менялся, когда затрагивалась тема искусства, интересно и своеобразно трактовал её.

Однажды в конце 20-х годов в его мастерскую пришла с внучкой Жозефина Бажо, учившаяся в своё время в Академии художеств в Мюнхене. Девочка долго ходила по мастерской от одной композиции к другой, с восторгом рассматривая работы скульптора. В этот момент двенадцатилетняя девочка поняла, что единственное желание в этой жизни у неё – стать художником. Этой девочкой была Ирина Ивановна Витман. Так, благода-

ря мудрости бабушки, водившей внучку каждое воскресенье по парижским музеям, выставкам и мастерским художников, Ирина нашла своё призвание. Бабушка ничего ей не рассказывала, только знакомила с миром искусства. Просто смотри, и всё! После этого посещения мастерской саратовского скульптора Дмитрия Цаплина Ирина написала в письме к своему отцу прощальные слова: «Папа, я буду художницей!»

ДМИТРИЙ ЦАПЛИН И ШАЛЯПИНЫ

*В русском искусстве Шаляпин –
эпоха, как Пушкин.*

М. Горький

Там же, в Париже, на одной из выставок Дмитрий Филиппович познакомился с художником Борисом Фёдоровичем Шаляпиным, сыном всемирно известного певца Фёдора Ивановича Шаляпина.

Борис и Дмитрий немного разминулись в Москве – Борис уезжал к отцу в Париж, а Дмитрий только что приехал из Саратова, так что их знакомство состоялось уже во Франции в 1928 году. У них оказалось много общего: увлечённость скульптурой, систематическое посещение выставок и музеев, любовь к природе, да и выставляться они стали практически в одно время. Дмитрий быстро и близко сошёлся не только с Борисом, но и с самим Фёдором Ивановичем Шаляпиными, который частенько заходил в мастерскую саратовского скульптора.

«Приходил Шаляпин, Цаплин был с ним на «ты». Цаплин говорил мне: «Шаляпин – это царь людей!» – вспоминала Т. Лещенко.

Это была не просто дружба русских людей на чужбине, как это часто бывало, а дружба русских гениев. Шаляпин восхищал Запад русским певческим искусством, а Цаплин – своими скульптурами, уходящими корнями к древним славянам.

Великий русский певец любил бывать у Дмитрия Цаплина, с восхищением рассматривал работы скульптора. Фёдор Иванович очень хотел, чтобы именно Дмитрий запечатлел его, обязательно в образе Мефистофеля или Демона, считая, что только Цаплин хорошо понимает его внутренний мир и характер. Он говорил, что только в скульптуре можно в полной мере выразить всю мощь его таланта.

Уже было куплено добротное ореховое дерево, оговорены все нюансы, но, к сожалению, скульптору так и не суждено было приступить к работе. Шаляпин уехал на гастроли, а Цаплин – в Испанию...

Однако знакомство с великим русским артистом не прошло даром. Оно оставило большой след в творчестве скульптора. Первый портрет Ф.И. Шаляпина Дмитрий Филиппович сделал в дереве, будучи ещё в Париже. Фёдор Иванович очень хотел купить его и долго торговался. Но Дмитрий Цаплин, помня своё обещание привезти все скульптуры на Родину, не продал и эту свою работу.

Впоследствии, уже дома, в Советском Союзе, образ талантливейшего русского певца не давал Цаплину покоя. Он неоднократно в течение двадцати с лишним лет возвращался к нему, стремясь выразить внутреннюю сущность великого артиста – вдохновенность и непреклонность.

ФРАНЦИЯ (1930–1931) ДЕЛА ДОМАШНИЕ

Скульптор Д. Ф. Цаплин на вершине своей славы! Казалось бы, цель достигнута. Однако Дмитрий продолжал упорно трудиться, совершенствуя свой профессиональный уровень. Не забывал он и о своих близких, живших в российской глубинке. Постоянно с ними переписывался, интересовался их жизнью и рассказывал о своих планах, о своей жизни в Париже.

В начале 1930 года он получил письмо из дома, из которого узнал, что любимый старший брат Пантелей подлежит раскулачиванию и выселению в Среднюю Азию. Это было для Дмитрия сильный удар. Его отец и родные всю свою жизнь работали не разгибая спины, а теперь они – кулаки, мироеды. Находясь во Франции, Дмитрий не знал, что в СССР в эти годы началась кампания по раскулачиванию. В марте 1930 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств». «Только в Баландинском районе за 1930 год было изъято 400 дворов», – отмечает Л. Куликова в своей книге «Хроника судьбы Евгения Цаплина».

Потрясённый до глубины души, Дмитрий Филиппович пишет заявление на имя генерального консула СССР в Париже Н. Н. Кузьмина с просьбой объяснить, как многолетний крестьянин, всю жизнь работавший для других, попал в список кулаков.

Н. Н. Кузьмину было не до заявления Дмитрия: в СССР зрел очередной заговор по захвату Троцким власти. Поэтому он отправил через секретариат запрос в Нижне-Волжский крайисполком дать разъяснения в связи с раскулачиванием П. Ф. Цаплина и отбыл в Союз на очередную руководящую должность – начальника Политического управления Сибирского военного округа (1931–1932).

Получив запрос, Нижне-Волжский крайисполком затребовал все документы на раскулаченного Пантелея Филипповича Цаплина. После предварительного изучения материалов этого дела выяснилось, что в списки кулаков Пантелей Цаплин попал на основании решения Особой комиссии по выселению кулачества. Не дождавшись ответа от генерального консула Н. Кузьмина, Дмитрий Филиппович сам написал письмо председателю Нижне-Волжского областного комитета с просьбой разобраться в данном вопросе и восстановить в правах брата Пантелея.

Прождав до весны 1931 года, Дмитрий Филиппович обратился уже напрямую к «Всесоюзному старосте». И только после вмешательства М. И. Калинина прокуратура Баландинского района начала пересмотр дела П. Ф. Цаплина.

«3 сентября 1931 г.
Париж

Дорогой брат!

Пересылаю тебе документ – твою характеристику. Я сделал всё, что мог. 31 июля через советского консула в Париже мною было послано письмо председателю Нижне-Волжского областного комитета, и 13 августа была послана копия с твоего документа в этот же облкомитет. Сейчас посылаю в Саратов ещё заявление о восстановлении тебя в [правах]. Скоро ли это будет, я не знаю...

Письмо сам не пиши, попроси Николая, моего крестника, он хорошо пишет письма, потому что ты так расстроен, что твои письма трудно читать. Пиши коротко и яснее.

Ну, мой дорогой брат, тяжело тебе, но потерпи ещё.

*Что делал этим летом ты сам и [твоя] семья?
Поклонись отцу и всем братьям.
Будьте здоровы.*

Ваш брат Д. [Дмитрий]

ЗНАКОМСТВО С ТАТЬЯНОЙ ЛЕЩЕНКО

Ещё одно крупное событие в жизни Дмитрия Филипповича Цаплина произошло в 1930 году – он познакомился с Татьяной Лещенко, ставшей впоследствии его гражданской женой и матерью его единственного ребёнка.

Татьяна Лещенко (1903–1998) родилась в Чернигове. Её отец – учёный-агроном, мать – пианистка. Окончила Пятигорскую гимназию и Екатерининский институт благородных девиц. В 1922 году переехала в Москву, где на курсах русского языка давала уроки иностранцам. Там же, на курсах, она познакомилась с американским юристом Бенджамин Пеппером и в 1924 году уехала с ним в Нью-Йорк без права въезда в СССР. «Мой муж Бенджамин Пеппер (1923–1930) был адвокатом и вёл в Нью-Йорке дела по литературным плагиатам. Он был умным и добрым».

В США Татьяна обучалась в школе журналистики при Колумбийском университете. В 1929 году была принята в американский Союз профессиональных актёров, играла на сцене нью-йоркского Театра новых драматургов.

Однажды в начале июня 1930 года Дмитрий собрался в музей и, как обычно, надел свой единственный костюм для выхода в свет. Высокий худощавый блондин с ярко-голубыми глазами, в светлом элегантном костюме, Цаплин походил на скандинава. На автобусной остановке, расположенной недалеко от парка Монсури, он обратил внимание на двух щебечущих молоденьких девушек. Одна из них, как потом выяснилось, была Татьяна Лещенко, другая – её подруга американка Патти. Он прислушался. Девушки говорили на незнакомом ему языке. Но, несмотря на это, то ли интуитивно, то ли ещё по каким-то признакам – теперь мы уже и не узнаем – он понял, что одна из них русская. Подошёл автобус, и все сели. Пройдя в салон, Дмитрий встал рядом с девушками и стал внимательно присматриваться к ним. Сработала профессиональная привычка художника – изучать понравившийся объект. Причём объектом изучения он выбрал не красивую девушку, а ту, что выглядела попроще. Через какое-то время он достал визитку и подал её девушке. На визитной карточке было напечатано по-французски: «Дмитрий Цаплин, скульптор», а внизу адрес: отель такой-то на улице Буссенго, 53 бис.

«Вы русская, я вижу. Я должен делать вашу голову. Я советский скульптор Цаплин, меня здесь знают. Вот мой адрес, приходите завтра ко мне в мастерскую. Я буду вас ждать. Непременно приходите!» – сказал Дмитрий.

На остановке у бульвара Монпарнас он вышел, но эта неожиданная встреча не выходила у него из головы. Да и девушки ещё долго обсуждали это событие и самого молодого человека. Потом решили навести о нём справки. И так как Патти была художницей, это ей не составило большого труда. От собратьев по кисти она выяснила, что «Цаплин считается очень талантливым и участвует в разных выставках...»

А в это время Дмитрий, напрасно подождав несколько дней, решил разыскать её сам. Он рассуждал так: раз мы сели на одной остановке, значит, она живёт где-то неподалёку, а раз так, то нужно просто обойти ближайшие

улучки и почитать фамилии жильцов на табличках, висящих на двери домов. В западных странах принято писать фамилии людей, проживающих в доме. И вот на улице Дуанье, находившейся по другую сторону парка Монсури, он увидел в одном из списков русское имя «Татьяна» и, решив, что это та, кого он ищет, позвонил в дверь.

«Обмотав голову мохнатым полотенцем, я открыла дверь. И обомлела: передо мной стоял Цаплин. Он вошёл очень решительно, но видно было, что страшно смущается.

– Я за вами! Обещали прийти, и нет вас! Пойдёмте сейчас ко мне в мастерскую. Я хочу сделать вашу голову.

Но я не пошла, а пригласила его позавтракать. Он не обратил никакого внимания на элегантную обстановку. Он ничего вокруг не замечал, сосредоточенный на мысли сделать новый скульптурный портрет».

А дальше... дальше было всё так, как у всех влюблённых.

«Цаплин ворвался в мою жизнь и вызволил меня из моего благополучия и бесцельности... Я влюбилась в него от всей души, и так же сразу он завоевал моё уважение. Даже тем, как нашёл меня. Тем, что не обратил никакого внимания на разницу между той обстановкой, в которой жила я, и его собственным бытом – всё он отнёс как пустяки. Не знаю, заметил ли он это? А сам он был беден – в огромной мастерской, кроме скульптур, ящиков да древней кровати, ничего не было. Но он этого не замечал, его не смущала «разница»: были только я и он», – вспоминала Татьяна.

Начались встречи, совместные прогулки, походы по выставкам и музеям. *«Мы с Цаплиным по нескольку раз в неделю ходили в Лувр. С утра я стала приходить к Цаплину в мастерскую, а поздно вечером он провожал меня домой».*

И, как у всех русских за границей, одна излюбленная тема – тоска по России.

«Я сильно тоскую по Родине, – сказала я. – А вы?» «А у меня одна нога всегда там, на Родине. Я здесь временно, чего мне тосковать! Ведь я – кусок русской земли. Я здесь в гостях поработаю, поучусь – и вернусь домой. А тосковать мне некогда, дел много!»

В конце августа 1930 года Дмитрий и Татьяна решили поехать отдохнуть на юг Франции, на Лазурное побережье. И 3 сентября они выехали в Кассисюр-мер, куда обычно летом съезжались художники, чтобы совмещать отдых на берегу моря с творческой работой.

Как оказалось, поездка в Кассисюр-мер стала отправной точкой для главного направления в творчестве Дмитрия Филипповича – анималистики. Основную массу своих скульптур, изображающих животных, он создаёт в течение пяти лет, начиная с поездки в Кассисюр-мер.

Дмитрий снял комнату в небольшом рыбацком посёлке в просторном доме, находящемся над скалистым обрывом. За окном их комнаты, выходящим на обрыв, далеко внизу день и ночь шумело и пенилось море. Было видно, как к молу причаливали небольшие судёнышки из Туниса (Северная Африка). Во дворе дома росли высокие сосны и дубы. В этой рощице хозяин разрешил скульптору работать. Именно здесь и была вырублена знаменитая «Кобыла». А дальше, как бы в продолжение рощи, тянулись виноградники.

На отдыхе Дмитрий Филиппович не изменил своей привычке вставать рано и, позавтракав, уходил с Татьяной на берег моря. Природа этого уединённого острова словно помогала скульптору. Скалы, окружавшие остров, давали куски камня разнообразной формы, море обрабатывало их и выбра-

сывало на песок. Не ленись, ходи и выбирай то, что тебе нужно. Тут же, на берегу, взяв привлёкший его внимание камень, Дмитрий долго всматривался в его очертания, а затем начинал работать. *«Он как одержимый высекал из камня одну за другой голову тигра, пантеру, других зверей... Возвращаясь домой, нёс их на плече и пел. Как мог он дотащить их? Ведь камни были тяжелейшие по весу...»* Некоторые скульптуры он делал за один день, работая с утра до позднего вечера, а на другие уходило несколько дней.

В перерыве на обед Дмитрий и Татьяна ели тут же, на берегу моря, сидя на старой домотканой «накидушке», привезённой из Саратова. В еде Цаплин был непривередлив и ел то, что и местные жители: *«...виноград, хлеб и сыр, запивали кьянти...»*

Однажды после обеда, когда Дмитрий и Татьяна сидели на «накидушке» и пели русские народные песни, к ним подошла незнакомая девушка и сказала: *«Как приятно в глухом французском городке услышать родные песни!»*

Они разговорились. Оказалось, что девушка была ученицей скульптора Фернана Леже, находившегося, как и Дмитрий Цаплин, здесь на отдыхе. Она была русской, и звали её Надей. Оказалось, что Надя безумно влюблена в Фернана и говорила только о нём. Надя и познакомила Дмитрия с Леже, а спустя некоторое время она вышла за Фернана замуж.

Вечером, на закате, Дмитрий и Татьяна возвращались домой. Цаплин шагал широко и вольно, не ощущая усталости, с чувством выполненного долга, словно он возвращался в родительский дом с полевых работ. Взяв на плечи высеченную за день скульптуру, он громко пел. А она, надо отметить, порой весила не один десяток килограммов! Почему после тяжёлого трудового дня он был бодр и весел? Да потому, что у него на родине это было нормой. Несмотря на тяжёлый крестьянский труд, с поля всегда возвращались с песнями.

Приехав из Кассиса, Татьяна перебралась к Дмитрию в его мастерскую, и они стали жить вместе. Татьяна вскоре забеременела, и 27 августа 1931 года у них родилась дочь Вера, в семейном кругу все её называли Алёна.

Дмитрий очень любил свою дочку, писал с неё картины, сделал её портрет в камне...

ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА. ПАРИЖ, 1930 ГОД

Осенью 1930 года в Париже в знаменитой галерее Слодена, находившейся на улице Фобур-Сент-Оноре, славившейся своими антикварными салонами и художественными галереями, прошла с огромным успехом третья персональная выставка Дмитрия Цаплина. Напомню, что первая персональная выставка состоялась в Саратове, родном городе скульптора, в начале декабря 1924 года. Вторая была в Москве в январе 1927 года.

На открытие персональной выставки Дмитрия Филипповича Цаплина пришло много известных людей, знатоков и любителей искусства, коллекционеров и представителей прессы. Было торжественно и многолюдно.

Дмитрий, высокий стройный блондин в элегантном светлом костюме, выглядел великолепно. Он держал себя так, словно персональная выставка в Париже для него дело привычное. Со всех сторон в адрес Цаплина сыпались комплименты.

«На выставке было представлено двадцать две работы из дерева и камня. Это уже известные скульптуры – «Весенняя песнь», «Танец», «Волжский грузчик», «Ноктюрн», «Часовой». И новые, созданные в Париже и ещё не выставившиеся работы скульптора – «Автопортрет», «Мужская голова», «Танцовщица», «Женская голова», «Женщина», «Купальщица», «Лев», «Львица», «Тигр», «Лошадь», «Кошка», «Птица».

В газетах появились восторженные статьи с фотографиями Дмитрия Цаплина. А некоторые эмоциональные французские критики назвали его «...гениальным русским мужиком с Волги».

Вот, например, что писала газета «Семэн де Пари»:

«Цаплин, мужик и дровосек, приехал из Саратова на Монпарнас со скудным багажом и несколькими стволами деревьев. Вот первая выставка скульптора Цаплина. Около двадцати произведений, различных по технике и замыслу, они заключают в себе прекрасные возможности. Мы видим в этих скульптурах талант, который ищет и горит, видим волю к исканиям, основанную на силе и чистоте линий и выразительности». (Фегдаль Шарль. Выставка Цаплина в галерее Слоден // «Семэн де Пари», 24 ноября 1930 года.)

Газета «Фигаро» тоже откликнулась на эту выставку статьёй крупного историка искусств и друга Родена – Александра Арсэна:

«Мне говорили о скульпторе Цапине как о вновь открытом гениальном мужике. Я весьма скептически отношусь к «гениальным» мужикам. Но должен признаться, что этот действительно является замечательным скульптором» (Выдел. Авт. – Е. Н.). (Александр Арсэн. Выставка Цаплина в галерее Слоден // «Фигаро». 30 ноября 1930 года.)

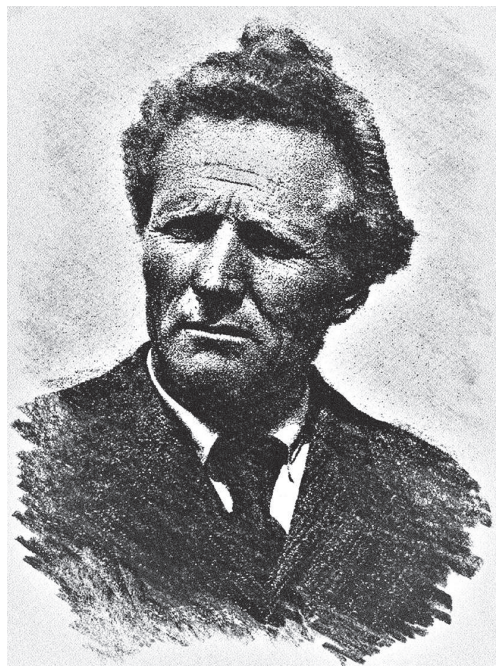
20 ноября 1930 года вышла заметка без подписи в «Нью-Йорк Геральд» (*New York Herald Tribune*) о работах Дмитрия Цаплина:

«Его «головы» имеют героические, волевые, напряжённые лица. Они вызывают в памяти легендарные песни о Нибелунгах, песнь о Роланде, скандинавские саги. Какая-то первобытная атмосфера исходит от этих скульптур. Их позы преувеличены, но в них прекрасная гармония линий, совершенная пропорция масс, подлинное вдохновение и душа».

А в «Дейли мейл» от 6 ноября 1930 года В. де Сантье писал:

«Цаплин создаёт прекрасные произведения. Его искусство имеет в себе величие, наивность и мощь средних веков, и чувствует, что он черпает из самых глубоких источников природы и жизни» (Выдел. Авт. – Е. Н.).

Реклама этой выставки была такая мощная, что молва о «гениальном мужике с Волги» проникла



Д. Ф. Цаплин. 30-е годы XX века

во все круги парижского общества. Посетил эту выставку и Жорж Сименон, ставший впоследствии знаменитым писателем детективных романов. О персональной выставке скульптора Цаплина Жорж Сименон писал: *«Он был одним из самых вдохновенных скульпторов, работал с исключительным мастерством и мощью. Меня буквально потрясло, что он принял обет служения святому искусству так же самоотверженно, как некогда принимали монашеский обет, что в сочетании с его талантом делало его человеком исключительным».*

Однако белоэмигрантская пресса очень холодно отнеслась к успеху Дмитрия Цаплина. Да это и понятно. Дмитрий не только не скрывал своего отношения к Советской России, но и намеренно позиционировал его, выставляясь под флагом СССР. Он чувствовал себя не только русским, но и глубоко советским человеком.

В статье С. Маковского «Скульптура Д. Цаплина» от 2 декабря 1930 года было написано буквально следующее:

«<...>Парижская критика очень сочувственно отнеслась к таланту русского самородка. Отзывы газет на редкость хвалебны, вплоть до сравнения с Роденом и Россо... На самом же деле Д. Цаплин – всего лишь обещающее дарование; ни о каком художественном явлении пока что говорить не приходится. Молодой скульптор не обладает ещё ни своей пластической выразительностью, ни тем паче своим стилем. Как большинство начинающих талантов, он послушен многим влияниям: то академически обычен, то импрессионистски упрощён, грешит подчас «старомодным» модернизмом».

В ходе выставки Дмитрию Цаплину стали поступать предложения о продаже его работ. Однако из-за огромной цены, запрашиваемой за свои работы автором (полмиллиона франков за скульптуру), превышающей стоимость произведений знаменитых Э. А. Бурделя и А. Майоля, ни одна из скульптур не была продана. Слуден предлагал Дмитрию в течение двух лет ежемесячно платить крупную сумму за его новые произведения, сделанные за это время. Цаплин не согласился, или, как он любил говорить, «не запродался».

«Названные суммы, – пишет в своих воспоминаниях Т. Лещенко-Сухомлина, – были своеобразной уловкой мужа, мечтавшего привезти свои скульптуры на Родину, в Советский Союз».

ПАБЛО ПИКАССО И ДМИТРИЙ ЦАПЛИН

Подобное притягивается к подобному...

В том же 1930 году в Париже произошло знакомство Дмитрия Цаплина с Пабло Пикассо, и произошло в характерной для Дмитрия Филипповича манере. Дело было так. Однажды утром скульптор отправился в галерею Поля Розенберга, расположенную на рю Бозэсси. Эта галерея была открыта в 1915 году и специализировалась на французской живописи XIX века (Мане, Моне, Ренуар, Писсарро, Сислей, Редон). На обратном пути Дмитрий вспомнил, что где-то недалеко находится дом Пикассо, где он проживал с ноября 1918 года (рю Бозэсси, 23 бис). Дмитрий Филиппович рассказывал:

«Смотрю: бежит белая собачка – и к дому. Ну, думаю, тут он и живёт! Позвонил. Вышла женщина, вижу, русская.

– Пикассо тут живёт? – спрашиваю я.

– Да, а вы кто? – говорит она.

– А я скульптор, Цаплин моя фамилия. Вот пришёл Пикассо повидать.

– Входите! – отвечает женщина, пропуская в дом».

Эта женщина оказалась русской по национальности и единственной законной супругой Пабло, матерью его старшего сына Пауло. Звали её Ольга Степановна Хохлова. А белая собачка принадлежала их семье.

Ольга отвела Дмитрия к Пабло.

«Пикассо по всему дому меня водил и всё мне показывал, – вспоминал Дмитрий Филиппович. – Даже то, что на выставках никогда не было, и это, по-моему, из всего, что он сделал, самое замечательное. Он мне столько картин показал! Он всё мастерство живописи превзошёл – он может писать в манере Веласкеса, Тициана. Он часто из озорства пишет, что Бог ему на душу положит! Он гениальный живописец! Из наших художников больше всего он любит и ценит Врубеля».

К сожалению, Пабло Пикассо никогда не был в России, хотя ещё в начале XX века собирался посетить её, где в это время вышло первое в мире монографическое исследование творчества Пикассо. Однако с русским искусством он был очень хорошо знаком и многих художников и скульпторов из России знал лично. Поэтому и к Дмитрию отнёсся по-дружески. Особенно импонировали ему непосредственность и восторженность русского скульптора.

Дмитрий Цаплин часто приходил в гости к Пикассо, причём в чисто русской манере – в любое время и без предупреждения. Но, несмотря на это, Пикассо всегда радушно встречал Дмитрия, показывая ему новые работы, рассказывая о задумках. Их встречи были наполнены разговорами об искусстве, новых планах и замыслах. Немногословный и сдержанный, Дмитрий в эти минуты преображался, вдохновлённо делился своими мыслями.

ИСПАНИЯ (1932–1934)

*Фанатик своего дела,
человек великих страстей
и, как многие талантливые люди,
со сложным и трудным характером –
масштабность его выражалась во всём.
Он не был гибким – он был глыбой.*

Т. И. Лещенко-Сухомлина

Испания начала 30-х годов – страна бурлящая, требующая реформ и преобразований. В апреле 1931 года был свергнут испанский монарх, к власти пришло республиканское буржуазное правительство. Начались массовые забастовки в Мадриде и Каталонии, а в Астурии (север Испании) в 1934 году произошло восстание рабочих. Военный министр Индалесио Прието принял решение «успокоить» бурлящую Астурию, выбрав для этой цели Франциско Франко, сделавшего всё, чтобы утопить восставших в крови. Особенно зверствовали отряды марокканских наёмников. Это была репетиция фашистского переворота.

В это бурное и политически нестабильное время Дмитрий Филиппович Цаплин, которому не так давно исполнилось сорок два года, решил поработать в Испании. Его ученица, американка Кей Холлистер, в девичестве Монтгомери, предложила скульптору поехать на Мальорку. Почему именно на Мальорку? Этот же вопрос задал ей и Дмитрий Филиппович.

— Да потому, — ответила Кей, — что вокруг только море и горы, остров малонаселён, да и иностранцев практически не бывает, а для скульптур можно использовать камни и куски местного мрамора, в большом количестве лежащие, в прямом смысле этого слова, под ногами. Кроме того, на острове есть музей естествознания с прекрасными образцами арабского искусства и готики, красивый парк Альбуфера с гнездовьями перелётных птиц, Ботанический сад с великолепной коллекцией растений Средиземноморья. Одним словом, идеальные условия для работы..

Правы древние, утверждавшие, что пути Господни неисповедимы. Так произошло и с Холлистер, случайно попавшей в мастерскую Дмитрия Цаплина. Она приехала в Париж учиться у скульптора Якова Эпштейна, но, увидев на выставке работы Дмитрия Филипповича, была настолько потрясена ими, что решила заниматься у него.

Здесь надо пояснить, что Дмитрий Цаплин, впрочем, как и Яков Эпштейн, любивший работать в уединении, был вынужден брать учеников, потому что тех денег, которые выделило ему правительство, не хватало даже на скромное проживание в Париже. Однако ни школы, ни учеников в привычном понимании у скульптора не было. Дмитрий Филиппович Цаплин не учил, а духом своим, устремлённостью, волей и неукротимой энергией зажигал в начинающих свой творческий путь скульпторах желание следовать за ним.

Так произошло и с Кей Холлистер. Дмитрий Филиппович звал её ласково, на русский манер — Кеша и считал одарённым скульптором. Но главное, что ему импонировало в Кей, — её упорство, с каким она занималась, порой по нескольку раз переделывала свою работу, добиваясь нужного ей результата. А Дмитрия Филипповича Кеша просто боготворила, и это, конечно, льстило скульптору.

Уезжая в Испанию, Дмитрий Цаплин не знал, как долго там задержится, и поэтому решил не отказываться от помещения в Париже, которое он снимал, а разрешил на время своей поездки поселиться в нём своему коллеге, советскому скульптору Георгию Лаврову.

ОСТРОВ МАЛЬОРКА

Мне хорошо, и я работаю...

Микеланджело Буонарроти

Приехав на Мальорку, Дмитрий Филиппович с семьёй поселился в небольшом рыбацком посёлке Поленса Пуэрто в старинном особняке, носившем название «Каза Сингала», то есть «Одинокий дом».

Особняк был просторный и состоял из четырёх комнат, объединённых большим общим залом. Вместе с семьёй Цаплиных в этом доме до осени жили Холлистеры.

Дмитрий Филиппович не любил терять времени попусту и сразу же погрузился в работу, а у дороги на воротах дома повесил такую же табличку, как и на двери парижской мастерской:

**Советский скульптор
Дмитрий Цаплин.
По четвергам и воскресеньям
от 4 до 6**

В эти дни – в четверг и в воскресенье – мастерская скульптора была открыта для посетителей и практически никогда не пустовала. Люди приходили посмотреть не столько на работы, сколько на самого скульптора из Советской России. Как уже отмечалось выше, эти события происходили до фашистского путча, организованного нацистской Германией, и ко всему советскому у испанцев был большой интерес и хорошее отношение.

В самом начале своего пребывания на острове знакомых у Цаплина практически не было, но постепенно, по мере распространения слухов о его необычных скульптурах стал складываться определённый круг друзей и знакомых. Так, например, вскоре после приезда Дмитрия к нему пришёл художник Тито Ситтадини.

Увидев работы скульптора, Тито был восхищён ими и стал уговаривать Цаплина продать или подарить несколько своих работ местному музею. Они часто беседовали о живописи, о развитии искусства на острове, о планах местных художников организовать здесь выставочный салон. Тито много рассказывал о своей родине – Аргентине, о красоте её природы и о многообразии неповторимого животного мира Южной Америки.

Однажды в мастерскую Цаплина зашёл американский художник-график Кадваладер Уошборн (ему в ту пору было 65 лет). В своей кипучей и насыщенной интересными событиями жизни он попробовал многое. Изучал природу и архитектуру, был военным корреспондентом и свидетелем революции в Мексике, а в 1925 году во время орнитологической экспедиции на Маркизские острова Уошборн, делавший зарисовки редких птиц и помогавший собирать птичьи яйца, случайно попал на малообитаемый остров, где жили людоеды.

Кадваладер Уошборн от природы был глухонемой и разговаривать с Дмитрием мог только с помощью жестов, но это не мешало им прекрасно понимать друг друга. Уошборн стал часто заходить в мастерскую Цаплина. Дмитрий был так восхищён волевыми качествами, упорством и оптимизмом этого неординарного американского художника, что решил сделать его бюст.

На Мальборке, впрочем, как и в Кассисе на Лазурном берегу, где обыватель сразу же расслабляется в блаженной неге, распорядок дня скульптора Цаплина оставался прежним. С раннего утра можно было увидеть, как высокий худощавый блондин, с натруженной от работы спиной, взъерошенными волосами на начинающей лысеть голове, иногда прикрытой соломенной широкополой шляпой, ходит по берегу залива с палкой в руках, словно грибник или охотник, высматривающий добычу. Вдруг он замирал перед лежащим камнем и долго о чём-то думал, всматриваясь в его очертания. В одном камне он видел притаившегося льва, в другом – раскинувшего щупальца спрута или необыкновенную рыбу... Иногда скульптор переворачивал палкой привлёкший его внимание камень. Порой здесь же, на берегу, начинал работать.

В таком режиме Дмитрий трудился до пяти-шести часов вечера, прерываясь только на обед, а на закате с Татьяной и дочкой Алёнушкой шли купаться. Затем, проводив их домой, Дмитрий направлялся к рыбакам, возвращав-

шимся с моря на закате, посмотреть на улов. Самый увлекательный момент наступал, когда рыбаки выгружали свою добычу. Чего только не попадалось в рыбацкую сеть! Вот где было раздолье для творческих фантазий! Ни один фантаст в мире не в состоянии описать многообразие цвета и форм этих удивительных существ.

Это был самый плодovitый и самый счастливый период в жизни и творчестве скульптора Дмитрия Филипповича Цаплина. Рядом любимая женщина и обожаемый ребёнок, великолепный климат и отличный материал для творчества – природный цветной мрамор лежал «прямо под ногами». У Дмитрия Цаплина была потрясающая способность: при создании своих скульптур он сохранял природную красоту камня. Однако, чтобы сделать из местного мрамора скульптуру, необходим и соответствующий очень прочный инструмент. Существует мнение, что скульптор работал как первобытный художник: отбивал куски мрамора другим более твёрдым камнем. Но авторы этой гипотезы забывают, что Дмитрий Филиппович в молодости был хорошим кузнецом и инструменты для себя всегда делал и затачивал сам, в том числе и на острове!

«Работно было! Два-три дня – и вещь готова. На одной только Мальорке было сделано около полсотни работ. Материал всегда под рукой. И солнце над головой. Кажется, сама природа была в моём распоряжении. Сказать по правде, там я впервые убедился, что умею работать. А какие там люди! Простые, душевные, а впрочем, как и везде, разные», – вспоминал впоследствии Дмитрий Филиппович.

Только один случай омрачил пребывание Цаплина на острове. Это коррида, или бой быков. Дмитрий часто и много слышал восторженных слов об этом зрелище и решил однажды вместе с Татьяной поехать в столицу острова, город Пальма, посмотреть на бой быков своими глазами.

«И вот тишина. Всё замерло. Человек отпирает дверь и прячется за неё. На арену выбегает бык. Он великолепен. Шерсть лоснится. В нём такая мощь, такая жизнь! Навстречу выходит матадор с красной мулетой, и бык как вихрь мчится к нему. Но едва уловимым грациозным движением, как в танце, матадор отклоняется в сторону – бык миновал его на миллиметр. Бык поворачивается и, низко наклонив голову со свирепыми рогами, снова бросается на матадора. Опять игра...»

Цаплин пришёл в ужас от этого зрелища, и мы тогда не замедлили бы уйти, но это было невыносимо, разве что по головам людей – так тесно сидели все на каменных сиденьях знаменитого «Плаза де Торрос».

Тоска и ужас спустились на нас. Нам хотелось одного: уйти, уйти от этого невыносимого зрелища. Наконец всё было кончено. Шесть прекрасных зверей убито. Несколько лошадей убито. Легко ранен один бандерильо...»

«Цаплин никогда больше не ездил на бой быков. Он видел в этом лишь жестокую бойню», – вспоминала впоследствии Т. Лещенко.

Дмитрий Филиппович был русским крестьянином и, естественно, не мог видеть, когда бессмысленно убивают животных. Ведь в России лошадь, корова и вол – это основные кормильцы семьи, и за ними принято хорошо ухаживать, так как в случае их гибели семья оказывается на грани смерти. Он был потрясён до глубины души этой бессмысленной бойней и под впечатлением увиденного создал свой барельеф «Коррида».

ТРИУМФ

*«...Его (Цаплина) произведения в мальоркском камне
стоят в ряду великой скульптуры всех веков»*

Испанская пресса

Мировая пресса 30-х годов двадцатого века не обходит вниманием творчество саратовского скульптора. Статьи о нём регулярно появляются в западных СМИ. Так, например, в газете «Мальорка сан» от 20 мая 1932 года Сабина Т. Леофф пишет:

«Дмитрий Цаплин возрождает нашу веру в искусство скульптуры, которым многие так долго злоупотребляли. Мы можем сказать, что, за исключением нескольких произведений, скульптура после Микеланджело была трафаретной и незначительной. <...> Во всех его произведениях есть фундаментальность и чистота. Трудно представить себе что-либо более одухотворённое и живое, более осязаемое и подлинное, чем цаплинские звери».

В этой статье впервые прозвучало сравнение творчества саратовского скульптора Дмитрия Цаплина с творчеством скульптора эпохи Возрождения Микеланджело Буонарроти.

А в 1933 году местное сообщество художников во главе с Тито Ситадини предложило Дмитрию провести свою персональную выставку в Пальме-де-Мальорка, где уже в мае этого же года он открывает выставку своих работ. Как и в Париже, она имела колоссальный успех.

В конце 1933 года скульптор ненадолго едет в Барселону, чтобы провести там свою очередную персональную выставку.

В конце ноября Цаплин перебирается в Мадрид, куда был приглашён показать свои работы в Музее современного искусства, и остаётся там до января 1935 года.

Узнав о готовящейся Международной выставке в Венеции, Дмитрий Филиппович Цаплин решает принять в ней участие, и в январе 1934 года обращается к полпреду в Риме В. П. Потёмкину и представителю ВОКСа в Италии о включении его работ в число экспонатов в Советском павильоне. Только после третьего обращения председатель ВОКСа в Риме ответил, что скульптур Цаплина на Венецианской выставке быть не может. Без объяснения причин. Дмитрий не знал, что эта выставка была слишком политизированной, шла борьба за умы западных обывателей, и было решено экспонировать работы из крупнейших советских музеев – Третьяковской галереи, Русского музея, Музея Революции и Музея Красной армии, а часть произведений была отобрана с выставки «15 лет Красной армии». Всё это: межведомственные распри и перестраховка чиновников – и послужило причиной отказа поместить скульптуры Дмитрия на Венецианской выставке.

В марте 1934 года в Музее современного искусства состоялась очередная персональная выставка скульптора, на которой было представлено на всеобщее обозрение тридцать три произведения в камне и дереве. Газета «Ла Насьон» писала 19 марта 1934 года:

«После некоторого времени, проведённого на Балеарских островах, после короткой выставки в Барселоне Дмитрий Цаплин наконец приехал в столицу Испании, где он выставляет в «Музео дель арте модерно» тридцать три произведения в камне и дереве. Эти скульптуры – прекрасные произведения истинного художника. Главные их черты – сила и жизнен-

ность. Сила, которая сначала нас просто потрясает, а также монументальность. Как сама эпическая скульптура, скульптура Цаплина, несмотря на небольшой размер, кажется грандиозной. Русский скульптор любит больше всего зверей и изображает их со всей присущей им вкрадчивостью и свирепостью. Из нашего испанского мрамора Цаплин сделал неповторимых львов, орлов, рыб и кошек. Произведения Цаплина по их законченности, по их монументальности, по гармоничности являются самыми значительными среди созданного современными скульпторами. Торжественность, сила и великолепная естественность являются главными чертами произведений Дмитрия Цаплина».

6 июня 1934 года вышла статья в одной из левых газет Мадрида под заголовком:

**«Советский скульптор Дмитрий Цаплин
представляет свои работы в Мадриде»**

«...Смотрите: рабочий. Рабочий и его машина. Скорее, просто рабочий, и ничего более. Не могу отделить одно от другого. Дмитрий Цаплин показывает мне скульптуру из мрамора, в которой человек, мускулы и пот как будто являются одним целым, одной буровой машиной.

...Худощавый, сутулый, очень светлый, с залысиной и расчёсанными по бокам волосами, Дмитрий Цаплин с очень живым и в то же время изучающим взглядом напоминает зубного врача. Говорит на французском, как будто набрал полный рот газированной воды.

– Меня не волнует точная анатомия, скульптура в классическом стиле. Я хочу показать внутреннюю силу, сущность этого объекта. То, что я хочу передать, – это могучая сила рабочих и их машин и что они едины.

– Поняли ли вас в Европе?

– В Париже – да. Там меня назвали гением. Но я так не считаю.

Дмитрий рассказал мне о своём детстве в деревне, которая находится на берегу Волги. Там его застала Октябрьская революция. Позднее Цаплин начал работать в Москве.

– Мои первые работы получили большой успех. Бюсты Ленина, изображения моего отца до сих пор находятся в национальном музее. О моей последней выставке сняли небольшой фильм, который показывали по всей стране.

Пользуясь паузой, задаю вопрос:

– Где вы учились?

Цаплин нахмурил лоб и перевёл взгляд в зал.

– Учиться? Я нигде и никогда не учился! – сказал он с гордостью.

– Почему? Разве в России нет школ для скульпторов?

– Множество. Но я там не учился. Я всему научился сам.

– Вы скоро вернётесь на родину?

– Нет. Я отсюда поеду в Италию на Международную выставку, которая пройдёт в Венеции. Потом я поеду в Северную Америку и уже оттуда на родину.

– Как восприняли ваши работы в Испании?

– Я думаю, что здесь, в Испании, не поняли моих работ. Все говорят: очень интересно... очень интересно... Но они не знают, почему эти работы очень интересны.

– А что вы скажете о наших скульптурах?

– В Испании много памятников знаменитым людям, но они все на одно лицо: тщательно отделанные морщины, костюмы, даже лампы на брю-

ках, но не видно индивидуальности этого человека, его характера. Всё портит страх оторваться от классики. Каждый раз, когда видишь перед собой скульптуру, не понимаешь, кто это, до тех пор, пока не прочитаешь надпись.

– А из современной скульптуры?

– Есть в Испании много очень сильных скульпторов с большим темпераментом и просто отличных скульпторов, но они никогда не отходят от классики. Им понадобится много времени, чтоб отделаться от этих никчёмных знаний, которые они получили в школах искусства.

Не отрывая глаз, смотрю на Цаплина, и невольно вспоминается монумент Сервантеса на площади Испании. Как же он прав...

Хосе Диаз Моралес»

Летом этого же года Дмитрий едет в Валенсию, где в июне проводит очередную персональную выставку своих работ в клубе ассоциации писателей и литераторов. На этой выставке Дмитрий Филиппович Цаплин расставил свои скульптуры на простых ящиках, покрытых грубым холстом, что валенсийцы расценили как «полное проявление демократических рабочих тенденций выходя из СССР».

В газете «Ла корреспонденция де Валенсия» от 6 июня 1934 года об этой выставке вышла большая статья:

«Скульптуры Дмитрия Цаплина»

В выставочном зале Валенсии публика восхищается тридцатью тремя работами скульптора Цаплина, которые он привёз нам показать. Его работы не такие, как все. Цаплин преувеличивает определённые детали для достижения большего впечатления. Очень часто этот метод используют поэты в своих работах, чтобы добавить новое значение уже забытому.

Цаплин прибыл в Валенсию уже после выставки в национальном музее современного искусства в Мадриде. Родом он из очень глухой, маленькой и отдалённой от крупных городов деревни.

– Я покинул свою деревню в 20 лет, – говорит он. – Меня призвали в армию. Во время войны, когда я находился в Турции, мне довелось увидеть персидские скульптуры, и они настолько вдохновили меня, что я решил быть скульптором. Когда закончилась война, я поступил учиться в школу искусств в Саратове, в Поволжье. Но проучиться я смог всего два месяца, потому что не выдержал ультраакадемического обучения той школы, и решил всему научиться сам.

– Моими мастерами, – добавляет он, – были великие античные скульпторы, в основном восточные и египетские мастера.

<...>

Мы спросили у Цаплина о его планах, на что он ответил, сморщив сильно-сильно лоб:

– Работать, работать, работать!

Произведения Цаплина очень разнообразны, это мы отметили ещё в начале нашей статьи. Он каждый раз удивляет нас абсолютно разными характеристиками, доминирующими в его работах.

Конечно же, перед нами великий художник и скульптор.

Все его животные выполнены настолько великолепно, что вряд ли кто-то сможет сделать лучше. Они детальны, динамичны, элегантны, абсолютно идеальны. Для этих работ использовались мрамор, дерево, гранит,

что придаёт ещё больше реалистичности этим работам. И передаёт их силу, их мощь, их ужас и свирепость. Эти скульптуры имеют приятный декоративный вид и могут быть использованы для украшения садов, в конечном счёте, они просто предназначены быть на открытом воздухе.

А портрет его прекрасной дочери... Его он выполнил из дерева. Скульптор вложил в эту работу всю душу художника и любовь отца.

<...> Мы очень довольны, что жители Валенсии продемонстрировали огромный интерес к работам Цаплина. И бесспорно то, что эти работы имели успех среди молодёжи Валенсии.

Неоднократно предлагалось представителям культуры не упускать шанса и приобретать подобные работы для украшения культурных заведений и таким образом делать вклад в культурное воспитание нашей молодёжи. Необходимо приобретать настоящие произведения искусства, а не их пластиковые копии.

*Дж. Манаут Ногузэ »
Англия (1935)*

В 1934 году, будучи ещё в Испании, Дмитрий Филиппович получил приглашение провести персональную выставку своих работ в Англии в Галерее Изыщных Искусств. Открытие выставки было намечено на 14 января 1935 года, и в начале января Цаплин приехал в Лондон и привёз с собой в Англию около пятидесяти своих скульптур. И здесь начались его мытарства из-за проблем с деньгами. Оказывается, на английской таможне необходимо было выкупать свои работы, для чего Дмитрию потребовалось 60 фунтов. Однако таких денег у него не было, и скульптор обратился к уполномоченному ВОКС в Великобритании С. И. Виноградову с просьбой о помощи и передал ему фотографии своих работ.

С. И. Виноградов посоветовал скульптору обратиться с этой просьбой к наркому А. С. Бубнову, а сам, решив перестраховаться, только через месяц направил фотографии вместе с докладной, в которой зондирует почву в отношении Д. Ф. Цаплина и его дальнейшей судьбы.

Дмитрий, подождав три недели, написал письмо наркому просвещения А. С. Бубнову, а второй экземпляр отправил в Москву в ВОКС.

Вскоре Дмитрий понял, что из-за финансовых проблем в Северную Америку, как он планировал, попасть не удастся. У него остаётся только один путь – домой, в СССР, о чём он пишет в письме наркому. Нужно отдать должное Дмитрию Филипповичу, что в этот тяжёлый момент у него и в мыслях не было сожалеть о том, что он отказался продавать свои работы. С присущим ему упорством он искал выход из трудной ситуации.

Цаплин не знал, что, пока он работал вдалеке от Родины, в СССР произошли большие изменения. Романтик А. В. Луначарский, и в суровые времена помнивший о незыблемости идеалов красоты, любви и добра как основе человеческой жизни, больше не был наркомом просвещения. Этот пост с сентября 1929 года занял А. С. Бубнов, к искусству не имеющий никакого отношения. В стране обострилась борьба за власть между Троцким и Сталиным, начавшаяся ещё в годы Гражданской войны.

Но Цаплин не знал об этом и удивлялся, почему нет никакой реакции на его просьбы. А ответ, как оказалось, был довольно прост. «Ответственным работникам» было не до какого-то скульптора Цаплина, перед ними стояли «глобальные» задачи. Не дождавшись помощи, Дмитрий был вынужден продать, по имеющейся информации, две-три свои работы в частные руки. «Голову Фавна» приобрёл частный коллекционер О. Фальк, а скульп-



«Голова Фавна». 1932–1934 гг.
Мрамор. Частная коллекция

лоб, щёки, сурово сдвинуты брови и губы. Откинута назад крылья шлема с огромной пятиконечной звездой. Неумолима поступь солдата революции, его движение к победе ничто не может остановить. Эта работа – предупреждение фашизму, поднимающему голову в Европе.

О выставке скульптора из Советской России писали газеты и журналы, представляющие весь спектр политической жизни страны – от левых до консерваторов. Все они были единодушны в оценке работ Дмитрия Цаплина. Так, например, лондонский журнал «Лефт ревью» в мае 1935 года написал:

«Эта небольшая и нерекламированная выставка в своём роде делает историю... Если бы лондонцы были более чутки, то должны были бы отметить шаг вперёд в нашем представлении о том, чем будет социалистическое искусство вскоре... Когда мы поворачиваемся к его «Рабочему с буром», к его «Человеку в берете», к «Голове солдата» в шлеме Красной армии, мы чувствуем, что они принадлежат камню столько же, сколько и его шедевры – звери, а они говорят нам не о деталях, а о самой сути. (Выдел. Авт. – Е.Н.) Моя похвала звучит, может быть, чрезмерной, но это то, о чём смеют мечтать скульпторы пяти шестых мира. Цаплин нашёл выражение для социалистической жизни, и оно хорошо. Я жду от него чудес.

Монтегю Слейтер».

А вот что о скульпторе Цаплине было написано в газете «Нью кроникл» от 8 апреля 1935 года:

«Новый подлинный гений приехал из степей. Его имя Дмитрий Цаплин. Под его рукой небольшой кусок мрамора становится столь пронизывающей красотой, что с трудом удерживаешься от того, чтобы его не похитить».

Находясь в Лондоне чуть больше полугода, Дмитрий Филиппович времени зря не терял и, несмотря на хлопоты по открытию выставки, продолжал работать над новыми скульптурами. За этот период им были созда-

птуру под названием «Птица» – лондонская галерея «Тейт».

После долгих мытарств открытие персональной выставки скульптора Дмитрия Цаплина в Лондоне в галерее у С. А. Осяковского, имевшего, кроме этого, в Кембридже собственную небольшую галерею «Experiment Gallery», состоялось только в конце апреля 1935 года. На выставке было представлено около пятидесяти работ Дмитрия, выполненных в камне и дереве. Это практически всё самое лучшее – львы и пантеры, кошки и птицы и, конечно, его потрясающий «Гамадрил». Среди человеческих фигур и портретов особо были отмечены «Симфония», «Алёнушка», «Фавн», «Мыслитель» и «Голова солдата».

Среди работ скульптора на этой выставке резко выделялся «Будённовец» (1918 год), начатый ещё в 1934 году на Мальорке и законченный уже в Лондоне. В каталоге выставки эта работа значилась как «Голова солдата». Грубо и просто вырублены нос,

ны образы советских девушек тридцатых годов: скульптуры «Комсомолка», или «Работница» (1935. *Песчаник. Государственная Третьяковская галерея*) и «Женский портрет» (1935. *Известия. 33x21x27. Музей изобразительного искусства Республики Карелия, Петрозаводск*), а также «Голова англичанина» — работа сделана под впечатлением от общения с лондонцами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ 1935 ГОД

Отправив семью в Советский Союз, скульптор занялся оформлением документов и погрузкой своих громоздких работ в товарный вагон для отправки их в Москву.

«Доброжелатели» советовали Дмитрию Филипповичу не возвращаться в Советский Союз: *«Зачем тебе Россия? Тебя там не поймут. Арестуют, сошлют в Сибирь...»*

«Поезжай в Италию, — говорил ему знакомый, который, может быть, по-своему даже любил скульптора. — В Италии оценят твоё искусство. Оттуда ты уедешь на белом коне...»

Кто знает, как повернулась бы судьба скульптора, если бы он послушал совета своих зарубежных знакомых. Смог бы до глубины души русский человек творить вдали от Родины?

Однако, помня своё обещание отцу, Дмитрий Цаплин возвращается в Советский Союз. Его зарубежная одиссея закончилась.

Цаплину 45 лет, он в самом расцвете сил, его труд на Западе получил высокую оценку, и он надеется, что найдёт применение своим способностям в своей стране. Он вступает в Московский союз художников. Получает жильё в Доме творчества «Абрамцево», где начинает работать над скульптурами наиболее привлекательных, с его точки зрения, людей, добившихся в своей сфере деятельности высоких результатов. Это скульптурные портреты В. О. Массалигиной (*Государственный театральный музей им. Бахрушина*), актёра МХАТ Н. А. Подгорного (1879–1947) (*Государственный театральный музей им. Бахрушина*), Ю. А. Завадского (*Нижнетагильский музей изобразительных искусств*), певца А. Л. Доливо, поэта Т. В. Чурилина, тещи В. Я. Яхонтова (*Государственный Русский музей, Санкт-Петербург*).

С большой любовью Дмитрий Филиппович делает портреты Героя Советского Союза, лётчика-испытателя В. П. Чкалова (1904–1938) (*Дальневосточный художественный музей*) и поэта В. В. Маяковского, олицетворявших, по его мнению, славу и мощь страны Советов.

Цаплин часто вспоминал свои встречи с Маяковским (1926–1927) и о поэте всегда говорил увлечённо и с неизменным уважением.

«Маяковский не просто поэт. Это святой поэт! Поэт-профок. Как Пушкин и Блок. Лично мне понятней и ближе Пушкин и Маяковский».

С присущим ему вдохновением он создаёт потрясающие скульптурные портреты поэта. В Государственном музее В. В. Маяковского находятся два изваяния Маяковского. «Портрет Маяковского Владимира Владимировича» (1934–1936). Третий «Портрет Маяковского Владимира Владимировича» (1936–1940) находится в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга.

В эти годы Дмитрий Филиппович работает над созданием скульптурных изображений руководителя Советского государства И. В. Сталина, писателя Л. Н. Толстого и поэта Н. А. Некрасова, продолжает работать над образом талантливейшего русского певца Шаляпина, стремясь выразить, как уже

отмечалось выше, внутреннюю сущность великого артиста: вдохновенность и непреклонность.

Словно бы отражая эпоху зарождения космонавтики, из-под резца скульптора появляется на свет его удивительный «Мечтатель», устремивший свои мысли к звёздам.

1938 ГОД

Жизнь в Москве протекала не без трудностей. Жизнь менялась, и скульптор, находясь восемь лет за границей, не заметил, как она изменилась к худшему, хотя ещё в 1932 году столкнулся с нарождающейся советской бюрократией.

Персональная выставка, которая ему была обещана сразу же по возвращении на Родину, не состоялась. Скульптору хотелось отчитаться перед страной за многие годы, но время шло, а выставка по разным причинам откладывалась. Главная официальная причина заключалась, конечно, в том, что искусство Цаплина не отвечало, по понятиям чиновников от искусства, духу времени. Но фактически собравшись по ремеслу, занимавшие руководящую нишу, просто отстраняли более талантливого конкурента.

Специальная комиссия Всесоюзного комитета по делам искусств, обследовав мастерскую Цаплина, отметила стремление к монументализму, декоративности и в то же время символизму, его подражание скульптуре модерна, а также Египту и Индии. Предложила тем не менее готовиться к будущей выставке проектов памятника, посвящённой ленинским событиям 1912 года.

Однако нужна была персональная выставка. Только она могла бы дать полное представление обо всём, что сделал скульптор. Но выставка так и не состоялась – ни до, ни после войны. В это время И. Хмарский пишет статью «Забытый скульптор» («Советское искусство». № 36, 20 марта 1938 года).

«...В 1935 году Цаплин вернулся в СССР. Первое время Цаплин многого не понимал, а после того, как его назвали формалистом, он совсем растерялся. В критический момент, когда художнику, повернувшемуся к реализму, надо было оказать помощь, руководящие художественные организации остались глухими к просьбам Цаплина.

Так трусость чиновников, потерявших голову при одном упоминании о формализме, привела к тому, что сейчас бездействует талантливый советский скульптор, богатый опыт которого должен быть использован в оформлении наших общественных зданий и площадей.

МОССХ должен наконец понять, что формалистические пережитки творчества Цаплина нельзя «изжить» постоянным замалчиванием скульптора. Только товарищеская критика поможет ему стать настоящим художником-реалистом».

С резкой статьёй «Бездушное отношение к талантливому скульптору» («Правда» от 22 сентября 1938 года) выступил заслуженный деятель искусств Игорь Грабарь. Он писал:

«...Случилось так, что скульптор Цаплин не понравился чиновникам, ведающим заказами на скульптуры. Чиновники из художественных организаций не попытались разобратся в творческих особенностях Цаплина. Боязнь работать с художником не совсем обычным, нарочитое замалчивание его творчества, нежелание помочь ему в то время, когда он мучитель-

но пытался нащупать наиболее правильный путь, – всё это оправдывалось ложным и вредным пониманием «борьбы с формализмом».

Скульптор Цаплин лишён дельной критики, товарищеского участия, необходимой помощи. Ему не создали элементарных жилищных условий. Организации, которые призваны заботиться о художнике, по-прежнему стоят в стороне. Изю дня в день, из месяца в месяц он обивает пороги Изоуправления Всесоюзного комитета по делам искусств, где сталкивается с равнодушием и волокитой.

Бездушно-бюрократическое отношение к талантливому скульптору Цаплину свидетельствует о неблагоприятном состоянии руководства Московского союза скульпторов и Изоуправления Комитета по делам искусств».

Заметка в «Правде» помогла Цаплину в получении квартиры, но дело с устройством выставки продолжало тянуться, а тут началась война, и вопрос был снят с повестки дня.

Поздней осенью 1941 года в Барнаул прибыли 50 художников и скульпторов из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, вместе с которыми приехала и семья Цаплиных. Их разместили в комнатке, расположенной в хозяйственной пристройке к краеведческому музею, где до конца войны он жил вместе с дочкой.

«Мы наконец в Барнауле, – вспоминала впоследствии о первых месяцах пребывания в Алтайском крае Т. Лещенко. – Город – глухая дыра, огромное село, разбросанное на огромном расстоянии. У Алёнушки тяжёлая корь, которую она подхватила где-то в дороге. Мы живём в малюсенькой комнатухе...»

Несмотря на трудности быта, Дмитрий Филиппович активно включается в творческую работу местного отделения Союза Советских художников.

«Цаплин в Барнауле стал другим человеком: поправился, хозяйничает, ходит на рынок, – пишет Лещенко в своих воспоминаниях. – А главное, уже сделал скульптуру – бюст Ленина. Барнаул для него море, в котором он как рыба в воде – в сущности, «столицы» не для него. А здесь ему всё родное: и рынок, и наша мрачная хозяйственная хозяйка, и наш маленький домик, и барнаульская глушь...»

Вскоре, не выдержав провинциальной жизни, Лещенко оставляет Цаплину дочь и уезжает в столицу. Однако, несмотря на семейные неурядицы, скульптор продолжает упорно трудиться над портретными скульптурами, в том числе героев Отечественной войны.

«Скульптуры он делал из дерева и камня. Старые толстые деревья, которые уже отживают в городском саду, резали на чурбаны и завозили в ограду музея товарищу Цаплину. Вот из этих чурбанов Цаплин делал великолепные скульптуры воинов-героев, бюсты знатных людей и выставлял эти работы на выставках», – пишет в своих воспоминаниях председатель Союза художников Алтайского края И. Е. Харин.

Эти работы экспонировались на выставках, проводимых в местном художественном музее (1942–1944).

В послевоенные годы Д. Ф. Цаплиным был создан целый ряд скульптурных портретов как в дереве, так и в камне. Это скульптурный портрет авиаконструктора А. М. Люлька, портрет композитора Хачатуряна, бюст поэта С. В. Михалкова, портрет писателя Н. С. Тихонова, портрет Героя Социалистического Труда Батдиева, портрет Героя Социалистического Труда Северной Осетии Е. В. Гуриева, и другие.



В мастерской скульптора Д. Ф. Цаплина

На протяжении почти тридцати лет, с 1938 по 1967 годы, в мастерской Дмитрия Цаплина, в подвале Старых торговых рядов недалеко от Красной площади (улица 25-летия Октября, дом 4) постоянно были посетители из всех слоёв общества.



«...РАЗДАРИВАТЬ СЕБЯ ЛЮДЯМ»



Павел Никитин

**Интервью
с Павлом Владимировичем
Никитиным,
директором Музея
саратовской гармонии
им. А. С. и В. А. Комаровых**

В Музее саратовской гармонии имени А. С. и В. А. Комаровых работает талантливый, неординарный человек – Павел Владимирович Никитин. Весёлый, красивый, общительный, он сразу берёт в плен обаянием и умением общаться с любым посетителем музея.

Павел Владимирович по образованию актёр театра и кино, окончил в 1981 году театральное училище в Саратове (курс Р. И. Беяковой). Отслужив в армии, он выступал, согласно выбранной специальности, на сцене, отдал дань и кино. Например, в 2014 году сыграл

роль знаменитого спортивного комментатора Николая Озерова в фильме «Легенда № 17» студии «ТРИТЭ» Н. Михалкова (режиссёр – Н. Лебедева) и завоевал приз зрительских симпатий на «Кинотавре» в Сочи.

За его плечами – работа в Саратовской оперетте, ТЮЗе, успешное озвучивание анимационных персонажей. Приверженность музыке привела в 1988 году к сотрудничеству с композитором В. Щежиным, группой «Анапа» студии А. Барыкина, А. Билем...

И вот музей. С порога понимаешь: всё здесь организовано не равнодушным человеком, а талантливым энтузиастом. Огромная гармонь при входе напоминает, что этот музыкальный инструмент – один из символов Саратова. Проводя экскурсантов вдоль огромных стеклянных витрин, Павел Владимирович подробно рассказывает о мастерах-умельцах, которые передавали своё мастерство из поколения в поколение, играли и на свадьбах, и на поминках, когда душе необходима была стихия радости или грусти...

С помощью современных музейных технологий все могут в мельчайших деталях увидеть непростой процесс создания гармонии. Те, кто часто проходит по проспекту Кирова, возможно, фотографировались у памятника саратовскому гармонисту напротив кинотеатра «Пионер». Павел Никитин поясняет, что у этой скульптуры есть реле, чтобы каждый час, например, в полдень, играть задорные мелодии в исполнении лучших гармонистов. А в музее директор и сам не прочь показать своё мастерство: вынимает из любой витрины сувенирную гармошку-сапожок или огромный баян – и стар, и млад тут же пускается в пляс!

Но есть у Никитина ещё одно давнее увлечение – живопись. Увлечение это обнаружилось в детстве и не отпускает и по сей день. На стене в директорском кабинете Музея саратовской гармонии – настоящий вернисаж: пейзажи и портреты.

Из беседы с Павлом Владимировичем узнаю, что он регулярно участвует в саратовских выставках: в Музее П. В. Кузнецова, в выставочном зале Фонда Союза художников, в вернисажах театра драмы им. И. А. Слонова... Несколько лет Павел Никитин принимает участие в Международном фестивале «Палитра мира», который проходит во Франции (реже – в Германии). Возит с собой конкурсные работы, но и гармонь не забывает!

Анна Морковина

А. М. Павел, расскажите об этом своём увлечении. Что пришло сначала: интерес к живописи или склонность к лицедейству?

П. Н. Увлечение рисованием появилось ещё в детстве. Первые шаги были на общих выставках в школе. Я рисовал сцены из «Руслана и Людмилы» – бой Руслана с головой, Руслана и Черномора...

Также с детства я любил перевоплощаться, пародировать. Например, обожал показывать Георгия Миллера в образе Бабы Яги из фильма «Морозко». Поступил в Саратовское театральное училище имени Слонова, окончил курс Риммы Ивановны Беляковой.

Первую персональную выставку акварели провёл в театральном училище в 1979 году. После выпуска, в 1984 году, я попал в Краснодарский драматический театр имени Горького.

А. М. Назовите хотя бы несколько своих театральных ролей.

П. Н. Первая роль у меня была – Гуркин в спектакле «Любовь и голуби», затем – Пётр в «Долорес и её сыновьях». Играл в спектакле по К. Чапеку (в нашей стране тогда был фестиваль чешской драматургии). Вернувшись в Саратов, я работал некоторое время в ТЮЗе у Юрия Петровича Киселёва.

А. М. А в Москву не хотелось? Ведь вытягивают же порой саратовцы счастливый билет?

П. Н. Было такое, я пробовался в Щукинское училище на курс к Рубену Симонову и Галине Яцкиной. При этом я уже был артистом Краснодарского театра, так что считал это тренингом. Прошёл два тура... Также я пробовался в ГИТИС к Касаткиной.

Но параллельно шла живопись! Устроил выставку в кинотеатре «Победа», и пошло!.. В Краснодаре были подготовлены две первые мои персональные выставки, одна из них – шаржи на артистов. На сегодня у меня уже более тринадцати персональных, десять областных выставок в Союзе художников России. При этом специального художественного образования у меня нет.

А. М. Расскажите, пожалуйста, про серию портретов актёров.

П. Н. Я написал ряд портретов известных актёров, связанных с Саратовом. Четыре работы (небольшого, «форточного» размера) у меня взяли

в театр драмы – это портреты Владимира Конкина, Ивана Артемьевича Слонова, Сергея Филиппова и Бориса Андреева.

Андреев был первым выпускником Слонова, в дипломном спектакле он изображал лай собаки за кулисами, а потом уже у Пырьева снялся в фильме «Тракторист». Было бы замечательно, если бы в Саратове появился памятник Андрееву, созданный нашими талантливыми скульпторами, такой, чтобы была понятна вся мощь этого удивительного актёра! Кстати, портрет Бориса Андреева, который я написал для первой областной выставки, сразу же приобрели, пришлось написать ещё один...

Любимый актёр у меня – Евгений Лебедев из Балакова. А вот – Борис Бабочкин (*показывает*), ведь «Чапаев» – мой любимый фильм. Александр Михайлов более десяти лет работал в театре драмы, а я запечатлел его в сцене из фильма «Любовь и голуби». Владимир Седов, Олег Табаков... Не только Олег Янковский, но и его брат, Николай Иванович.

Как же можно без Михалкова-Паратова! А исполнив в фильме роль знаменитого спортивного комментатора Озерова, я нарисовал и его.

А. М. Эта выставка постояннодействующая?

П. Н. Можно сказать – передвижная. Она уже побывала в Музее Н. Г. Чернышевского, в Саратовском техническом университете. Преподаватель университета Ольга Николаевна Дмитриева устроила нам встречу со студентами. Им было предложено угадать, кто эти артисты, чем знамениты. Ну, большинство артистов отгадали, ведь студенты смотрели фильмы «Чапаев», «Любовь и голуби»... Узнали Олега Табакова в роли Мальволио в «Двенадцатой ночи». А Владимира Седова знают не все...

А. М. А кто эта красивая женщина?

П. Н. Это мама, Розалия Дмитриевна. Она была музыкальным работником, потом заведующей детским садом. Мама за руку привела меня в ансамбль «Колокольчик» Дворца пионеров и школьников к Станиславу Николаевичу Попову. Папа мне подарил гармошку за шесть рублей двадцать копеек, и мне пришлось идти к маминому другу – они учились вместе в музыкальной школе: он – по классу баяна, она – аккордеона. Станислав Николаевич постучал карандашиком по подоконнику, проверил мой слух и сказал: «Приходи, слух есть».

Я пришёл и начал учиться. Два года просидел на ступеньках (в буквальном смысле: новички занимаются не в классе, а осваивают музыкальные азы за его пределами), потом сел в ансамбль и три года ездил с ним. За рубеж не брали – мне уже было пятнадцать лет, я вступил в комсомол... А во время службы в армии и в партию вступил. Это пригодилось: я стал депутатом районного Совета в Краснодаре, занимался вопросами культуры и спорта. Мне было тогда 27–28 лет.

А. М. В каких техниках вы работаете в живописи?

П. Н. Мне нравится открывать новые техники, пробовать себя в разных жанрах. Кроме масла, пастели, гуаши, я ещё занимаюсь граттажем – это процарапывание по нескольким слоям краски с парафином. Дополнительно делаются набрызги, получают интересные эффекты...

Мне нравится смешивать краски, использовать и масляную пастель, и гуашь. Нужно пробовать себя в разных техниках, не бояться ошибиться – ведь можно начать всё заново...

И ещё мне не нравится копить у себя наброски... Лучше раздаривать людям, которые могут тебя оценить! Мне и Римма Ивановна Белякова, мой театральный педагог, говорила: «Учись раздаривать всего себя»!

Мне нередко приходилось видеть, как картины выбрасывают, выставляют из дома... Помню и другой случай: когда художники переезжали с «насиженного места» (из мастерских на улице Советской), картины просто охапками выбрасывали на свалку. Но уже через несколько минут их все разбирали прохожие. Значит, люди у нас всё-таки тянутся к живописи!

А. М. У вас в нескольких работах присутствует морская тематика. Любимый художник – Айвазовский?

П. Н. Да, несомненно, Айвазовский вдохновляет... Но и море вообще – благодатный мотив для живописца. Даже если хаотично смешивать краски на полотне, они будут преломляться, играть... появляется глубина.

А. М. А ваши горы чем-то напоминают мне лермонтовскую живопись...

П. Н. Я люблю рассматривать пейзажи Боголюбова в Радищевском музее. Пытался подражать ему, но нахожу что-то своё...

А. М. Сегодняшняя молодёжь, мне кажется, редко заглядывает в музеи. Вы можете дать совет молодым художникам: нужно ли музеи посещать?

П. Н. Обязательно! Как же иначе научиться живописи?! Я в юности хотел научиться петь и, когда в пятнадцать лет у меня появился баритон, всё время бегал в оперный театр – слушал Брятко, Попова, Киселёва... Точно так же и с живописью: обязательно нужно посещать нашу «волжскую Третьяковку». Шучу, конечно, но, если бы мне разрешили поставить раскладушку в Радищевском музее, я жил бы там и всё время любовался шедеврами. Ведь учиться можно и молча: ходить, присматриваться, думать... Если художник не умеет думать, вряд ли у него что-нибудь получится.

Именно присматриваться, наблюдать нужно учиться молодым. Брать с собой блокнот, зарисовывать позы людей везде, например, в больнице или на вокзале. Это похоже на первые театральные этюды, их задают первокурсникам: передать походку, осанку... Почему он так ходит или сидит? Может быть, его образ жизни, профессия накладывают свой отпечаток? Мы все разные. Это касается даже умения смеяться или говорить...

А. М. Несколько лет вы участвуете в Международном фестивале «Палитра мира». Расскажите, пожалуйста, о нём поподробнее. Кто ещё из саратовцев там бывает?

П. Н. Фестиваль «Палитра мира» (он проводится в августе–сентябре, председатель – Клод Зигельмейер) объединяет многих творческих людей – музыкантов, поэтов, художников... Возраст участников не ограничен. Впервые этот фестиваль для нас открыл преподаватель Боголюбовского училища Алексей Чусляев в 2007 году. С 2013 года я посещаю международные выставки: ездил во Францию, в город Ла Бурбуль, Вьерзон, получил там дипломы: в 2013 году – первое место; потом, в 2014-м и 2017-м, – просто за участие.

Французы принимают нас прекрасно. Подают вино, сыр (однажды мы насчитали семь сортов). Мы обычно не можем удержаться и посещаем Париж. Вот видите: Эйфелева башня. Я был рядом с нею несколько раз. Люблю это сооружение, несмотря на то, что его ругали, оно красивое и стройное. Городок, где проходит «Палитра мира», небольшой – около 20 тысяч населения. Конечно, фестиваль получает освещение в местной прессе; я привожу с собой газеты на французском, немецком языках... На фестиваль приезжают люди различных национальностей, более чем из десятка стран. Несмотря на это, мы чувствуем себя единой семьёй.

В 2017 году уже отмечалось 10-летие фестиваля, и все участники получили памятные подарки. Чусляев тоже приезжал с дочерью: она пела, он писал... Приезжал саратовец Сергей Алтухов. Музыканты приглашаются для

того, чтобы открывать фестиваль на сцене Макнаб, закрывать его, проводить вечерами время под музыку.

А. М. И саратовская гармошка на фестивале прозвучала?

П. Н. Да, конечно! Я играл на гармошке, из Сызрани также приезжали народные исполнители, музыканты. Пели «Катюшу», «Валенки», «Я на горку шла»... Было весело. Потом я исполнял современные песни – Серова, например... Сейчас на «Палитру мира» поехали наши художницы, преподавательницы Боголюбовского училища, каждая с тремя работами.

В 2018 году фестиваль прошёл не во Франции, а в Германии. Радость, улыбки, посещение достопримечательностей... Мы съездили в Лейпциг – хотели послушать орган, Баха, но он был в ремонте. В основном находились в городе Галле (Халле).

А. М. Проводятся ли во время фестиваля мастер-классы?

П. Н. Да, например, для детей. Сергей Алтухов проводил мастер-класс по акварели, я обучал игре на саратовской гармошке. Я привожу с собой газеты на французском, немецком языках, буклеты Саратовского колледжа им. Ю. А. Гагарина. *(Музей саратовской гармоникой располагается на первом этаже в здании колледжа, на углу улиц Мичурина и Горького. – А. М.)* В сентябре 2018 года я приехал из Германии, где занял в конкурсе 3-е место, после Англии и Алжира. Мои работы понравились немецкому жюри. Члены его учились в Москве на художественных отделениях институтов; они нашли, что мои работы напоминают Левитана. В Германии нет серьёзного искусства – в основном кич. Поэтому мои работы выделялись колоритом, смешными размерами: 12x18. У меня купили одну работу, подарили хрустальный кубок-глобус, диплом. Остались хорошие воспоминания. Сейчас, будучи назначен президентом саратовского отделения «Палитры мира», ставлю задачу: искать новые таланты, рассказывать о фестивале, чтобы туда притекала «новая кровь».

Беседовала Анна Морковина



Елизавета
МАРТЫНОВА

Чувство родства

А.Г. Нестругин. *Осокори идут по краю. Стихотворения, короткие поэмы.* — М.: Редакционно-издательский дом «Русский писатель», 2018.

Я держу в руках книгу Александра Нестругина, подаренную мне автором. Я долго её перечитывала, возвращалась к ней. Редко бывает ощущение, что держишь вот так в руках воплощение человеческой жизни, нежное и лиричное. Это, видимо, оттого, что сам поэт ценит хрупкость и быстротечность каждого мгновения. Мгновения времени, дарованного человеку.

Это стихи, к которым хочется возвращаться, как возвращаешься к хорошему, надёжному и доброму собеседнику. Такие стихи нужно просто читать, переживать в глубине себя. Думаю, что на сегодняшний день это один из самых интересных современных лириков.

Поэзия Александра Нестругина отвечает ясностью тому, кто чист душой. Кто не будет искать «приёмов» и ложноклассической простоты. У него есть свой почерк, своя интонация. В его стихах нет игры. Читатель не замечает специальных литературных приёмов. Нет желания выдернуть какую-то красивую цитату, потому что каждое стихотворение органично и его хочется цитировать целиком.

*От капельницы — к венам...
Я — зябкой зыбью строк —
В кровь тех, кто мне поверил,
Давно по капле стёк.*

*Пусть век нудит, неспрошен,
Что не был на виду...
Я никого не брошу,
Когда от вас уйду.*

Мне очень близки стихи Александра Нестругина, посвящённые родственникам и родству. Нравится, как он пишет о войне и об отце, в войне участвовавшем. Вообще ему свойственно чувство

родства обострённое, чувство связи самого себя — с домом, природой, миром. Это ощущение передаётся и читателю — одновременно тёплое, надёжное и щемяще-грустное.

*С каждой осенью дни — холоднее,
Неотступнее дума одна...
— Вспыхнут клёны — и станет виднее:
На висках у отца седина.*

*Неотступная дума такая,
И обучена двум голосам:
— Как дождемки устало стекают...
— Как у мамы морщинки к глазам...*

(«Два голоса»)

Его стихи о родных и близких вписываются в историю страны так же, как простые — и при этом талантливые — фронтовые письма. И он точно и крепко понимает, что история и время, народ и родина складываются из простых и истинных вещей.

Одна из таких простых вещей — природа. Сказать, что автор чувствует природу, недостаточно. Скорее, природа «чувствует» его, пронизывает его своими токами. В ней нет никакой «красивости», но есть красота обыденности. И уже сам человек оказывается существом природным. Даже образы ушедших, умерших поэтов словно бы проступают из природы:

*Тихо прошли мимо толп драчунов
и кутил,
Будто Господь им заздравную чару
не налил.
Вышли поэты — все белым песочком
светил —
К плёсу ночному, где донником жёлтым
расплёскана налунь...*

Молча стоят. Но слова, что Россией
 больны,
 Что не давали скользнуть в это время
 пустое, —
 Неизреченные — долго и горько слышны
 В зябком, раскинувшем сонные реки за край
 мироздания русском просторе.

Что им сказать? Что всё тянутся, тянутся
 к ним
 Вётлы Тарусы и говор на камском
 причале?
 ...Тихо стоят, как вечерний नेताющий дым,
 Не укоряя за выпренность скомканной,
 сбивчивой речи — и не отвечая.
 Рядом стоят...

(«Прощальное»)

В этих стихах — крепкая связь с жизнью, понимание её гармонии, вечной правды. Одушевление не как приём — как реальность.

Я не знаю, кем я вам кажусь —
 Жёлтой налунью, белым туманом?
 Я и донником жить не стыжусь,
 Придорожным стулым бурьяном.

Не то чтобы нет у лирического героя страха перед бездной стихии и загадками природы, но родство преодолевает этот страх. Это очень важная черта, гармонизирующая стихи Александра Нестругина.

Быть простором — нет, не получилось,
 Быть дыханьем — может, научусь.
 Вон река морщинками лучилась,
 Я теперь такими же лучусь.

Я на ветер точно так же щурюсь,
 К устью так же путано спешу.
 Стойте, годы, стойте — я прошу вас
 И прощенья тихо попрошу.

И скажу вам что-то торопливо,
 Без надрыва, будто так, шутя, —
 И пойду, как донник, вдоль обрыва,
 Белыми губами шелестя.

Именно благодаря родству с природой рождается в стихах ощущение того одиночества, которое рождает поэзию. Она становится средством преодоления несуществования, страха смерти.

Лирический герой не ставит себя на первое место, для него имеет ценность жизнь как целое. И это не он, а «осокори идут по краю».

Стихи есть продолжение жизни, и жизнь — продолжение стихов. Их тонкая живописность обусловлена только силой, энергетикой восприятия. Каждая малая, но важная деталь отпечатывается в душе любящего свою землю человека. Мне нравится, как художнически точно меняется ракурс его взгляда при описании родных мест. Это и степь огромная, и просторы речные, и место на краю вселенной — и в то же время маленький посёлок. И травы маленькие, и деревья. Всё, вплоть до бабочки и букашки какой-нибудь, видит художник. Всё это разнообразие говорит о его любви.

Стихи Александра Нестругина напрочь лишены надрывного пафоса «стихов об эпохе».

Гляди: меж верб сквозит и рдеет,
 Впитав закат и холода, —
 О нет, не русская идея,
 А просто — русская вода.

В них есть только искренность болеющего за время, за родину, за её людей человека. Они не о времени и о себе, а о боли во времени.

Боль во времени и есть назначение поэта. Но оно обозначено не явным пафосом, а скрытым мотивом, нежностью к миру, бережным отношением к нему.

Эта жизнь и горька, и жалка,
 Никому не нужна и никчёмна.
 Но зачем-то жалею жука
 С переломанным крылышком чёрным.

Поднимаю... Он что мне — родня?
 Иль хочу, чтоб душа отживела?
 И так важно ещё для меня,
 Чтоб и дочка его пожалела...

Осознание хрупкости своей души и хрупкости мира — это то, что по-настоящему спасает человека и делает поэзию поэзией. Это очень остро, на какой-то грани. Видимо, отсюда и название книги. «Край» — пожалуй, слово знаковое. И только природа и человек, два дыхания, всё так же ладят между собою. И так же ладит настоящая, современная поэзия с прошлой, продолжает её. Только имитация, чужие продажные слова не спасают, а лгут. Не задаваясь специально задачей писать традиционно, поэт живёт и пишет в традициях русских классиков.



Галина
МУРЕНИНА

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) принадлежит к тем людям, к которым время никогда не относилось равнодушно. В середине 19-го века он выступал как философ и экономист, историк и социолог, общественный деятель и публицист, филолог и литературный критик, политик и педагог. Наконец, он известен как романист, автор на шумевшего в своё время романа о любви и революции под названием «Что делать?», занявшего видное место в истории русской литературы. С самых первых публикаций в журнале «Современник» начала 1850-х годов до сегодняшнего дня вокруг его имени бурлят страсти, от безоговорочного признания современниками за Чернышевским значения крупного писателя, до заметного снижения его роли в отечественной литературе в наши дни. Но куда же деть 16 огромных томов полного собрания сочинений писателя, свидетельствующих о глубоком и превосходном «понимании Чернышевским современной ему действительности»? (Ленин. Соч. Т. 1. С. 178).

В книге учёного, писателя Гадильбека Шалахметова «Пятый сон» (М., 2017) приведены слова известного учёного-этнолога Льва Гумилёва, блестяще подтверждающие эту аксиому: «Вот уже несколько дней я во сне общаюсь с Николаем Чернышевским как с живущим ныне человеком, а между тем сон слишком похож на явь. Мы часами разговариваем на исторические темы, и он, родившийся в 1828 году и умерший в 1889-м, предсказал моё появление, т.е. мою теорию пассионарности о происхождении этносов, хотя называет это «происхождением рас» (Статья Н.Г. Чернышевского «О расах» опубликована в 8-м т. ПСС, с. 808–826.).

Итак, серьёзный учёный, публицист, литератор... Но мы предлагаем читателю сегодня рассказ о другом Чернышевском – человеке, обладающем большим чувством юмора, любящим пошутить и подшутить, великолепно рассказчик и благодушном обывателе.

Однажды ко мне обратился журналист Евгений Грачёв с просьбой вспомнить курьёзные, анекдотичные случаи из жизни Николая Гавриловича Чернышевского. Мысль показалась мне интересной; снять с хорошего человека бронзоволикость, расска-

зять, какой след оставил великий демократ в умах и сердцах своих современников, людей, сколько-нибудь знавших его. В воспоминаниях они говорят о нём с неоспоримой симпатией, и даже враги признают его огромный авторитет, который придавали Чернышевскому ум, знания, честность и всегдашняя верность своим основным принципам.

Думается, что настоящим призванием Николая Чернышевского была профессура. Он был бы, вероятно, идеальным профессором. Каракозовец Пётр Николаев в «Личных воспоминаниях о Чернышевском» писал: *«Мне приходилось встречать многих очень остроумных и красноречивых литераторов, учёных, просто образованных людей, но такого разговорщика, каким был Николай Гаврилович, я не встречал ни раньше, ни позже. Случалось просиживать с ним часов по пяти подряд, и разговор не умолкал ни на минуту. Это был блестящий фейерверк идей и образов. Раз, например, мы говорили с ним о присоединении одной страны к большому государству, и я высказал ту мысль, что для народа-то этой присоединённой страны, пожалуй, и выгоднее не иметь своего национального правительства, что дело демократии только выигрывает от этого присоединения.*

«Так-то оно так, – ответил Николай Гаврилович, – только видите, в чём дело. Вы, например, в огороде копаетесь... И свиньи в огород лезут, и вы в них палками кидаете. А как вы думаете, когда у вас легче на душе бывает: когда вы с меньшим озлоблением палкой кидаете – тогда ли, когда своя свинья в огород лезет, или тогда, когда чужая?»

Так был жив образ, высказанный Чернышевским, что пришлось подумывать и об этом вопросе, по-видимому, уже решённом для меня».

Чернышевский в разговоре любил пошутить, с добродушной иронией относился ко всему, что выходило за рамки его представлений, в обыденной жизни мог разыграть собеседника так, что было непонятно, шутит он или говорит всерьёз, в особенности если предмет разговора касался лично его. Товарищам по каторге он рассказывал, как, живя в Петербурге, вздумал помочь дворнику внести дрова на пятый этаж и так ловко помог, что рассыпал всю вязанку, за что и получил надлежащее возмездие в форме крепких слов. Политзаключённые всякий раз вспоминали этого дворника, когда нужно было *«отделаться»* от помощи *«стержня добродетели»* (так шутили во называли они Николая Гавриловича).

Неловкость в житейских делах его была феноменальной. Отчасти это происходило от большой близорукости. Авдотья Яковлевна Панаева вспоминала, как однажды, придя в редакцию «Современника», Чернышевский вежливо раскланялся с её шубой, лежавшей на стуле, приняв шубу за знатную даму, а в другой раз, сидя на диване, нежно гладил её муфту, думая, что это кошка. Разумеется, много шло и от характера, унаследованного от матушки Евгении Егоровны. Эту особенность семейного характера отмечал сосланный в Саратов по делу о Кирилло-Мефодьевском братстве историк Николай Иванович Костомаров, близко знавший семью Чернышевских и сам *«пострадавший»* от острослова-приятеля. Явившись однажды к Чернышевским с поздравлением по случаю Светлого Христова Воскресения, Костомаров поднялся по крутой и узкой лестнице в мезонин, где жил Николай Гаврилович, с радостным возгласом: «Христос Воскрес», а в ответ услышал спокойное: *«Это ещё надо доказать»*. Ошарашенный профессор кубарем скатился с лестницы и долго *«дулся»*.

Николай Алексеевич Некрасов писал Добролюбову: *«Николай Гаврилович всё такой же шутник. На днях я говорил с ним о моих стихах и сказал, что чувствую тупость и отныне буду писать только для «Свист-»*

ка». А он мне на это: «Да, это бывает. Вот Гёте одно время вообразил, что ему следует перекладывать учёные мысли в стихи – и ничего больше не делал». Это было сказано с добродушием, к которому способен только Николай Гаврилович. Нельзя его не любить...»

А Добролюбов записал в «Дневнике», как в январе в 1857 года он пришёл к Чернышевскому за рукописью и попал не в урочный час: Ольга Сократовна в этот день поутру родила сына.

Чернышевский был тревожно настроен, но при всём том не удержался от шутки: «...Велик очень ребёнок. Этакий парнище (и он показал, какой), и кричит басом». Я не мог не расхохотаться, а он ничего...»

Не утратил этой манеры Николай Гаврилович в Вилюйском остроге, когда положение, казалось, было настолько скверно, что хуже и быть не могло. После неудавшейся попытки Мышкина увести Чернышевского из Вилюйска явился военный караул в остроге, и ссыльного поселенца с полгода не выпускали за ворота. Потом выпустили, но когда он отправлялся куда-либо по городу, за ним следовал издала казак или жандарм, глядел, куда он заходил, и ждал его выхода. Чернышевский решил однажды подшутить над своим спутником. Подобрал полы своего длинного мехового халата, он бросился бежать в тайгу, виляя между деревьями. Казак, преодолев минутное остолбешение, путаясь в амуниции, ринулся за своим подопечным с громким криком: «Николай Гаврилович, куда же вы?» Так продолжалось, пока оба не устали.

Бежать, собственно, было некуда. В якутской тайге природа создала идеальное место для заточения, людям оставалось только чуть-чуть подправить это совершенство. Непроходимые леса, болота, климат не оставляли надежд.

Был такой случай в сибирской жизни Чернышевского. Для гигиены и от нечего делать пристрастился Николай Гаврилович к грибной охоте и, хотя грибником был плохим (брал всё подряд и по большей части червивые), времени за этим занятием проводил много, уходил далеко в тайгу и однажды ушёл так далеко, что заблудился. Нашли его на второй день, голодного и обессиленного, а по Вилюйску уже ходили тайные слухи: бежал.

Не бежал и не хотел бежать, понимая бессмысленность этого предприятия. Освободился в 1883 году по Высочайшему повелению, выданному в награду партии «Народная воля» за примерное поведение во время коронации нового царя Александра III. Отправляли Чернышевского из ссылки с большими предосторожностями, возок отбыл из Вилюйска в 4 часа утра вместо 12 пополудни, назначенных для провозов.

Владимиру Короленко рассказывали курьёзный эпизод, связанный с этим секретом Полишинеля, каким окружили отъезд Чернышевского из Сибири. Об освобождении было известно всей России из газет. За несколько часов до выезда Чернышевского по Лене из Якутска отправилась почта. Почтальон, как и все в городе, конечно, знал, что Чернышевский поедет вслед за ним, и, желая поусердствовать, предупреждал всех зрителей. Таким образом, подъезжая к станции в лодке, небольшой отряд с важным пересыльным заставал уже на берегу готовыми новую лодку, лошадей для лямки и ямщиков в парадных (по возможности) костюмах. Это наконец обратило на себя внимание жандарма.

«Что за чёрт, – удивился он, – откуда вы знаете, что мы будем?» – «От почтальона такого-то. Приехал с почтой и говорит: готовьтесь, Чернышевского везут». Жандарм усмотрел в усердии почтальона разоблачение государственной тайны, тот потерял место. Не было принято во внимание и то, что почтальон оказал жандармам действительную услугу, так как по всей Лене их ждали на берегу готовые лодки, лошади и ямщики.

А сам Чернышевский был озабочен в это время тем, как бы рассчитаться с якутским губернатором, завтрак у которого он принял за любезность и только потом, когда ему не позволили в Якутске остановиться отдохнуть, понял истинную цену этой любезности и огорошил жандармов просьбой: «Надо бы хоть к губернатору вернуться. Рубль, что ли, ему за завтрак отдать...»

Народная молва оставила множество легенд о Чернышевском. Одну из них в пересказе сибирского ямщика записал В. Г. Короленко: «Чернышевский был у покойного царя (Александра II) важный генерал и самый первейший сенатор. Вот однажды созвал государь всех сенаторов и говорит:

– Слышу я: плохо у меня в моём государстве... Людишки больно жалуются. Что скажете, как сделать лучше?

Ну сенаторы... один – одно, другой – другое... Извините уж, как всегда заведено. А Чернышевский молчит. Вот, когда все сказали своё, царь говорит:

– Что же молчишь, мой сенатор Чернышевский? Говори и ты.

– Всё хорошо твои сенаторы говорят, – отвечает Чернышевский, – и хитро, да всё, вишь, не то. А дело-то, батюшка-государь, просто... Посмотри на нас: сколько на нас золота да серебра навешано, а много ли мы работаем? Да пожалуй, что меньше всех! А которые у тебя в государстве всех больше работают – те вовсе, почитай, без рубах. И всё так идёт навыворот. А надо вот так: нам бы поменьше богатства, а работы бы прибавить, а прочему народу убавить тягостей.

Вот услышали это сенаторы и осердились. Да один за одним и ушли.

И сидят за столом царь да Чернышевский – один.

Вот царь и говорит:

– Ну, брат Чернышевский, люблю я тебя, а делать нечего, надо тебя в дальние места сослать, потому с тобой одним мне с делами не управиться.

Заплакал да отправил Чернышевского в самое гиблое место – на Вилюй. А в Петербурге осталось у Чернышевского семь сынов, и все выросли, обучились, и все стали генералы. И вот пришли они к новому царю и говорят:

– Вели, государь, вернуть нашего родителя, потому его и отец любил. Да теперь уже и не один он будет – мы с ним, семь генералов.

Царь вернул его в Россию, теперь, чай, будет спрашивать, как в Сибири, в отдалённых местах народ живёт... Он и расскажет...

Привёз я его в лодке на станок, да как жандармы-то сошли на берег – я поклонился в пояс и говорю:

– Николай Гаврилович! Видели наше житьишко?

– Видел, – говорит.

– Ну, видел, так и слава-те Господи».

Когда Чернышевскому рассказывали эту легенду, он с добродушной иронией покачал головой и сказал: «А-а, похоже на правду, именно похоже. Умные парни – эти ямщики!»



Александр ДЕМЧЕНКО
Галина ДЕМЧЕНКО

ОЧЕРЕДНОЙ ЮБИЛЕЙ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

В нынешнем году мы отмечаем 80-летие одного из тех людей, кто на протяжении долгого времени неустанно приумножает сокровищницу достижений Саратовского края – народного артиста России композитора Евгения Бикташева.

Совсем недавно он подвёл своеобразный итог более чем полувековой деятельности выпуском альбома аудио- и видеодисков с записями своих песен («Время и песня»). Альбом уникален: подобное собрание звукозаписей композитора-песенника в России выходит впервые. Десять дисков, около двухсот треков, почти десять часов музыки! Издание осуществлено при поддержке губернатора Саратовской области В.В. Радаева и Российского авторского общества.

Итог первый – всеохватывающая панорама того, что мыслимо сделать в песенном жанре. Воспеть трудовые будни и светлые праздники, рассказать о суровых испытаниях прошлого и одавить зазорной шуткой, создать драматические баллады для прошедших большой жизненный путь и разыграть песенки-прибаутки для малышей – буквально всё можно найти для себя в тематических рубриках альбома: «Венец Поволжья», «Где поют соловьи», «Виновата война», «Эхо звонких голосов» и т.д.

В создании этого всеобъемлющего многообразия композитору, конечно же, помогали мастера слова. Спектр поэтических имён, представленных в альбоме, охватывает всю Россию. Своё достойное место в этом спектре заняли саратовские поэты Владимир Гришин, Исай Тобольский, Николай Палькин, Иван Мало-

-
- Александр Иванович Демченко – профессор Саратовской государственной консерватории имени Л.В. Собинова, профессор Саратовского государственного университета, Саратовского государственного социально-экономического университета, Оренбургского государственного университета искусств имени Леопольда и Мстислава Ростроповичей. Член Союза композиторов РФ, Союза журналистов РФ. Заслуженный деятель искусств РФ. Заслуженный деятель науки и образования. Лауреат Всероссийского конкурса на лучшее учебно-методическое пособие. Обладатель Золотой медали В.И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки и Почётного звания «Основатель научной школы». Лауреат Международной премии им.Н. Рериха. Почётный гражданин города Саратова.
Галина Юрьевна Демченко – преподаватель Саратовского областного колледжа искусств, лауреат Международных конкурсов, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Центра комплексных художественных исследований, член Союза композиторов России, автор около 100 научных публикаций.

хаткин, Михаил Чернышёв, Вячеслав Чурсов и многие другие. Так что по использованным в песнях Евгения Бикташева текстам можно составить целую антологию поэзии «малой родины».

Многие песни написаны на слова и самого композитора: «Голубая лагуна», «Волжские дали», «Саратовский вальс», «Песня о море», «Хочу в Париж», «Цветы дарю тебе», «Давай поженимся», «Не ревнуй меня», «Сабантуй», «Не ходи, Фарид, за мною» и т. п.



Евгений Бикташев

Когда вчитываешься в тексты этих песен, становится ясно, что Евгений Бикташев в полной мере и совершенно незаурядно владеет искусством слова. Не случайно он является обладателем трёх литературных премий – имени А. С. Грибоедова, имени А. П. Чехова и имени В. В. Маяковского. Чтобы не быть голословным, приведём на суд читателя несколько цитат.

*Ритмы времени, ритмы песен –
Это наша с тобою жизнь!..
Ритмы времени в ритмах песен –
Неуёмного сердца пульс.*

(«Время и песня»)

*Пусть будет свято
Жить на земле тишина
И станет прекрасней Саратов,
Волга и вся страна.*

(«Здесь, на горе Соколовой»)

*Эхо звонких голосов
Из-за гор, из-за лесов,
Эхо песенных чудес
Льётся с солнечных небес.*

(«Эхо звонких голосов»)

Евгений Бикташев является автором нескольких книг, отмеченных премиями, и в 2005 году по предложению поэтессы Риммы Казаковой он был принят в Союз писателей Москвы.

Но вернёмся к истокам творческого пути. Его отсчёт Евгений Бикташев начинает с 1956 года, когда рождались первые опусы начинающего композитора. После ряда проб в различных жанрах появилась его первая песня – «Саратовский вальс», вскоре ставшая «визитной карточкой» города и позывными областного радио. Потом были написаны и другие песни. Начались записи на Всесоюзном радио и Центральном телевидении, пришли

первые победы на песенных конкурсах, и этот жанр в творчестве Бикташева стал самым главным.

Главным, но отнюдь не единственным. В портфеле композитора есть произведения для симфонического оркестра (например, симфония «Истоки судьбы»), оперетта «А было это на Волге», музыка для оркестра народных инструментов, романсы, хоровые и камерно-инструментальные сочинения, а также музыка к двум десяткам телефильмов. Тем не менее он прежде всего композитор-песенник.

Евгений Бикташев проявил себя превосходным стилистом, умеющим найти верную интонацию. Это может быть повесть о романтике жизни («Колёса, куда вы спешите?»), тихий, ровный, спокойный вальсовый пульс согласия двух сердец, бьющихся в унисон («Вот и дожди отзвенели») или внешне легкомысленная песенка молодой радости, в которой сквозит стремительный и горячий ритмический напор, пробивается нежность и тонкость чуткой девичьей души («Лесная тропка»).

Лирические песни Бикташева широко и многообразно используют вальсовые формулы. Прочную известность получили «Саратовский вальс» и «Хопёрский вальс» (оба на собственные тексты). О счастливой судьбе первого из них уже говорилось, а второй является музыкальной эмблемой межрегионального песенного фестиваля «Хопёрский вальс».

Вместе с тем за внешней стороной кружения в водовороте танца нередко проглядывает ностальгия по высоким чувствам, изяществу, красоте, благородству – тому, чем так отличались «старые добрые времена» романтического века. Отсюда элегический тон и дух меланхолии, грустной мечтательности в таких песнях, как «Пушкинский бал» и «Вальс при свечах».

Ещё более пронзительны по своему тону песни-баллады о несложившейся женской любви («Горько», «Украденная любовь»).

Другая магистральная тема творчества Е. Бикташева – веселье, шутка, игра, озорство. Спектр подобных настроений весьма широк – от доброй улыбки, простодушной весёлости («Не ходи, Фарид, за мною») до ироничного, в чём-то даже «чёрного» юмора, с насмешливыми прогнозами о нелёгкой доле женщины в семейной жизни («Давай поженимся»).

Немалую часть шуточных песен Бикташева составили песни детские. По воспоминаниям композитора, в годы учёбы в музыкальном училище ему приходилось вести уроки пения в школе, обязательным пособием к которым служил тогда толстый сборник песен для детей. И такой скукой веяло от этой хрестоматии, что в последующем, уже став композитором и обращаясь к детской музыке, он дал себе зарок ни в коем случае не допускать подобного «занудства».

И надо признать, для маленьких он пишет мастерски, учитывая возможности их голосов, разнообразно, изобретательно, без дидактики и снисходительности. Его секрет состоит в способности подчеркнуть трогательно-забавное в натуре малыша, в умении писать на улыбке и обязательно в игровой форме. А начинается это с тщательного подбора текстов – многие из них он нашёл у О. Дриза.

*Радуйся, телёнок,
Радуйся, козлёнок,
Радуйся, собачка,
Прыгай, поросёнок,
Радуйтесь, щенята,
Кошка и котята,*

*Квочка и цыплята!
Нет счастливей дня:
В первый раз за хлебом
Мама шлёт меня.*

В мелодике песен Бикташев чаще всего идёт от разговорной речи. Иногда речевое начало вторгается в его песни в своём прямом виде, декламацией на музыке – главным образом в драматических монологах (баллады «Горько» и «Украденная любовь»), хотя порой можно встретить и её юмористическую трактовку («Как одна девочка училась печатать»).

Заодно следует сказать и об использовании другого «внемузыкального» момента. Композитор умеет разыграть в песне сюжетный мотив. Особенно наглядно представлено это в песнях для детей, которые он нередко строит в форме занимательных сенок. Разумеется, в таких случаях к «инсценировке» активно подключаются и музыкальные средства.

Относительную простоту мелодической линии Бикташев, как правило, дополняет богатством гармонической вертикали. Лишь иногда он сводит гармонию, а вместе с ней и фактуру к минимуму, давая возможность свободно и широко прозвучать напеву («Снега России»). Обычно же гармонический пласт у него отличается насыщенностью, богатством красок, и это, может быть, более, чем что-либо другое, выдаёт в нём руку и слух чуткого, оригинально мыслящего музыканта.

Простоту мелодики он нередко обогащает не только гармонически, но и развитой, тщательно выписанной фактурой. Так, в «Русском плясе» танцевальный ритм вокальной мелодии оплетается искусно разработанным инструментальным наигрышем в духе кадрили (в чём-то напоминая подобное из второго действия оперы Р. Щедрин «Не только любовь»).

Немалый интерес представляют песни, где осуществляется выход за пределы куплетной формы. Отчётливую тенденцию к этому имеют образцы, в которых раскрывается многоэпизодный сюжет, вызывающий необходимость в резких смысловых сдвигах, в перебивах темпа и прочих «переменах декораций» (наибольшее хождение всё это получило в балладах).

Большую «свободу действий» позволяет себе композитор в детских сочинениях. Песенка «Как все радовались» – диалог мальчика и его мамы, и соответственно этому целое представляет собой развёрнутую трёхчастную форму с тематическим и темповым контрастом: мальчик – скоро, подвижно, в мажоре; мама – сдержанно, в параллельном миноре и в более сложном интонационном рисунке.

В песне «Как одна девочка училась печатать», следуя свободной стихотворной форме Г. Сапгира, композитор и музыкальное изложение строит совершенно непринуждённо, в том числе воспроизводя живой диалог девочки, перечисляющей сделанные ею опечатки, и хора, реагирующего соответствующим образом.

*Траву жуёт КОРОНА.
– Корова.
Король надел КОРОВУ.
– Корону.
Закаркала ДОРОГА.
– Не дорога.
Я вышла на ВОРОНУ.
– Не так!*

Яркое мелодическое дарование, разнообразие гармонического языка, обилие интересных фактурных приёмов, красочное звучание инструментальной партитуры... И в добавление к сказанному приведу соображение о важнейшей общей черте творческого кредо Евгения Бикташева. Обращаясь к самым разным темам, находя самые разные способы их воплощения, он в качестве безусловной художественной доминанты с самого начала определил для себя такие понятия, как свет, добро, душевная отзывчивость и сердечная теплота. Вот почему так удаются ему песни добрых дел и помыслов, вот почему так неустанно воспевает он радость существования на земле, нередко трактуя её как самую настоящую жизненную благодать.

* * *

Итог второй состоит в том, что за полу столетие творческой жизни Евгений Бикташев исколесил страну вдоль и поперёк, и летопись его поездок отнюдь не осталась фактом личной биографии. Будучи необычайно любознательным человеком, он впитывал дорожные впечатления, нередко претворяя их затем в песенные образы. Поэтому в его огромном творческом наследии можно встретить музыкально-поэтические отклики на многое из той географии, которая запечатлелась в хрестоматийных строках: *«От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей...»*

Перефразируя слова другой известной песни, композитор может сказать о себе: *«Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – вся страна Россия»*. В качестве примера можно сослаться на представленные в альбоме две драгоценные крупы, посвящённые русскому Северо-Западу: песня «Великий Новгород», с которой соседствует «Старая Русса» – песня о древнем городке новгородской земли.

Ключ к теме Родины Евгений Бикташев нашёл уже в одном из своих ранних опусов: «Снега России». Исконно русское передано здесь через мягкую распевность, неспешность и плавность развёртывания широких линий. Для них характерна особого рода пространственность, переданная и в больших восходящих «замах» мелодии, и в неуклонном расширении её диапазона.

При этом в общерусском, традиционном почти всегда без труда улавливаешь и индивидуальное. Скажем, в песне «Куст калины» композитор отталивается от пейзажной метафоры. Переживания от встречи с родными краями после долгой разлуки раскрываются *«напевно, тепло»* (авторская ремарка) и очень по-своему, запоминаясь ритмом основной фразы.

Тема России получает в песнях Евгения Бикташева множество воплощений. Одно из них связано с Волгой. И вновь заметим, что начало здесь было положено ещё на раннем этапе творчества, в песне «Спасибо, Волга!». В её жанровом сплаве совместились очень многое: серьёзная, вдумчивая лироэпика и явственно эстрадная «подкладка», отголоски известных песен о великой русской реке и чувственная нота, идущая от эмоционального тона нынешних песен Закавказья, а в мерном раскачивании фактуры аккомпанемента ощутимы черты баркаролы, вызывающие ассоциации с колыханием и плеском волн.

Волга для Бикташева прежде всего и нераздельно связана с родным городом и окружающим его губернским пространством. Даже если не говорить о многочисленных песенных вариациях на тему областного центра (начиная с раздольного напева «Песня лётся над Саратовом»), композитор вспомнил в своих произведениях едва ли не все города и веси Саратовского края.

«Степи краснокутские», «Перелюбская сторонка», «Хопёрский вальс», «Карабулакская лирическая», «Песня балаковских строителей», «Песня о городе Марксе» – перечислять подобное можно без конца. Характерная особенность многих из этих песен – опора на вальсовость, которая сообщает напевам мягкость, плавность, свободное дыхание и часто особую доверительность.

Здесь же стоит упомянуть о своего рода «кантри» Бикташева. Родившись в одной из деревень Саратовской области, композитор хорошо усвоил уроки крестьянского быта и сохранил в своей душе привязанность ко всему, что касается сельской жизни.

Он поэтизирует сельские просторы, ему близки открытые, отзывчивые души сельчан, и он воплощает характеры своих героев как в весёлых плясовых напевах, так и в широком разливе мелоса в духе современных русских песен, исполняемых разного рода фольклорными коллективами.

Бесспорно, всё что связано с Саратовским Поволжьем, – сердцевина творчества Евгения Бикташева. Но «объектом» самого пристального внимания композитора всегда оставалось и Поволжье в целом, во всём его многонациональном срезе. Об этом красноречиво свидетельствует специальный блок дисков авторского альбома с названием «Спасибо, Волга».

Село Галахово Екатериновского района Саратовской области, а точнее, деревня Свищёвка, где и родился будущий композитор, была в полном смысле слова интернациональной. Дома звучали татарские песни, а по соседству русские, украинские, мордовские и чувашские. Этот многоликий фольклор впоследствии нашёл самое активное преломление в творчестве Бикташева.

Первоначально обращение начинающего композитора к национальной тематике было откликом на насущные потребности созданного им ансамбля песни и танца «Сандугач», который остро нуждался в репертуаре. С этого времени Евгений Бикташев всё чаще обращается к национальной музыке, а также к татарской классической и современной поэзии.

Появляются целые циклы шуточных песен (например, на стихи М. Джалиля «Любовь и насморк»), лирический цикл на стихи Г. Зайнашевой «Гюзаль», а также более крупные сочинения – «Сюита для скрипки с фортепиано» по мотивам поэзии Г. Тукая «Сон земли» и ещё две сюиты: «Сабантуй» и «Поволжье» для солистов и хора с оркестром народных инструментов.

Работа в татарском ансамбле песни и танца побудила Евгения Бикташева обрабатывать народные песни: сначала татарские, потом мордовские, чувашские, украинские и, наконец, русские. Некоторые из многочисленных обработок мелодий народов Поволжья впоследствии вошли в серии «Шесть русских народных песен о Волге и Саратове», «Пять татарских народных песен», «Три башкирские народные песни», «Три чувашские народные песни», «Пять мордовских песен народности эрзя», «Пять мордовских песен народности мокша».

Во многих песнях композитор добивается органичного сосуществования разнонациональных истоков. Об убедительном соединении русского и татарского начал в музыке Е. Бикташева в своё время говорил композитор А. Бузовкин: *«Песни Бикташева – это сплав двух музыкальных культур, их содружество, взаимное освещение, эмоциональное и стилистическое обогащение. Одна из самых привлекательных черт творчества композитора – вот такое содружество двух музыкальных душ, двух музыкальных характеров и двух мироощущений. Это всегда впечатляет и находит горячий отклик».*

Евгению Бикташеву свойственно совершенно осознанное устремление к единению различных народных музыкальных традиций, существующих на берегах великой русской реки. Чрезвычайно примечательна в этом отношении песня «Венец Поволжья». В её тексте пёстрой чередой мелькают названия волжских городов, национальных обрядов, блюд.

Эта круговерть скрепляется интонационным симбиозом русского и поволжского песенно-танцевального материала. Кроме того, в качестве инструментальных отыгрышей вводится коллаж известнейших мелодий – русской, еврейской, татарской и чувашской. Так целое вырастает в музыкально-поэтический символ братства людей, живущих на одной земле.

Вершиной общения композитора с многонациональной музыкой стала и Первая симфония, где превосходно разработанные напевы народов Поволжья органично вливаются в многократно звучащую тему «Эй, ухнем», которая доминирует в финале, вырастая в могучий апофеоз великой русской реки.

* * *

Итог третий – артистический.

Любовь к сцене и организаторские способности будущего композитора проявились очень рано. После окончания 9-го класса он собрал свою первую концертную бригаду, с которой на попутном транспорте объехал весь Турковский район.

Началом своей концертной деятельности Бикташев считает 1958 год, когда он переехал в Саратов и организовал городской татарский ансамбль песни и танца «Сандугач» («Соловей»), где был художественным руководителем, хормейстером, аранжировщиком музыки татар и других народов Поволжья, а также режиссёром-постановщиком национальных концертных программ. За короткое время «Сандугач» стал по-настоящему массовым (120 человек) и самым известным в Саратове коллективом.

С 1963 года и следующие 12 лет Евгений Бикташев – председатель комиссии по культуре и искусству Саратовского обкома комсомола. В 1964-м он создал факультет общественных профессий в Саратовском институте механизации сельского хозяйства.

Факультет состоял из 11 музыкальных отделений, и вскоре художественная самодеятельность этого вуза стала лучшей в Саратове.

В 1967 году песня Бикташева «Колёса, куда вы спешите?» прозвучала в первом советском музыкальном фильме для цветного телевидения «На крыльях юности», после чего Евгения Михайловича утверждают художественным руководителем и директором городского клуба «Факел», который становится молодёжным центром культурной жизни Саратова, удостоенным внимания целого ряда эстрадных звёзд того времени, таких как Ян Френкель, Булат Окуджава, Маргарита Суворова, Алла Иошпе, Стахан Рахимов, Ролан Быков.

С 1970 года Бикташев начал активно выступать по линии общества «Знание» РСФСР с публичными лекциями-концертами. Внимание руководителей этой республиканской организации привлёк тот факт, что молодой музыкант признан как солист-инструменталист, солист-вокалист, мастер художественного слова, и то, что постоянное общение со слушателями научило его устанавливать контакт с любой аудиторией.

Он неоднократно встречался с жителями Сахалина и Хабаровского края, его слушали строители БАМа, труженики северных областей, отдыхающие черноморских здравниц, москвичи, жители Сибири, Урала и Поволжья,

а в Саратовской области нет ни одного села, где бы не побывал Евгений Бикташев со своими выступлениями.

Любовь к сцене и возрастающий профессионализм привели в 1982 году талантливого музыканта в Саратовскую областную филармонию, где он создаёт творческую группу, которая заявила о себе как очень мобильная, рентабельная, пользующаяся постоянным спросом. Композитор активизирует свою исполнительскую деятельность, проявляя изысканный вкус, индивидуальность мышления и яркое преподнесение художественного образа.

В 1990 году творческая группа Бикташева была преобразована в филармоническое подразделение «Музыкальный Центр». Увеличился её состав, появились счёт в банке и право на проведение не только собственных, но и любых других концертов.

Под руководством Е. М. Бикташева «Музыкальный Центр» провёл гастролы известных композиторов (Т. Хренников, А. Эшпай, В. Калистратов), вокалистов (Р. Ибрагимов, Э. Хиль, А. Пугачёва, С. Ротару, В. Толкунова, А. Стрельченко, А. Литвиненко), хора имени М. Пятницкого, Центрального театра кукол С. Образцова. Даже сельские концерты симфонического оркестра филармонии, организованные Бикташевым, собирали полные залы.

Собственная концертная деятельность «Музыкального Центра» оказалась ещё более успешной. За короткое время было подготовлено множество концертных программ: «Здравствуй, песня!», «Весёлый городок», «Спасибо, Волга», «Песня льётся над Саратовом», «Время и песня», «Отдыхаем, танцуем, поём», циклы авторских вечеров на стихи саратовских поэтов В. Гришина, Н. Палькина, И. Тобольского и т. д. Все программы «Музыкального Центра» отличались оригинальностью, свежестью, являлись не только развлекательными, но и познавательными.

Организаторский талант Бикташева позволил оснастить «Музыкальный Центр» транспортом, отличной звукоусилительной, осветительной и телевизионной аппаратурой, включая художественный свет, видеокамеры, концертные экраны, что дало возможность показывать любую из программ на самом высоком художественном и техническом уровне не только в залах, но и на открытых площадках, в любом уголке Саратовской области, Поволжья и других регионов страны.

В 1996 году, в целях улучшения концертного обслуживания населения, создания национальных концертных программ на языках народов Поволжья, а также в целях пропаганды музыки поволжских композиторов и творчества молодых исполнителей, постановлением губернатора Саратовской области «Музыкальный Центр» преобразован в самостоятельную концертную организацию. Теперь это государственное учреждение культуры – областная концертная организация «Поволжье».

«Музыкальный Центр» был выбран для этого неслучайно. Тому способствовали постоянный спрос на его концерты, оперативность, рентабельность, стабильность коллектива, а также авторитет Евгения Михайловича Бикташева, который и был назначен художественным руководителем нового творческого коллектива. В день подписания приказа об этом назначении Евгений Бикташев провёл свой десятитысячный концерт.

Как известно, в прежние времена о композиторской песне и композиторах-песенниках писали много и часто. Сегодня эта тема оказалась на глубокой периферии. Причина вроде бы совершенно ясна: композиторскую песню во многом вытеснил поток того, что производится бесчисленными исполнителями рок-, поп- и масскультуры. И всё же существует ряд профессионалов,

пришедших со своей песней из предыдущих десятилетий и с честью выдерживающих «осаду» нынешнего бума продукции подобного рода.

Один из секретов песенного «долгожительства» Евгения Бикташева состоит в том, что он не только создаёт музыку и стихи, но и умело, эффективно, с неизменным успехом организует весь процесс жизни песни. Как уже говорилось, за прошедшие десятилетия композитор создал несколько художественных коллективов, он осуществляет режиссуру песенного репертуара, насыщая её светом, цветом, танцевальной пластикой и превосходным звуком. Кроме того, он выступил инициатором и участником проведения ряда крупных межрегиональных песенных фестивалей (самый значительный из них – «Хопёрский вальс»).

К слову, неординарный дар руководителя сказался и в том, что с 1996 года Евгений Михайлович возглавляет Саратовскую композиторскую организацию, причём всё это время на общественных началах, успешно реализуя массу плодотворных начинаний. Таким образом, на нынешний год приходится ещё один его юбилей.

Маршруты концертных поездок Евгения Бикташева просто неисчислимы. И это прежде всего города и сёла Саратовской области, где он постоянный и очень желанный гость. Его творчество всегда востребовано, поэтому среди исполнителей песен, представленных в только что изданном альбоме, мы находим такие имена, как Александра Стрельченко, Иосиф Кобзон, Валентина Толкунова, Ренат Ибрагимов, Маргарита Суворова, Леонид Сметанников и многие другие.

Среди саратовских композиторов Евгений Бикташев впервые вышел на московские хоровые коллективы и оркестры, в том числе Большой эстрадно-симфонический оркестр под управлением Юрия Силантьева, Оркестр русских народных инструментов под управлением Николая Некрасова, Оркестр Госкино под управлением Константина Кримца, Большой детский хор Гостелерадио под управлением Виктора Попова и ряд других.

Многое на дисках альбома звучит в исполнении солистов областной концертной организации «Поволжье», которую создал и которой уже целое двадцатилетие бесценно руководит Евгений Бикташев. Среди них – спутница жизни и прекрасная исполнительница его песен – заслуженная артистка России и Республики Татарстан Нина Калашникова, с успехом поющая и на языках народов Поволжья. Широко представлен в качестве исполнителя песен и сам композитор, недавно отметивший 50-летие творческой и общественной деятельности.

Остаётся сказать, что итоговый альбом дисков «Время и песня» превосходно оформлен по дизайну, очень удобен в пользовании, снабжён красочными вклейками с видами Саратова. Во всём чувствуется то, что запечатлено в лапидарной авторской надписи на обложке: *«От всей души! Евг. Бикташев»*.

Издание этого альбома песенных дисков – событие чрезвычайное. За его саунд-треками встает впечатляющая панорама творческих исканий и достижений. И стоит отметить, что эти достижения получили достойное признание.

Если перечислить номинации только «надводной части айсберга» всевозможных регалий Евгения Бикташева, то получим следующее: народный артист России и заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, лауреат премий Союза композиторов Российской Федерации имени В. П. Соловьёва-Седого и Д. Д. Шостаковича, заместитель председателя Союза композиторов России и руководитель Саратовской композиторской организации,

Почётный гражданин Саратова, Почётный гражданин Саратовской области, член Экспертного совета по культуре при губернаторе Саратовской области.

Прослушивание-просмотр юбилейного альбома лишний раз подтверждает, что наш именитый мэтр – в полном смысле этого слова *народный артист России*. Именно об этом в своё время говорил Т. Хренников: *«Евгений Бикташев – неординарная личность, в нём есть такая человеческая контактность и такое человеческое обаяние, что, когда композитор встречается с публикой, он производит впечатление не только своим творчеством, но и яркими человеческими качествами. Кстати, всё это сказывается и на музыке, и на её восприятии... Я бы сказал, что Евгений Бикташев – это поистине народный композитор и народный артист»*.

И в качестве небольшого постскриптума – поздравление от Саратовской консерватории.

«Учёный совет Саратовской государственной консерватории имени А. В. Собинова и весь коллектив консерватории горячо поздравляют Евгения Михайловича с замечательным юбилеем!

Сделанное Вами как композитором – бесценный вклад в песенное творчество России. Ваши песни о Саратове и городах Саратовской губернии, о Волге и многих памятных местах России, Ваши патристические, лирические и шуточные песни на русском и татарском языках вошли в сокровищницу художественной культуры нашей страны.

Мы высоко ценим большие плоды Вашей организаторской деятельности на ниве отечественной культуры. Создатель и художественный руководитель государственной концертной организации «Поволжье», с которой Вы объездили все уголки Саратовской области и гастролировали во многих городах России, бесменный руководитель Саратовской композиторской организации и многие годы заместитель председателя Союза композиторов России, инициатор множества всевозможных акций в сфере культуры Поволжья и страны в целом – во всех этих ипостасях Вам удалось сделать необычайно много.

Мы неизменно ощущаем Вашу деятельную поддержку того, что происходит в консерватории – Ваш жизненный опыт, большая человеческая мудрость необходимы нам; в качестве члена Учёного совета консерватории Вы оказываете её коллективу большую честь постоянным участием в наших делах.

Наконец, позвольте сказать и о той большой радости, которую приносит всем нам общение с Вами как с человеком, от которого всегда исходят теплота, доброжелательность, желание и умение помочь всем, кто в этом нуждается.

Примите от нас пожелания доброго здоровья и неиссякаемой творческой энергии на многие-многие годы.

Ректор
Саратовской государственной консерватории
имени А. В. Собинова –
А. Г. Занорин»

Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет замечательного композитора
Евгения Михайловича Бикташева
с юбилеем!



*Р.М. Вашурина
в спектакле «Почему улыбались звёзды»
1958 год*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Художник – Павел Никитин.

Подписано в печать 18 июня 2019 года.

Дата выхода в свет 30 июня 2019 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/1806/9

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 69-54-41.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.



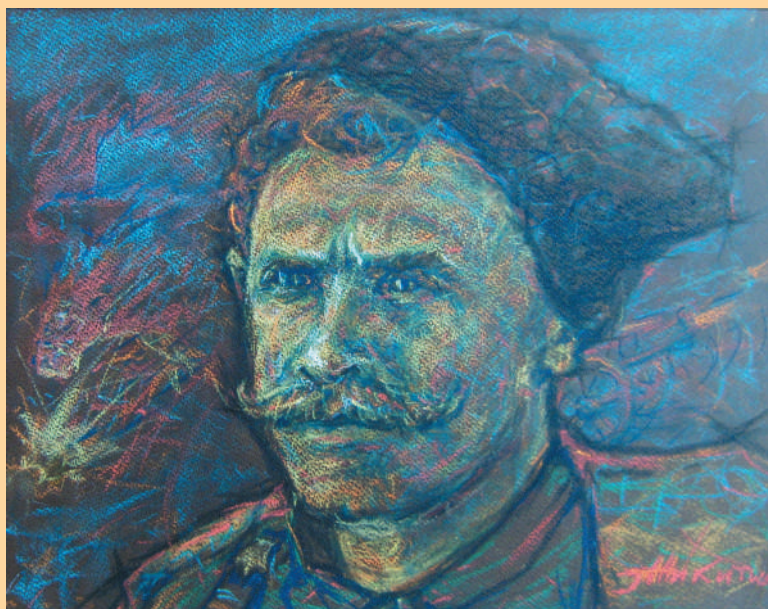
© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2019.

© «Волга–XXI век», 2019.

РАБОТЫ ХУДОЖНИКА ПАВЛА НИКИТИНА



Портрет народного артиста СССР Бориса Андреева
в роли Вожака в «Оптимистической трагедии»



Портрет народного артиста СССР Бориса Бабочкина
в роли Чапаева



Павел Никитин «Друзья»

